

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2026. № 1 (35)

Научный рецензируемый журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2025

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2026

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2026. № 1 (35)

Scientific peer-reviewed journal

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI № FS 77 – 85231 dated 25.04.2023.

**© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2025**

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St.,
Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2026

2026. 1 (35)

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, зав. кафедрой языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени Валда Авотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Б. П. Ашрапов – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова» (Республика Таджикистан, Худжанд);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, профессор кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Е. Г. Постникова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ЛФИС НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Автор коллажа на обложке – Зайцева Т. Б., д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

2026. 1 (35)

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Bahodurjon Pulotovich Ashrapov – candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of linguistics and comparative typology attached to the faculty of Foreign languages under the SEI «Khujand State

University named after academician B. Gafurov» (Tajikistan Republic, Khujand-city);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova– Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor of the Department of Foreign Languages in technical areas, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Yekaterina Postnikova – Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Author of the collage on the cover: T. Zaitseva, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

Гаспарян Н. К. МИФ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ:
СОХРАНЕНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ
В АРМЯНСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ 13

Губанов С. А. ЭПИТЕТАЦИЯ В ПИСЬМАХ
Н. ГРОНСКОМУ М. ЦВЕТАЕВОЙ 19

РАЗДЕЛ II. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Матюшина О. С., Филясова Ю. А. ЛОКАЛИЗАЦИЯ
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ
МЕДИАСТАТЕЙ 27

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Чепелева Г. И., Астафьев Д. А. МИФОЛОГИЧЕСКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ И ЕГО ПОСТСЕКУЛЯРНАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ГРУППЫ «WARDRUNA» 36

Чепелева Г. И., Астафьев Д. А. ПАМЯТЬ И «ЖИВОЙ
ЯЗЫК» КАК ИСТОЧНИКИ СИМВОЛИЧЕСКОГО
БЕССМЕРТИЯ В РОМАНЕ «ТЕНЬ ВЕТРА» КАРЛОСА РУИСА
САФОНА 48

РАЗДЕЛ IV. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Дмитриева А. В., Рудакова С. В. ГЕЙМИФИКАЦИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ
СТУДЕНТОВ В ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ 64

Дрожбина А. И. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
ОБУЧЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ РАЗВИТИЯ ЭМОТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ У БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 78

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Махиева Л. Х., Керимова Р. А. УЛАКОВУ МАХТИ
ЗЕЙТУНОВИЧУ – 75 88

**РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы V
Всероссийской научно-практической конференции
«Видеопэзия как феномен современной поэтической,
читательской и зрительской культуры», проведенной
5 декабря 2025 г. в рамках VIII Международного
фестиваля видеопэзии «Видеостихия» (Магнитогорск,
МГТУ им. Г. И. Носова, центр визуальной культуры
«Век» МБУК «ОГБ» г. Магнитогорска)**

Бородина А. Н. ВИДЕОКНИГА НА РУССКОМ
ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ КАК ФОРМА АДАПТАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 97

Толмачёв А. В. ВИДЕОПОЭЗИЯ КАК ФЕНОМЕН
ЭСТЕТИКИ ТРОИЧНОЙ ГАРМОНИИ: ЗВУКА, ЦВЕТА,
ДВИЖЕНИЯ 108

Юдина М. В., Цуркан В. В. ФЕНОМЕН
ПРЕВРАЩЕННЫХ ФОРМ В СЕРИАЛЕ «ВОЛЧОНОК»:
ОТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО АРХЕТИПА
К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МЕТАФОРЕ 114

Юдина М. В., Цуркан В. В. ГУМАНИЗМ
В ВИДЕОПОЭЗИИ: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
(А. А. ФЕТ, Г. ГЕЙНЕ) 123

АВТОРАМ 131

CONTENTS

PART I. LINGUISTIC POETICS. RHETORIC

Gasparian N. K. MYTH IN EVERYDAY SPEECH:
THE SURVIVAL OF ARCHAIC BELIEFS IN ARMENIAN FIXED
EXPRESSIONS 13

Gubanov S. A. EPITHETATION IN THE LETTERS
BY M. TSVETAeva TO N. GRONSKY 19

PART II. TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Matyushina O. S., Filyasova Y. A. PROPER NAME
LOCALIZATION IN TRANSLATING MEDIA ARTICLE TITLES 27

PART III. PHILOSOPHY OF LITERATURE

Chepeleva G. I., Astafiev D. A. THE MUSICAL WORK
OF THE BAND «WARDRUNA»: A MYTHOLOGICAL
JOURNEY AND ITS POST-SECULAR REINCARNATION 36

Chepeleva G.I., Astafiev D. A. CARLOS RUIZ ZAFÓN'S
NOVEL «THE SHADOW OF THE WIND»: MEMORY
AND LIVING LANGUAGE AS SOURCES OF SYMBOLIC
IMMORTALITY 48

PART IV. THE METHODOLOGY OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

Dmitrieva A. V., Rudakova S. V. GAMIFICATION
AS A TOOL FOR ENHANCING STUDENT MOTIVATION
IN PERSONALIZED LEARNING 64

Drozhbina A. I. THE CONTENT COMPONENT
OF EDUCATION AIMED AT THE DEVELOPMENT
OF THE EMOTIONAL COMPETENCE OF FUTURE FOREIGN
LANGUAGE TEACHERS 78

PART V. SCIENTIFIC LIFE

Makhiyeva L. Kh., Kerimova R. A. ULAKOV MAKHTI
ZEITUNOVICH IS 75 88

PART V. SCIENTIFIC LIFE. AllRussian theoretical and practical conference “Video Poetry as a Phenomenon of Modern Poetic, Reader and Spectator Culture,” held on Dec. 5, 2025 as a part of the 8th international festival of video poetry “Videostikhiya” (Magnitogorsk, NMSTU, visual culture center “Vek” Magnitogorsk Municipal Budgetary Institution of Culture “Association of City Libraries”)

Borodina A. N. VIDEO BOOK IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE AS A FORM OF ADAPTATION OF FICTION 97

Tolmachev A. V. VIDEOPOETRY AS A PHENOMENON IN THE AESTHETICS OF TERNARY HARMONY: SOUND, COLOR, AND MOTION 108

Yudina M. V., Tsurkan V. V. THE PHENOMENON OF TRANSFIGURED FORMS IN THE SERIES TEEN WOLF: FROM MYTHOLOGICAL ARCHETYPE TO SOCIOCULTURAL METAPHOR 114

Yudina M. V., Tsurkan V. V. HUMANISM IN VIDEO POETRY: AN INTERMEDIATE ANALYSIS (A. FET, G. HEINE) 123

TO AUTHORS 131

РАЗДЕЛ I. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

ББК 81.411.2, 71.04
УДК 81.22, 130.2:2-264

Н. К. Гаспарян¹
ORCID: 0009-0002-4751-3164
nk.gasparian@mail.ru

МИФ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: СОХРАНЕНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ В АРМЯНСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Статья посвящена анализу устойчивых выражений современного армянского языка, сохраняющих элементы архаических мифологических представлений. Рассматриваются фразеологические формулы, связанные с представлениями о смерти, судьбе, сакральной силе слова, культе солнца, магии замещения и космогонических образах. На материале повседневной разговорной речи показано, что мифологическое мышление не исчезает с утратой религиозных форм, а трансформируется, продолжая функционировать в языке в виде семантически «окаменевших» формул. Исследование демонстрирует роль языка как носителя культурной памяти и механизма сохранения мифологических моделей восприятия мира.

Ключевые слова: армянская мифология, устойчивые выражения, этнолингвистика, мифологическое мышление, сакральный язык, фольклор

Введение. Язык традиционного общества выполняет не только коммуникативную, но и сакральную функцию, выступая средством фиксации и передачи мифологических представлений [5; 8; 9]. Даже после утраты религиозного контекста многие элементы мифологического мышления продолжают существовать в форме устойчивых выражений, фразеологизмов и речевых формул, используемых в повседневной коммуникации. Эти выражения, утратившие для носителей языка прямое сакральное значение,

---

¹ Гаспарян Нина Карапетовна, кандидат филологических наук, Россия, Калининград.

тем не менее сохраняют глубинные семантические структуры, восходящие к древним верованиям.

Армянский язык представляет собой особенно богатый материал для подобного анализа, поскольку в нём до настоящего времени активно функционируют выражения, напрямую связанные с дохристианскими представлениями о смерти, судьбе, солнце, космосе и магической силе слова.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать мифологические основания ряда распространённых армянских устойчивых выражений, а также показать механизмы трансформации сакрального смысла в повседневной речи.

Основная часть. Устойчивые выражения современного армянского языка представляют собой особый пласт культурной памяти, в котором архаические мифологические представления продолжают функционировать вне религиозного или ритуального контекста [1-4]. Эти формулы, используемые в повседневной речи, демонстрируют поразительную устойчивость семантических структур, восходящих к дохристианским верованиям, и тем самым подтверждают тезис о языке как одном из наиболее консервативных носителей мифологического мышления. Как отмечал М. Элиаде, миф не исчезает с утратой сакрального культа, а «меняет форму своего присутствия» [9], продолжая существовать в символических и вербальных структурах культуры.

Одним из наиболее показательных примеров подобной трансформации является выражение «**Գրոհը տաճի՛ր**» (**Пусть Грох заберет**), которое в современном языке функционирует как эмоционально-экспрессивная формула, аналогичная междометию раздражения или досады [3]. Однако его семантическое ядро восходит к мифологическому образу Гроха – духа смерти и помощника бога Тира, покровителя письменности, знания и судьбы [1]. В архаическом мировоззрении акт письма был неразрывно связан с фиксацией судьбы, а запись поступков человека – с предопределённостью его конца. Таким образом, упоминание Гроха в речи первоначально предполагало обращение к персонифицированной силе, управляющей жизнью и смертью. В процессе десакрализации данный образ утратил свою религиозную конкретность, но сама формула сохранила представление о внешней, неподконтрольной человеку силе, способной вмешаться в его судьбу.

Сходным образом в современной речи продолжает функционировать сакральная модель клятвы, представленная выражением «**Հորս տրվե՛լ**» («солнце отца»). Эта формула объединяет

в себе два ключевых элемента древнего мировоззрения: солярный культ и культ предков. Солнце в индоевропейской и ближневосточной традиции выступало в качестве высшего свидетеля истины, всевидящего и всезнающего, тогда как фигура отца символизировала связь между миром живых и сакральным пространством рода. Клятва солнцем отца представляла собой не просто вербальное подтверждение правдивости, а магико-правовой акт, нарушение которого грозило космическим и социальным возмездием. В современном языке данное выражение утратило характер сакрального обязательства, однако продолжает восприниматься как одна из самых сильных форм заверения, что свидетельствует о сохранении глубинной семантики ответственности перед высшей инстанцией.

Особый интерес представляет выражение «Յալի տանեմ» («возьму твою боль»), которое на первый взгляд воспринимается как чисто эмоциональное проявление заботы или любви. Тем не менее его происхождение связано с древними верованиями в магию замещения и возможность переноса страдания. В традиционной культуре подобные формулы имели ритуальный характер и использовались в контексте лечения или защиты, предполагая реальное воздействие слова на телесное и духовное состояние человека. С точки зрения филологического анализа здесь сохраняется перформативная природа высказывания: слово не только обозначает действие, но и символически его совершает. Даже утратив магическую функцию, формула продолжает нести в себе архетипическую модель жертвы и соучастия, в которой любовь осмысляется как готовность принять на себя боль другого.

Не менее значима и семантика выражения «Աչքի լույս» («свет твоим глазам»), широко употребляемого в ситуациях радости и благой вести. Его мифологическое основание может быть связано с древними представлениями о свете как проявлении божественного благословения и истины. В архаическом сознании зрение обладало не только физиологическим, но и онтологическим статусом: видеть означало быть причастным к истине, тогда как слепота интерпретировалась как утрата божественной защиты или наказание за нарушение космического порядка. Пожелание «света глазам» тем самым выходит за рамки этикетной формулы и воспроизводит древнюю символику сакрального просветления и благополучия.

Армянская языковая картина мира сохраняет мифологические представления не только в сфере человеческих отношений, но и в освоении космического пространства. Название Млечного Пути

– «Հարդազողի ճանապարհ» («дорога соломокрада») – восходит к мифу о боге Ваagne, культурном герое, совершающем кражу ради спасения своего народа. Согласно легенде, бог Ваагн, спасая свой народ, украл солому у ассирийского правителя Баршама и рассыпал её по небу во время бегства. В данном случае небесное явление интерпретируется через эпический нарратив, в котором космос включается в историческую и этическую систему координат. Примечательно, что этот мифологический образ сохранился не только в фольклорной традиции, но и в современной терминологии, что свидетельствует о глубокой укоренённости эпического мышления в языке.

Наконец, пословица «Ճան անունը տաս, մահակը վերցրու» («назовёшь имя собаки – возьми палку») отражает архаическое табу на произнесение имени опасной сущности. В традиционном мировоззрении имя рассматривалось как носитель сущности, а акт называния – как форма призыва. Даже в современной речи, где данная формула используется в шутливом или ироническом контексте, сохраняется представление о действенной силе слова, что сближает её с магическими концепциями языка, хорошо известными в этнолингвистике и фольклористике.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что устойчивые выражения армянского языка представляют собой важный источник для изучения архаических мифологических представлений. Несмотря на утрату религиозного контекста, миф продолжает существовать в языке в форме повседневных речевых формул, функционируя как элемент коллективной культурной памяти.

Язык в данном случае выступает не только средством коммуникации, но и механизмом сохранения мифологического мировоззрения, адаптированного к условиям современной культуры. Кроме того, язык воспринимается как особое пространство памяти, в котором древние верования сохраняются в свернутом, семантически законсервированном виде. Эти выражения функционируют как своеобразные «мифологические реликты», позволяющие реконструировать глубинные структуры традиционного мировоззрения и проследить непрерывность культурной традиции от архаических верований до современной повседневной речи. Исследование подобных выражений позволяет глубже понять процессы трансформации сакрального и выявить скрытые структуры традиционного мышления, продолжающие оказывать влияние на повседневную жизнь общества.

Список литературы

1. Ананикян М. Армянская мифология / пер. с англ. Москва: Центрполиграф, 2010. 352 с.
2. Ачарян Х. История армянского языка. Т. 1. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1951. 512 с.
3. Джаукян Г. Б. Этимологический словарь армянского языка. Ереван: Асохик, 2010.
4. Джаукян Г. Б. Языкознание в Армении в V—XVIII вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Ленинград: Наука, 1981. С. 7-53.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: лексика и мифология. Москва: Наука, 1974. 342 с.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. – 143 с.
7. Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / Отв. ред.: акад. И. А. Орбели. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1953. 397 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с англ. Москва: Академический проект, 2021. 240 с.
9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Москва: Республика, 2000. 256 с.

REFERENCES

1. Ananikyan M. Armenian Mythology / translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 352 p. (In Russ.)
2. Acharyan Kh. History of the Armenian Language. Vol. 1. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1951. 512 p. (In Russ.)
3. Dzhaukyan G. B. Etymological Dictionary of the Armenian Language. Yerevan: Asoghik, 2010. (In Russ.)
4. Dzhaukyan G. B. Linguistics in Armenia in the 5th-18th Centuries // History of Linguistic Doctrines. The Medieval East. Leningrad: Nauka, 1981. pp. 7-53. (In Russ.)
5. Ivanov V. V., Toporov V. N. Research in the Field of Slavic Antiquities: Lexicon and Mythology. Moscow: Nauka, 1974. 342 p. (In Russ.)
6. Telia V. N. Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka, 1986. 143 p. (In Russ.)
7. Trever K.V. Essays on the cultural history of ancient Armenia (II century BC – IV century AD) / Rep. ed.: acad. I. A. Orbeli. Moscow; Leningrad: Publishing house. USSR Academy of Sciences, 1953. 397 p. (In Russ.)

Н. К. Гаспарян

8. Eliade M. Aspects of myth / trans. from English Moscow: Academic project, 2021. 240 p. (In Russ.)

9. Eliade M. The Myth of Eternal Return / trans. from fr. Moscow: Republic, 2000. 256 p. (In Russ.)

MYTH IN EVERYDAY SPEECH: THE SURVIVAL OF ARCHAIC BELIEFS IN ARMENIAN FIXED EXPRESSIONS

Nina K. Gasparian

Russia, Kaliningrad

Abstract

The article studies Armenian fixed expressions used in contemporary everyday speech as carriers of archaic mythological beliefs. The article examines phraseological formulas associated with concepts of death, fate, the sacred power of words, the cult of the sun, the magic of substitution, and cosmogonic images. Using everyday colloquial speech, it is demonstrated that mythological thinking does not disappear with the loss of religious forms, but rather transforms, continuing to function in language as semantically "fossilized" formulas. The study demonstrates the role of language as a carrier of cultural memory and a mechanism for preserving mythological models of worldview.

Keywords: Armenian mythology; fixed expressions; ethnolinguistics; mythological thinking; cultural memory; sacral language; folklore

Для цитирования: Гаспарян Н. К. Миф в повседневной речи: сохранение архаических верований в армянских устойчивых выражениях // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 13–18.

Поступила в редакцию 30.12.2025

ББК 81-5+83.3
УДК 81.373.47

С. А. Губанов¹

ORCID: 0000-0003-3011-4589

*Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, ул. Л. Толстого, 23
gubanov5@rambler.ru*

ЭПИТЕТАЦИЯ В ПИСЬМАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ Н. ГРОНСКОМУ

Эпистолярная проза М. Цветаевой представляет собой оригинальный тип текста, в котором синтезируются интимность общения и декларативность принципов художественного творчества, поэтому рассматривается как особый тип креативного текста. В прозе отразились характерные для идиолекта черты языка поэта: постоянная рефлексия над фигурой поэта, осмысление себя, метаязыковая интуиция, логика подбора нужного слова для полного выражения авторского смысла. Статья посвящена описанию основных направлений эпитетации в письмах к Н. Гронскому М. Цветаевой. В качестве эмпирического материала используются письма М. Цветаевой, обращенные к Н. Гронскому, изданные отдельной книгой в 2003 году. Методологической основой исследования выступают такие методы, как когнитивно-семантический, лексико-семантический, компонентный, а также метод сплошной выборки. Направления эпитетации, среди которых окказиональное словотворчество, нагнетание эпитетов, столкновение антонимичных признаков слов, отражают основные идиолектные черты языка поэта, представленные как в поэзии, но в большей степени в его прозе. Особое положение окказиональной эпитетации подчеркивается графическим выделением эпитетных конструкций: разрядкой, курсивом, заглавными печатными буквами, подчеркиванием. Целью рассматриваемых стратегий эпитетации выступает потребность в выражении авторского понимания смысла, сущности объекта на основе выделения новых признаков. Идиолект прозы М. Цветаевой отличает повышенное внимание к сказанному, активная метаязыковая рефлексия, что наиболее отчетливо проявляется

---

¹ Губанов Сергей Анатольевич, профессор кафедры философии, доктор филологических наук, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия.

в эпистолярных текстах, в которых появляется возможность высказать все, по-новому интерпретировать реальность. Результаты проведенного исследования вносят вклад в теорию эпитета и лингвистическое цветоведение.

Ключевые слова: эпитетация, стилистика, М. Цветаева, эпитетный комплекс, признак, эпистолярный жанр

Введение

Актуальность заявленной выше проблематики не вызывает сомнений в силу центрального положения категории качественности в языковом сознании носителей языка. С помощью атрибутизации субъект познает мир, выделяя те признаки, которые представляются ему наиболее значимыми.

Объектом исследования выступает атрибутивная лексика в идиолекте М. Цветаевой, тогда как предметом – типы эпитетации в письмах поэта к Николаю Гронскому.

Целью данного исследования выступает описание основных направлений эпитетации, характерных для эпистолярного жанра М. Цветаевой и наиболее ярко проявляющихся в письмах Н. Гронскому. Материалом для работы выступило издание данных писем в полной редакции с комментариями Е. Б. Коркиной и Ю. И. Бродовской в 2003 году [14].

Методологическую основу исследования составили когнитивно-семантический, лексико-семантический, компонентный методы анализа языковых единиц, а также метод сплошной выборки.

1. Атрибутивность как языковая категория и эпитетация

Теория атрибутивности в настоящее время переживает бурное развитие по нескольким причинам. Во-первых, актуализация антропологического и функционального направлений в языкознании поставили вопрос о проблематизации конструирования языкового высказывания с позиции субъекта речи. Во-вторых, операция по выделению признаков, качеств объекта наиболее показательна в отношении проявленности субъектоцентричности на всех уровнях языка [3; 4; 5; 6]. Именно когнитивная операция атрибутизации объекта (в нашем случае – эпитетации) является главным источником знаний о мире. Свойство, признак и качество являются близкими, но не тождественными понятиями. Под первым принято понимать устойчивый, объективный признак объекта, внутренне ему присущий, «неотторжимый» (форма, размер, плотность и т. д.). Признак необходим для выделения объекта из однородных, это то, по чему он может быть

распознан. Качество же представляет собой совокупность существенных свойств объекта; отбор различных признаков и перевод их в качества (шире – если говорить об идиолексиконе – в свойства) осуществляется на основе шкалы ранжирования признаков, существующей в представлении конкретного субъекта.

Эпитет понимается в настоящей работе в качестве элемента двухкомпонентной когнитивно-семантической структуры, эпитетного комплекса, который содержит в себе признак, приписываемый иному объекту, как правило, ему несвойственный. Такая «несвойственность» и интересует эпитетологию, которая понимается как результат наложения признаков из различных концептуальных областей, области объекта эпитетации (определяемого предмета) и области признака, привносимого по разным причинам. Вскрытие таких причин и является целью эпитетологии [7]. Продуктивным считаем мнение о центральной роли понятия ситуативной нормы при формировании семантики эпитета [9; 10].

2. *Язык прозы М. Цветаевой*

Эпитет в идиолекте М. Цветаевой исследуется с позиции глубинного механизма вербализации категории качественности, что является одним из важнейших в творчестве поэта [7; 8]. Тексты поэта насыщены смыслом, всегда обладают, по выражению М. В. Ляпон, «семантической дерзостью», основанной на сближении «двух сущностей, скорее вопреки, чем благодаря их сходству» [12, 165]. Проза поэта отличается постоянной сменой точки зрения на объект, уточнением его сущности, переосмыслением, вниманием к внутренней форме слова. Как известно, М. Цветаева конструировала личность своего собеседника по эпистолярно, её мифотворчество заключается в том, что она в большей степени ценит образ человека, а не его самого (известно, что со многими адресатами своих писем поэт не встречался в жизни). Такая заочность не мешает М. Цветаевой выстраивать серьезные отношения с адресатами, переживать всё те же чувства, что и в реальности. Н. Гронский жил по соседству в парижском пригороде, но главное – это его поэзия, поразившая М. Цветаеву. Эта переписка отразила многогранность отношений поэта с миром поэзии и миром здешним, а трагическая смерть юного поэта ошеломила. Цветаеведы отмечают в их переписке мотив материнства, проходящий красной нитью сквозь все письма, мотив невстречи, выражающийся в постоянном моделировании возможной встречи и её невозможности [1; 2; 11; 13]. В данной работе рассматривается языковой аспект эпистолярного творчества М. Цветаевой, отражающийся в намеренной рефлексии относительно языка, поэзии, себя и адресата писем.

3. *Направления эпитетации в письмах М. Цветаевой Н. Гронскому*

Своеобразным эпитафом к принципам языкового творчества служит отрывок из двадцатого письма к Анне Тесковой: *Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображенная, т.е. – в искусстве... Мне вещь сама по себе не нужна* [15, 30]. В этом – вся М. Цветаева; в данном фрагменте демонстрируется и такая черта эпитетации поэта, наиболее заметная в прозе, как раскрытие смысла эпитета через уточнение, причем оно, как правило не единичное.

Укажем на несколько наиболее важных и частотных типов эпитетации в рассматриваемом материале.

Так, одним из излюбленных приемов поэта является привлечение уточняющих оборотов для раскрытия нужного смысла эпитета: *Мне хочется ответить Вам чисто-лирически, т.е. по самой чести, на самую чистоту* [14, 27]. Лирическая поэтическая стихия представляется поэту самой правдивой, что выражается в развернутой эпитетации-разъяснении сложного эпитетного слова. Честь и чистота являются созвучными лексемами, и как следствие, они сближаются семантически (такой прием квазипаронимии частотен в цветаевском идиолекте, что неоднократно отмечено в исследованиях ее текстов [7; 8]).

Другим приемом эпитетации является столкновение нескольких эпитетов в рамках одного эпитетного комплекса, которые могут выражать как антонимические, так и синонимические смыслы: *И как это чудесно, и как это больше всего, что потом. (С женщиной нет, ибо женщина обретает ребенка, целую новую себя, окончательную и беспредельную)* [14, 46]. Последние два слова, эпитеты, выделены в тексте курсивом, что отражает авторскую графическую рефлексию относительно данных слов: эти признаки сливаются в единый смысл, являясь противоположностями (здесь уместно вспомнить увлечение М. Цветаевой философией Гераклита, основателя диалектики, учения о единстве и борьбе противоположных начал как принципе мироустройства).

Окказиональное словотворчество не обходит и письма: на страницах эпистолярия поэт размышляет о творчестве, выражает свое видение мира, часто отступает от темы письма, что делает эти письма художественным текстом. *От стихов растут, я через них все узнаю, ЗНАННОЕ уже с колыбели! Осознаю. Так – с каждым пишущим* [14, 52]. Поэтический дар сравнивается со стихией, которая вечна, поэтому новое знание о мире можно, как говорил Р. Декарт, извлечь из разума с помощью логики, однако логика у поэта иная, неподвластная разуму. Эпитет *знанное* графически выделен заглавными печатными буквами: это центр высказывания, именно тот эпитет, который нужен здесь и сейчас.

Нагнетание эпитетных фраз призвано усилить градус интенсивности признака: *Мы с тобой странно-похожи, страшно похожи, – до страсти похожи! Сплошные соответствия* [14, 136]. Часто такая градация сопровождается восклицательными знаками, перцелляцией, рядами эпитетов.

Эпитетация нацелена на одно – точное выражение мысли, безусловно, эмоционально окрашенной, отсюда метафоричность, метонимичность, окказиональная атрибутивность: *Ты еще питаешься внешним миром (дань полу: мужчины вообще внешнее женщин).... Твои стихи моложе тебя* [14, 136].

Заключение

Многообразие типов эпитетации, приемов акцентуации признака в рассматриваемом материале свидетельствует о том, что язык прозы М. Цветаевой является очень насыщенным смыслами, отнюдь не только эмоциональными откликами на события, что влечет за собой плотность текста, потребность в комментариях и уточнениях. Эпистолярный жанр рассчитан на отклик, понимание со стороны собеседника, позволяет свободно высказывать свои мысли и чувства. В письмах к Н. Гронскому содержится много размышлений поэта о природе творчества, поэте, искусстве и человеке в нем. Направления эпитетации, среди которых окказиональное словотворчество, нагнетание эпитетов, столкновение антонимичных признаков слов, отражают основные идиолектные черты языка поэта, представленные как в поэзии, но в большей степени в его прозе.

Список источников

1. Богатырева, Д. А. Переписка М. И. Цветаевой с Н. П. Гронским: мотив «невстречи» // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Материалы Международной научной конференции «Пушкинские чтения – 2005» (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2005 г.). Санкт-Петербург: Астерион, 2005. С. 228–233.

2. Бродовская Ю. И. «Такого сына как ты я бы хотела». Переписка Марины Цветаевой и Николая Гронского // Век и Вечность: Марина Цветаева и ее адресаты: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / редактор-составитель С. Ю. Лаврова. Череповец: ЧГУ, РИА «Порт-Апрель», 2004. С. 25–36.

3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва: Высшая школа, 1986. 640 с.

4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. Москва: УРСС, 2018. 336 с.

5. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Ленинград: Наука, 1979. 568 с.

6. Гращенков П. В., Лютикова, Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // *Rhema*. 2018. № 4. С. 9–33.

7. Губанов С. А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М. И. Цветаевой: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ставрополь, 2023. 49 с.

8. Зубова Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой. Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2017. 544 с.

9. Кустова Г. И. Прилагательные. URL: <http://rusgram.ru/pdf/kustova-2018-adjectives.pdf> (дата обращения: 03.11.2025).

10. Кустова Г. И. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции Диалог-2005, 01–07 июня 2005 г.* / Институт проблем информатики РАН. Т. 2005. Звенигород, 2005. С. 316–320.

11. Леонидов В. В. Малоизвестные свидетельства о Марине Цветаевой и Николае Гронском // «Дух – мой сподвижник и Дух – мой вожатый». Проблемы перевода произведений М. И. Цветаевой. Популяризация творческого наследия Поэта: Материалы Шестых Международных Цветаевских чтений. Елабуга: ЕлГИК, 2013. С. 70–76.

12. Ляпон М. В. Риторика смылосозидания Марины Цветаевой // *Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 8–11 октября 2007 г.): Сборник докладов*. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 161–176.

13. Толкачева Е. В. Марина Цветаева и Николай Гронский: к истории совпадений // *Марина Цветаева в XXI веке: XV и XVI Цветаевские чтения в Болшеве [2003, 2004 гг.]: сборник докладов*. Москва: Стратегия, Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2005. С. 77–83.

14. Цветаева М. И., Гронский Н. Несколько ударов сердца. Письма 1928–1933 годов. Москва: Вагриус, 2003. 320 с.

15. Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. Санкт-Петербург: Внешторгиздат, Санкт-Петербургское отделение, 1991. 189 с.

REFERENCES

1. Bogatyreva, D. A. Correspondence between M. I. Tsvetaeva and N. P. Gronsky: the motif of "non-meeting" // *The Phenomenon of Everyday Life: Humanitarian Studies. Philosophy. Cultural Studies. History. Philology. Art Criticism: Proceedings of the International Scientific Conference "Pushkin Readings - 2005"* (St. Petersburg, June 6-7, 2005). St. Petersburg: Asterion, 2005. Pp. 228-233. (In Russ.)

2. Brodovskaya, Yu. I. "I would like a son like you." Correspondence between Marina Tsvetaeva and Nikolai Gronsky // *Century and Eternity: Marina Tsvetaeva and her addressees: Interuniversity collection of scientific papers. - Issue 2 / editor and compiler S. Yu. Lavrova. Cherepovets: ChSU, RIA "Port-April", 2004. pp. 25–36. (In Russ.)*

3. Vinogradov V. V. Russian language (Grammatical doctrine of the word). Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 640 p. (In Russ.)

4. Galperin I. R. Stylistics of the English language. Moscow: URSS, 2018. 336 p. (In Russ.)

5. Gorbachevich K. S., Khablo E. P. Dictionary of epithets of the Russian literary language. Leningrad: Nauka, 1979. 568 p. (In Russ.)

6. Grashchenkov P. V, Lyutikova E. A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation // *Rhema*. 2018. № 4. Pp. 9–33. (In Russ.)

7. Gubanov S. A. Cognitive-semantic conception of the epithet complex in the M. I. Tsvetaeva 's creativity: author's abstract. diss. ... doctor of philological sciences. Stavropol, 2023. 49 p. (In Russ.)

8. Zubova L. V. Poetic language of Marina Tsvetaeva. St. Petersburg: Gelikon Plus, 2017. 544 p. (In Russ.)

9. Kustova G. I. Adjectives. URL: <http://rusgram.ru/pdf/kustova-2018-adjectives.pdf> (accessed 03.11.2025). (In Russ.)

10. Kustova G. I. Situational norm in the meaning of adjectives, adverbs, predicatives: semantics and constructions // *Computational linguistics and intellectual technologies: proceedings of the international conference Dialogue-2005, June 1–7, 2005 / Institute of Informatics Problems, Russian Academy of Sciences. Vol. 2005. Zvenigorod, 2005. Pp. 316–320. (In Russ.)*

11. Leonidov V. V. Little-Known Evidence about Marina Tsvetaeva and Nikolai Gronsky // "The Spirit is My Companion and the Spirit is My Guide". Problems of Translating the Works of M. I. Tsvetaeva. Popularization of the Poet's Creative Heritage: Proceedings of the Sixth International Tsvetaeva Readings. Elabuga: EITIK, 2013. Pp. 70–76. (In Russ.)

12. Lyapon M. V. Marina Tsvetaeva's Rhetoric of Meaning-Creation // *The Tsvetaev Family in the History and Culture of Russia: XV International Scientific Thematic Conference (Moscow, October 8–11, 2007): Collection of Reports. Moscow: Marina Tsvetaeva House-Museum, 2008. Pp. 161–176. (In Russ.)*

13. Tolkacheva E. V. Marina Tsvetaeva and Nikolai Gronsky: Toward a History of Coincidences // *Marina Tsvetaeva in the 21st Century: XV and XVI Tsvetaeva Readings in Bolshevo [2003, 2004]: Collection of Papers. Moscow: Strategy, M. I. Tsvetaeva Museum in Bolshevo, 2005. Pp. 77–83. (In Russ.)*

С. А. Губанов

14. Tsvetaeva M. I., Gronsky N. Several Heartbeats. Letters from 1928–1933. Moscow: Vagrius, 2003. 320 p. (In Russ.)

15. Tsvetaeva M. I. Letters to Anna Teskova. SPb.: Vneshtorgizdat, St. Petersburg Branch, 1991. 189 p. (In Russ.)

EPITHETATION IN THE LETTERS BY M. TSVETAEVA TO N. GRONSKY

Sergei A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics

Abstract

M. Tsvetaeva's epistolary prose represents an original type of text, synthesizing the intimacy of communication and the declarative principles of artistic creativity. Therefore, it is considered a special type of creative text. The prose reflects the idiolect-specific features of the poet's language: constant reflection on the poet's figure, self-awareness, metalinguistic intuition, and the logic of choosing the right word to fully express the author's meaning. This article describes the main approaches to epithetation in M. Tsvetaeva's letters to N. Gronsky. The empirical data uses letters from M. Tsvetaeva addressed to N. Gronsky, published as a separate book in 2003. The methodological basis of the study includes the following methods: cognitive-semantic, lexical-semantic, component and continuous sampling. The directions of epithetation, among which are occasional word creation, the pressure of epithets, the clash of antonymous characteristic words, reflect the main idiolectic features of the poet's language, presented both in her poetry and, to a greater extent, in her prose. The special position of occasional epithetation is emphasized by the graphic highlighting of epithet constructions: spacing, italics, capital letters, underlining. The purpose of these epithetation strategies is the need to express the author's understanding of the meaning and essence of an object by identifying new attributes. Tsvetaeva's idiolect is distinguished by heightened attention to what is said and active metalinguistic reflection, which is most clearly manifested in epistolary texts, which offer the opportunity to express everything and reinterpret reality. The results of this study contribute to the theory of epithet and linguistic studies of Tsvetaeva.

Keywords: epithetation, stylistics, M. Tsvetaeva, epithet complex, attribute, epistolary genre

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетация в письмах Н. Гронскому М. Цветаевой // *Libri Magistri*. 2026. № 1 (35). С. 19-26.

Поступила в редакцию 09.01.2026

РАЗДЕЛ II. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81

ББК 81

Olga S. Matyushina¹

*A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia
191186, Russia, Saint-Petersburg, 48 Moika River Emb.
Dzhuromskaya@mail.ru*

Research Supervisor:

Yulia A. Filyasova²

ORCID: 0000-0002-9728-9458

*A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia
191186, Russia, Saint-Petersburg, 48 Moika River Emb.
phill.yield@gmail.com*

PROPER NAME LOCALIZATION IN TRANSLATING MEDIA ARTICLE TITLES

The article considers translation techniques for the adaptation of media article titles from English into Russian. The relevance of studying the media content is explained by the fact that these titles can be the only element available for readers or the first element that readers are likely to get acquainted with. Media article titles were selected randomly from the BBC media channel in 2022, about 100 titles. Translation strategies are normally divided into the dichotomy of preservation and transformation. The results show that the proper names were normally subject to transformation. The adaptation techniques in the analyzed material include specification, omission, selection of traditional equivalents in the target language, and generalization. The proper names embraced royal titles, governors, countries and regions, company titles, and ordinary citizens. Adaptation and omission were typically applied to royal titles,

---

¹ Матюшина Ольга Сергеевна, магистрант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

² Филъсова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

specification – to governors, job representatives, countries and company titles, while generalization – to the names of ordinary citizens.

Keywords: specification, cultural adaptation, omission, generalization, transformation, meaning extension

Introduction

A media news headline is often the first and most important element of audience engagement with media content. Their high-quality localization is critical for successful intercultural communication. The aim of this study is to analyze media headline adaptation to the Russian-language linguocultural context. The material for the study was comprised of BBC news headlines, selected in 2022 with the help of a continuous sampling method, based on the content identity of the full-text news articles. Let us consider the features of translation and adaptation in research articles.

Literal translation is not suitable for taking into account and conveying cultural features, linguistic norms and reading habits of the target audience. Frequently, it is necessary to go beyond the literal meaning to ensure adequate perception and impact on the recipient. For this reason, locale as a concept of interlingual communication plays a key role in the process of translating media titles [1]. The goal of localization is to convey not only the communicative but also the pragmatic potential of the original messages [14]. In the process of translation, it is essential to take into consideration the following principles: the principle of differentiation, the principle of comparison of linguistic phenomena by categories, the semantic conceptualization principle for linguistic phenomena, and the principle of functional-semantic identity [13, 90].

Media titles are often characterized by brevity and expressiveness [20]. However, stylistic code inconsistencies may arise during translation [16], therefore, analyzing differences in style and preferences in different languages and cultures is required.

The process of translating media headlines can lead to shifts in communicative norms [8]. Poor translation can cause communication failures, leading to misunderstanding [17]. In some cases, a general reduction in register is required to achieve the desired effect [2], as well as grammatical structure transformation and vocabulary adaptation [10]. Proper names represent a special class of lexis, characterized by richness and mobility of semantics, formal variability and functional versatility [5]. Their translation requires special attention, since they carry not only a nominative but also a cultural function.

It is important not only to convey factual information, but also to preserve the emotional connotations embedded in the original title [15].

To achieve this, various equivalence preservation and transformation strategies are used [19]. It is often required to divide complex sentences into simpler independent clauses, as well as to replace participial and adverbial participial phrases with subordinate clauses [12, 140]. This is due to the difficulties in conveying subordinate clauses and participial phrases in some languages, as well as the need to simplify syntax to make it easier to understand [11].

For audiovisual media content, accompanying the text with visual images plays an important role in interpreting the title [18]. Adaptation for translating audiovisual media texts must take into account the interaction of verbal and visual components [7]. Wordplay can be a problem for conveying in audiovisual translation, which requires from the translator a substantial amount of creativity and knowledge of cultural realities [3]. A translator has to resort to explicit or implicit deconstruction of an image in order to adapt the original message [4].

Successful localization of media titles implies having not only linguistic knowledge and professional skills, but also a deep understanding of the target audience's cultural worldview. Attention must be paid to fostering a positive attitude among university students toward mastering the profession of a translator [6] and purposefully developing student communicative competence in the process of learning English [9], which will enable them to effectively solve complex problems that arise in the process of localizing media materials.

Main Part

The principal translation strategy for article titles is to convey the meaning as fully as possible. However, proper names require adaptation for several reasons. Firstly, the realities of a different culture may be completely unfamiliar to the readers of the target language and require additional explanations or clarifications; secondly, a proper name per se may not be the key carrier of the information contained in the title and may be excluded or replaced; thirdly, the traditions of the target language may not coincide with the traditions of nomination in the original language. Let's consider some examples.

The name of the political figure receives a more detailed description: *Brazil election: **Lula** makes stunning comeback // Лидер левых Лула победил Болсонару на выборах президента Бразилии*

The country name is narrowed down to a specific region: *India bridge collapse: Death toll rises to 141, many still missing // Обрушение моста на западе Индии: число погибших выросло до 141*

The artist's profession is explained in the translation, the cause-and-effect relationship is explicated: *Piet Mondrian artwork displayed upside*

down for 75 years // Произведение художника Пута Мондриана 75 лет выставляют в галереях вверх ногами. Заметили только сейчас

The valence relation of the actional verb is explicated: *South Korea military **apologises** after failed missile launch sparks alarm // Южнокорейские военные **извинились перед жителями** за неудачный пуск ракеты во время учений с США*

The territorial affiliation of the mountains is clarified from the point of view of the administrative affiliation: *World's longest passenger train rolls through **the Alps** // Самый длинный в мире пассажирский поезд проследовал через **швейцарские Альпы***

The adjective of social belonging is replaced with an adjective of nationality; in addition, a clarification of the queen's title is added: ***Royal** rebranding: What will happen to stamps, coins, banknotes and passports? // Что теперь будет с **британскими** почтовыми марками, монетами, банкнотами и паспортами с изображением **королевы Елизаветы II?***

The status of royal persons is being mentioned: ***William and Harry** side by side behind Queen's coffin // Король Карл III и **принцы Уильям и Гарри** прошли за гробом Елизаветы II*

The president's first name is added to his last name: *US midterm elections: What's happened to economy under **Biden**? // Промежуточные выборы в США: чего добился **Джо Байден***

The Queen's title is specified by adding the country name: *Death of **Queen Elizabeth II**: The moment history stops // Скончалась **королева Великобритании Елизавета II***

The hypernym clarifies the company name: ***Saudi Aramco**: Oil giant tops own record with \$48.4 bn quarterly profit // **Нефтяная компания Saudi Aramco** отчиталась о рекордной квартальной прибыли в \$48 млрд*

The Queen's title is modified: ***Queen Elizabeth** becomes longest-serving British monarch // **Елизавета II** стала самым долгоправящим монархом в Британии*

The title of the king is specified and the position of the prime minister is added: ***King Charles** to appoint Kishi Sunak as **PR** // **Король Карл III** назначил Риши Сунака **премьер-министром Великобритании***

The country name is omitted: ***Britain's Prince Charles** promises not to meddle when he's king // **Принц Чарльз** заявил, что не будет вмешиваться в политику, когда станет королем*

Proper names are replaced with nominations specifying their belonging to their countries: ***Dom Phillips** and **Bruno Pereira**: Police find*

belongings of missing pair // Исчезновение в Амазонии: полиция отрицает, что тела британца и бразильца найдены

The name of the company is omitted, while the name of its owner is left: *Virgin Galactic: Sir Richard Branson's flight to the edge of space (and back) // Полет Ричарда Брэнсона к границе космоса: как это было*

Conclusion

The analysis of the proper names translation shows that the following techniques of linguacultural adaptation are used for the purposes of adaptation:

- **addition, or specification:** Biden – Джо Байден, Queen Elizabeth II – королева Великобритании Елизавета II, William and Harry – принцы Уильям и Гарри, King Charles – Король Карл III, the Alps – швейцарские Альпы, India – на западе Индии, Lula – лидер левых Лула, Brazil election – выборы президента Бразилии, Saudi Aramco – нефтяная компания Saudi Aramco, Piet Mondrian – художник Пита Мондриана;

- **omission:** Virgin Galactic: Sir Richard Branson's flight – полет Ричарда Брэнсона, British Prime Minister Liz Truss – Лиз Трасс, Britain's Prince Charles – Принц Чарльз, Britain's Prince Charles – Принц Чарльз;

- **adaptation, or tradition:** King Charles – Карл III, Queen Elizabeth – Елизавета II, Queen – Елизаветы II, royal – британский;

- **generalization:** Dom Phillips and Bruno Pereira – британец и бразилец.

The most common technique is the specification of proper names in order to eliminate cultural differences and improve understanding. Specification involves a more detailed definition or elucidation of titles, company names, toponyms and geographical features. Generalization and omission as translation techniques are necessary when adapting unfamiliar realities that do not affect the perception of the general meaning of the title. Adaptation itself allows the style of presentation to be brought closer to the most familiar form of wording in the target language.

Список источников

1. Ачкасов А. В. Локаль как концепт межъязыковой коммуникации // Герценовские чтения. Иностранные языки. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 21-23.

2. Ачкасов А. В. Субстандарт в русскоязычных переводах рубежа XX-XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 3078-3084.

3. Безруков В. А., Шачкова И. Ю. Проблема передачи игры слов при аудиовизуальном переводе (на материале англоязычного комедийного телесериала «Американская семейка») // Вопросы прикладной лингвистики. 2025. № 57. С. 7-45.
4. Белоглазова Е. В. Russia как инолингвокультурный концепт в текстах массовой культуры // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития. Минск: РИВШ, 2024. С. 171-172.
5. Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В. Имена собственные в языке, переводе и переводе культуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т. 21. № 1. С. 225-232.
6. Веденеева О. А., Великанова С. С., Рудакова С. В. К вопросу о формировании у студентов вуза позитивной установки на овладение профессией // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-3. С. 91-93.
7. Калинин А. Ю. Адаптация как прием перевода аудиовизуальных медиатекстов // Современное профессиональное образование. 2021. № 3. С. 53-55.
8. Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 69-80.
9. Минина О. Г. Формирование коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения английскому языку // Уч. зап. Шадринского гос. пед. ун-та. 2025. № 2(8). С. 1-10.
10. Моисеева И. Ю., Стренадюк Н. Е. Особенности перевода новостного медиатекста телесети Russia Today на английский язык // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 3(32). С. 279-282.
11. Оганова Е. А., Алексеева О. А. Проблемы передачи вводных предложений при переводе общественно-политических текстов с русского языка на турецкий язык // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №1. С. 71-88.
12. Полякова Л. С., Южакова Ю. В. Приемы перевода англоязычного медиатекста (на примере статьи “Daily Mail” “Tsar Harry!”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1(78). С. 138-141.
13. Таунсенд К. И., Полубоярова М. В. Принципы построения теории перевода для англо-русской пары языков // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 3. С. 82–92.
14. Филясова Ю. А. Особенности перевода заголовков новостных статей медиаканала Би-Би-Си (на материале англо-русских эквивалентов) // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. № 51. С. 7-32.

15. Филясова Ю. А. Репрезентация эмотивных коннотаций английских новостных заголовков при переводе на русский язык // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 87-101.
16. Филясова Ю. А. Стилистическая демаркированность при машинном переводе информационных пресс-релизов // Филологические науки в МГИМО. 2025. Т. 11, № 1. С. 89-101.
17. Филясова Ю. А., Чернявская А. А. Коммуникативные неудачи при машинном переводе информационных пресс-релизов с английского на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 12. С. 4429-4434.
18. Юдина М. В., Рудакова С. В. Визуальный поворот: роль изображения в современных цифровых медиа // Медиаисследования. 2025. № 11. С. 91-98.
19. Filyasova Yu. A. Equivalence and transformation strategies for translating English news headlines into Russian // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. No. 9(877). Pp. 130-136.
20. Filyasova Yu. News Headlines: A Contrastive Linguistic Analysis // 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018: Conference Proceedings, Vienna. Vol. 5 Issue 3.1. Pp. 333-344.

REFERENCES

1. Achkasov A. Locale as a concept of cross-language communication // Herzen Readings. Foreign Languages. Saint-Petersburg, 2019. Pp. 21-23. (In Russ.)
2. Achkasov A. V. Substandard in Russian-language translations at the turn of the 20th and 21st centuries // Philology. Theory & Practice. 2023. V. 16, № 9. Pp. 3078-3084. (In Russ.)
3. Bezrukov V. A., Shachkova I. Yu. Wordplay issue in audiovisual translation (on the English-language situational comedy "Modern Family") // Issues of Applied Linguistics. 2025. № 57. P. 7-45. (In Russ.)
4. Beloglazova E. V. Russia as an exocultural concept in mass culture // English studies in the third millennium: new approaches and development trends. Minsk, 2024. Pp. 171-172. (In Russ.)
5. Beloglazova E. V., Kabakchi V. V. Proper names in language, translation, and cultural translation // The Humanities and Social Studies in the Far East. 2024. V. 21, № 1. Pp. 225-232. (In Russ.)
6. Vedeneva O. A., Velikanova S. S., Rudakova S. V. On The issue of forming a positive attitude in university students to master a profession // The Problems of Contemporary Pedagogical Education. 2024. № 84-3. Pp. 91-93. (In Russ.)

7. Kalinin A. Y. Adaptation in audiovisual translation // Contemporary professional education. 2021. № 3. Pp. 53-55. (In Russ.)
8. Maksimenko O. I., Akhrenova N. A. Belyakov M. V. Shifts in communicative semantics in the media discourse // Key Issues of Contemporary Linguistics. 2024 №5. Pp. 69–80. (In Russ.)
9. Minina O.G. Developing students' communicative competence in the process of teaching English // SciNotes of Shadrinsk SPU. 2025. № 2(8). Pp. 1-10. (In Russ.)
10. Moiseeva I. Yu., Strenadyuk N. E. Peculiarities of news media translation of Russia Today television network into English // Baltic Humanitarian Journal. 2020. V. 9. № 3(32). Pp. 279-282. (In Russ.)
11. Oganova E.A., Alekseeva O.A. Problems of translation of parenthetic clauses from Russian into Turkish in social and political texts // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2021. Vol. 12. N. 1. Pp. 71-88. (In Russ.)
12. Polyakova L.S., Yuzhakova Yu.V. Methods of English-language media text translation (by the example of the article “Tsar Harry!” in “Daily Mail”) // Philology. Theory & Practice. 2017. № 12-1(78). Pp. 138-141. (In Russ.)
13. Taunzend K. I., Poluboyarova M. V. Basic principles for translation theory: English-Russian and Russian-English translations // Key Issues of Contemporary Linguistics. 2025. №3. P. 82–92. (In Russ.)
14. Filyasova Yu. A. Translation features of BBC media article headlines (evidence from English and Russian equivalents) // Issues of Applied Linguistics. 2023. № 51. Pp. 7-32. (In Russ.)
15. Filyasova Yu. Representation of English news headlines emotive connotations in Russian translations // Key Issues of Contemporary Linguistics. 2023. № 4. Pp. 87-101. (In Russ.)
16. Filyasova Yu. A. Stylistic code inconsistencies in machine translation of information press releases // Linguistics & Polyglot Studies. 2025. V. 11, № 1. Pp. 89-101. (In Russ.)
17. Filyasova Yu. A., Chernyavskaya A. A. Communicative Failures in Machine Translation of Informative Press Releases from English into Russian // Philology. Theory & Practice. 2024. V. 17. № 12. P. 4429-4434. (In Russ.)
18. Yudina M.V., Rudakova S.V. Visual turn: the role of images in modern digital media // Media Research. 2025. № 11. Pp. 91-98. (In Russ.)
19. Filyasova Yu. A. Equivalence and transformation strategies for translating English news headlines into Russian // Vestnik of MSLU. Humanities. 2023. № 9(877). Pp. 130-136. (In Eng.)

20. Filyasova Yu. News Headlines: A Contrastive Linguistic Analysis // 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018: conference proceedings, Vienna. Vol. 5. Iss. 3.1. Pp. 333-344. (In Eng.)

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ МЕДИАСТАТЕЙ

О. С. Матюшина

магистрант РГПУ им. А.И. Герцена

Ю. А. Филясова

канд. филол. наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена

В статье рассматриваются приемы перевода названий медиастанций с английского на русский язык. Актуальность изучения медиаконтента определяется возможностью быстрого ознакомления с новостями посредством прочтения заголовков. Материалом исследования послужили заглавия медиастанций объемом около 100 единиц, отобранные методом сплошной выборки на канале Би-Би-Си в 2022 году. Переводческие стратегии обычно представлены дихотомической парой – сохранения и трансформации. Результаты исследования показывают, что имена собственные, как правило, подвергаются трансформации. Приемы адаптации включали конкретизацию, опущение, выбор традиционно принятых эквивалентов в языке перевода, генерализацию. Имена собственные включали титулы монархов, правителей, названия стран и регионов, компаний и личные имена обычных граждан, оказавшихся в поле внимания средств массовой информации. Адаптация и опущение обычно применялись к правительственным титулам, конкретизация – к профессиям, странам, регионам и компаниям, генерализация – к именам обычных граждан.

Ключевые слова: конкретизация, культурная адаптация, опущение, генерализация, трансформация, расширение значения

Для цитирования: Матюшина О. С., Филясова Ю. А. Локализация имен собственных при переводе названий медиастанций // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 27–35.

Поступила 20 ноября 2025

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 80.9:85.3

УДК 80+78.01

Г. И. Чепелева¹

ORCID: 0009-0007-2655-3788

Оренбургский государственный

педагогический университет

460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19

chepelova.gal@yandex.ru

Д. А. Астафьев²

ORCID: 0000-0002-8374-0498

Оренбургский государственный

педагогический университет

460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19

astafev25@yandex.ru

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И ЕГО ПОСТСЕКУЛЯРНАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГРУППЫ «WARDRUNA»

В статье рассматривается феномен репрезентации архаических мифов в современной культуре сквозь призму постсекулярного поворота. На примере анализа текста песни «Raido» норвежской нордик-фолк/неофолк группы «Wardruna» исследуются способы актуализации скандинавских мифологических и рунических символов. Музыкальные композиции данного коллектива можно рассматривать как мифопоэтические тексты, древние сакральные смыслы, передающие посредством современных музыкальных форм. С опорой на теоретические концепции М. Элиаде, К. Г. Юнга, П. Рикёра и Дж. Кэмпбелла выявляется актуализация архетипического сюжета

---

¹ Чепелева Галина Игоревна, студентка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия.

² Астафьев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия.

пути и трансформации, демонстрируя проявление древних символов в художественном пространстве, а также механизмы воздействия мифопоэтического текста на современного слушателя. Так, композиция «Raido» представляет собой синтез музыкального искусства и мифоритуального нарратива, позволяющий современному человеку пережить опыт сакрального через эстетическую форму. Группа «Wardruna» в этой композиции выступает не просто музыкальным коллективом, но своего рода медиатором коллективной памяти, синтезирующим слова и музыку в единую мифическую ткань, «жрецом» постсекулярного действия. Синтезируя архаические символы, ритмические структуры и современные звуковые формы, группа создает пространство, в котором слушатель оказывается вовлечен в незримое, но глубоко переживаемое путешествие вглубь себя и одновременно в архетипические пласты культуры. Руна Raido, таким образом, перестает быть лишь историческим или лингвистическим артефактом, становясь живым каналом, по которому миф продолжает свое движение сквозь время.

Ключевые слова: миф, постсекулярный поворот, неомиф, руны, группа «Wardruna», «Raido»

Введение. Современная культура переживает любопытнейший парадокс: чем технологичнее становится мир, тем настойчивее он вглядывается в свое архаичное прошлое. Анализируя современную культуру, среди тенденций её отмечено возрождение интереса к архаичным мифам и символам, происходящее на фоне так называемой постсекулярной эпохи. Постсекулярность, согласно Д. Узланеру, характеризуется «возвращением религии в самых причудливых и порой невероятных формах» [4, 4] – появлением новых способов присутствия сакрального в светском обществе. В частности, сфера популярной музыки всё чаще обращается к религиозно-мифологическим темам, размывая тем самым границы между «мирским» и «сакральным» искусством, соответствуя отмеченному рядом исследователей постсекулярному тренду. Как еще отмечает Д. Узланер, «постсекулярный поворот – это движение в сторону нового языка, новой модели репрезентации, способной ухватить возникающую на наших глазах картину, являющуюся как постсекулярной, так и пострелигиозной, если смотреть на нее с точки зрения привычных представлений о религии и секулярном» [4, 12].

Характерным примером подобного явления стало музыкальное творчество норвежской нордик-фолк/неофолк группы «Wardruna», в альбомах своих реконструирующей и переосмысляющей

скандинавские духовные традиции, включая поэзию старшей Эдды, языческие обряды и рунический символизм, что позволяет музыкальные композиции коллектива рассматривать как мифопоэтические тексты, передающие древние сакральные смыслы посредством современных музыкальных форм.

Согласно П. Рикёру, именно символы, мифы и метафоры способны передавать опыт таким образом, как это не под силу обычному описательному языку [2]: художественный текст, насыщенный мифологическими образами, способен донести до аудитории более глубокие экзистенциальные смыслы, для выражения прямым дискурсом невозможные. М. Элиаде в своих работах писал о том, что миф в традиционных культурах воспринимался как священная история, развертывающаяся в особом, внекалендарном времени «начала всех начал» [5]. К. Г. Юнг подчеркивал, что мифологические образы укоренены в глубинах психики: архетипические структуры коллективного бессознательного обуславливают появление сходных сюжетов и символов у разных народов. «Архетипы – это активно действующие установки, определяющие мысли, чувства и действия человека» [6, 67], которые проявляются, когда индивид попадает в типичную ситуацию или когда сознание ослаблено.

Идеи эти чрезвычайно плодотворны для анализа художественного текста: песня, затрагивающая глубокий архетипический сюжет, может рассматриваться актуализацией коллективного мифа в индивидуальном переживании слушателя. Кроме того, миф и символ требуют многослойного прочтения, ведь помимо буквального плана несут скрытые смыслы, постигаемые посредством интерпретации. Миф и художественный образ передают нечто, не поддающееся прямому выражению, современному человеку предлагающее осмысление мифологии на новом уровне, П. Рикёром названное «второй наивностью» – восстановлением смысла мифа после критического анализа.

В качестве примера репрезентации архетипических мифов в современной культуре нами выбрана музыкальная композиция «Raido», которая была выпущена в рамках альбома *Runaljod – Ragnarok* (2016) – третьего альбома «Wardruna», посвященного завершающим рунам футарка и наступлению судьбоносной битвы Рагнарок. Каждая композиция группы выполняет роль своеобразного мифопоэтического рассказа, в котором закодированы определенные символы. Музыка в данном случае – не просто фон, а полноценный носитель смысла, подобно тому, как в традиционном ритуале музыка

и пение были неотъемлемой частью сакрального действия, когда в древних ритуалах переплетались между собой зародышевые элементы религии, науки, искусства.

Прежде чем обратиться непосредственно к тексту песни, необходимо обозначить мифологический контекст, к которому апеллирует песня. Руна Raido (др.-сканд. Reið) принадлежит к числу древнейших символов германской традиции, связываясь с образом пути – не только географического перемещения, но и дороги судьбы – той нити, по которой движется человеческая жизнь. В скандинавской мифологии странствие – один из главных способов взаимодействия с миром: бог Один странствует меж мирами в поисках мудрости, души умерших следуют потаенными тропами в царство Хель, а радужный мост Биврест соединяет мир людей с миром богов – лишь по нему возможно перейти из одного состояния бытия в другое. Путь здесь – не просто перемещение в пространстве, но сакральный переход, чреватый испытаниями и преображением. Согласно эзотерическим толкованиям, руна Raido символизирует «движение, развитие, путь в буквальном или метафорическом смысле, а также гармоничное взаимодействие человека с миром» [3], воплощая идею жизненного пути, где двойственность принципиальна: внешнее путешествие неотделимо от внутреннего странствия – духовного поиска, изменений, роста. Тематика же пути нередко подразумевает инициацию. Так, сюжет песни оказывается вписан в универсальный архетипический сценарий, известный от сказаний о Гильгамеше и странствий Одиссея до средневековых паломничеств: герой покидает привычный мир, проходит сквозь череду испытаний, приобщается к тайному знанию и возвращается обновленным.

Основная часть. Перейдем к анализу непосредственного текста песни. В первых строках мы видим состояние внутреннего беспокойства и тоски: «темные тучи дрейфуют внутри», «томление манит, тянет мой разум» [1]. Герой испытывает непреодолимую жажду пути, его сознание увлекается зовом далее. Вопрос «Унесешь ли в путь меня?» обращен к коню – верному спутнику путешественника [1]. Герой готов отправиться немедля, и предлагает коню сделку: называет его «прекрасным жеребенком» (fair foal), взамен обещая награду – в русском поэтическом переводе: «конь верный, дам я тебе шерсть золотистых полей» [1].

Фраза «Fare swiftly on flying hoofs» / «мчи стремительно на летящих копытах» передает азарт и упоение скоростью, с которых начинается путь [1]. Герой обращается к коню с обещанием: «Carry me, and I promise you» / «Неси меня, и я обещаю тебе...». Текст

обрывается на полуслове, за которым следует кульминационный возглас «Ride out» (буквально «Выезжай», «Пустьись в путь») и сакральное «Raido» [1].

С мифологической точки зрения, первая строфа соответствует моменту, когда герой откликается на «зов странствий» (термин Дж. Кэмпбелла) – архетипический мотив, с которого начинаются многие сказания. Согласно Кэмпбеллу, зов – событие, нарушающее рутину обыденности и ставящее героя перед вызовом, коим может стать случайная находка, внезапная угроза, или же появление таинственного вестника, чью функцию в данном случае выполняет сама руна, прозвучавшая мантрой, а, быть может, и сам конь – мифический помощник, ожидающий лишь команды. Герой внезапно осознает свою оторванность («Мне грустно здесь») [1], а взгляд его обращается к коню, формулируя тем запрос на движение. Он принимает зов – ритуал начинается. С этой точки зрения вся песня разворачивается как путешествие по кругу кэмпбелловского мономифа, где первый куплет есть не что иное, как завязка инициации.

Тоска по далекому – и есть тот самый внутренний импульс, отделяющий героя от обыденного мира и побуждающий ступить на новый путь. К. Г. Юнг, без сомнения, увидел бы здесь активацию архетипа Путника (или Героя), пробуждающегося в периоды внутренних кризисов или переходов, когда прежние смыслы исчерпаны, а новые еще только брезжат на горизонте. В тексте перед нами разворачивается классическая архетипическая пара: Герой и его волшебный Конь-помощник, в мифах и сказках наделенный даром понимания речи героя, сверхъестественной скоростью и сокровенным знанием. Герой не приказывает ему – он вступает в диалог, заключая своеобразный союз. Когда человек попадает в определенные типические ситуации, в нем просыпается голос предков, утверждал К. Г. Юнг [6]. Здесь голос этот звучит в полную силу: обращение к коню и мгновенная готовность тронуться в путь воспроизводят древнейшую модель поведения – модель кочевника, странника, искателя, укорененную в коллективном бессознательном глубже любых культурных напластований.

Интересно также отметить смену местоимения: сперва герой говорит о своем желании («мне хочется идти»), затем обращается ко второй личности – коню («ты понесешь меня?»), а завершается строфа повелительным наклонением («Raido!») [1], что напоминает структуру заклинания или молитвенного обращения: сначала – выражение внутреннего состояния, затем – призыв к силе-помощнику, наконец – сакральное слово, запускающее действие. Руна Raido произносится вслух, что в традиции рунической магии имело первостепенное значение, поскольку каждая руна – не только знак, но звук, вибрация.

Таким образом, финальное слово строфы можно рассматривать инвокацией – призывом самого духа дороги, архетипа Пути, уже после которого начинается путешествие.

Вторая строфа разворачивает перед нами картину уже свершившегося пути. «Буря стихает, разум летит» [1] – строка знаменует двойное преображение: утихает не только внешняя стихия, но и внутренняя тревога, сменяемая состоянием ясности и парения. Перед нами классическое описание экстатического переживания, где буря оказывается метафорой преодоленного внутреннего порога, а «полет разума» напоминает о шаманских практиках, когда душа, покинув тело, наблюдает за происходящим со стороны.

Строка «The drum of hoofs lay the beat» переводится как «барабан копыт задает ритм» [1], обнажая ритмическую основу путешествия. Цокот копыт уподобляется шаманскому бубну – не просто поэтический образ, но прямое указание на психофизиологический механизм вхождения в транс. Сердце всадника следует этому ритму, и наступает слияние: «двое – едины» [1]. В то же время образ человека и коня, ставших единым существом, отсылает к архетипу кентавра – соединению сознательного с инстинктивным, дающему доступ к сверхъестественной силе, в юнгианской перспективе интерпретируясь интеграцией противоположностей, открывающей новые энергии.

Постепенно герой обретает освобождение – освобождение от прежних ограничений, от гравитации и суеты, символизирующее вход в состояние потока, экстаза странствия, сакрального переживания, М. Элиаде связываемое с ощущением полета и преодоления законов природы, что достигается посредством ритмического транса. «Riding / Raido» [1] – в завершении строфы имя руны звучит уже как мантра, утверждающая достижение единства и вступления самого Пути в сакральную фазу.

Так, с точки зрения мифологии и психологии мы наблюдаем здесь мотив единения с тотемным животным и обретения героем сверхъестественной силы, выраженной в трансформации из простого смертного в «наездника ветра»). Сюжет этот имеет множество параллелей: к примеру, в сибирских мифах шаман, отправляясь в иной мир, нередко воображает себя птицей, либо же наездником зверя-духа; в кельтских сагах герой, оседлав волшебного коня, способен проскакать по морю или сквозь воздух. Для средневековой Европы также характерен образ всадника на метле в ведьмовских легендах – искаженный отголосок тех же шаманских полетов. В мифопоэтическом же пространстве анализируемой композиции пред нами предстает позитивный герой, путешествующий в поисках знания или исполнения предназначения.

Обращает на себя внимание и изменение его психического состояния, из тревожного ожидания перешедшего в эйфорическое единение. В этом плане текст иллюстрирует мысль М. Элиаде о том, что мифоритуальное воспроизведение сакрального путешествия позволяет человеку «выйти из профанного времени» [5] и пережить состояние причастности к иным, высшим ритмам бытия, что явственно иллюстрирует размеренная, гипнотическая музыкальная аранжировка песни – слушатель сам невольно включается в ритм, сердце его также начинает следовать ударному размеру, в результате чего достигается эффект соучастия в пути героя, отражая магическую функцию музыки: еще древние культовые мелодии и танцы выстраивались с целью синхронизации большой группы людей в едином переживании, создавая коллективное ощущение приобщения к сакральному. Наш случай более частный, камерный, однако принцип сходен.

Третья строфа резко меняет регистр повествования. Экстатический подъем сменяется отрезвлением: герой признается, что «несся дико и бежал», «загнав прекрасного жеребца» [1]. Эйфория единения обернулась хюбрисом (от др.-греч. ὑβρις – «дерзость») – чрезмерностью, влеча за собой архаический мотив расплаты за одержимость, где двоякость опыта обнажает извечную коллизию: порыв духа истощает плоть, будь то живое животное или собственная телесность.

Герой достигает критической черты, где инстинктивная энергия (конь) иссякает, хотя дух все еще рвется вперед. Двукратное «Raido, Raido» в конце строфы звучит уже не мантрой единства, но заклинанием-призывом, обращенным к самому принципу Пути с мольбой о преодолении кризиса. Инициация всегда требует жертвы: ведический ашвамедха, скандинавские саги, шаманские камлания единодушны в том, что без утраты или боли переход невозможен. Телесное «Я» героя истощено; вопрос, найдутся ли силы для продолжения, повисает в повторяющемся имени руны, что в мифах соответствует ночной тьме души, характеризующейся ощущением, что далее путь невозможен, однако становящейся необходимым этапом для проверки решимости и веры.

Последняя строфа наиболее загадочна и абстрактна. Приведем её с некоторыми сокращениями, сохранив ключевые строки: «If I ride you / I ride more / As one is two, where knots are tied / In bonds are bound the whole world / If I bond you / I can journey // If you carry me / You carry more / As one is two, where chains are forged / In bonds are bound the whole world / If you bond me / You can journey», что в русском переводе передано следующим образом: «Так вперед с тобой / Могу скакать я вдаль хоть век, ведь мы едины! / Узлы, что связывают нас, весь мир объехать нам позволят! / Со мной скакать ты можешь век,

ведь только вместе мы едины! / Весь мир способен ты объехать, только если ты захочешь!» [1]. Однако переводчики явно стремились к певучести, местами отойдя от буквального смысла, оставляя пространство для попытки проанализировать оригинальную метафорику.

Повторяющаяся конструкция «As one is two» [1] (дословно: «поскольку одно есть два») закладывает парадокс единства и двойственности: когда двое действуют как одно, каждый становится больше себя. Герой обращается к коню – «Если я скачу на тебе, я скачу на большем» [1], ибо единство удваивает силы. Ключевой же образ данной строфы заложен в следующей метафоре: «The whole world in bonds are bound» / «Где завязаны узлы, там весь мир связан узлами» [1], – связь меж всадником и конем есть узел, резонирующий со всем мирозданием. Все сущности и вещи связаны невидимыми узлами. В скандинавском контексте это созвучно мифу о древе Иггдрасиль, корнями и ветвями связующем миры, или же универсальной связанности сети Индры в восточной мысли. Рунические узлы нордической магии, узелки судьбы, сплетаемые норнами, – все работает на идею: истинный союз отражает и задает связь космического порядка.

«If I bond you, I can journey» [1] – глагол «to bond» здесь можно интерпретировать и буквально как «привязать к себе», и как «установить эмоциональную связь». Герой как бы говорит своему коню: если я закреплю за собой тебя (твое благоволение), то обрету способность к пути. Далее симметрично: «If you carry me, you carry more... If you bond me, you can journey» – «Если ты несешь меня, ты несешь нечто большее... Если ты свяжешь меня, ты можешь путешествовать» [1]. Получается диалог: человек – коню, и конь – человеку, где обоюдно признают, что союз их позволяет каждому достичь большего. Лошадь, несущая всадника, переносит не только его одного, но ещё его цель, его дух («more» – большее). В свою очередь, конь, «связавший» себя с человеком, тоже обретает способность к далекому путешествию, в то время как вне союза, возможно, не рискнул бы или не смог пройти столь продолжительный путь – человек и конь заключают своего рода ритуальный договор, становясь связанными клятвой единства, следующей за кризисом третьей строфы, где герой осознал цену чрезмерности.

Мифологически здесь происходит трансформация отношений от эксплуатации к партнерству. В суфизме есть идея, согласно которой человек представляется «конем», через которого действует Божество, или же сам Бог несет человека до тех пор, пока тот отдается его воле. Здесь, конечно, языческий контекст, однако интересна перекличка: конь в первой строфе был средством героя; теперь же последний

признает себя зависимым от коня. Выход на уровень взаимности и равновесия нередко является кульминацией инициации: герой усваивает урок смирения и уважения к помогавшим ему силам. Он более не гонит коня, но вступает с ним в союз на равных, со своим скакуном становясь единым мифическим существом, способным объехать весь мир, а объехать мир по кругу – значит замкнуть цикл: вернуться к истоку его, но уже на новом витке. Достичь конца, что является лишь началом (вспомним, руна Raido связана с цикличностью и возвращением к истоку). Музыка к этому моменту уже достигает эпического размаха – звучат хоровые голоса, бубны; само же название руны более не произносится лирическим героем – оно растворяется в звуке: символически можно сказать, что миф осуществлен. Таким образом, путешествие «Raido» – не бесконечный линейный вектор, но круг: начавшись с тоски в груди героя, завершается обретением целостности с миром, где всадник сам становится частью «узла, что связывает мир» [1].

Согласно концепции М. Элиаде, финал являет собой переживание мифа о вечном возвращении: движение по кругу приводит героя к исходной точке, но уже на новом витке, где испытания пройдены, а гармония обретена заново – теперь уже осознанно. Всякий обряд инициации в архаических культурах завершался тем, что посвящаемый символически «возвращался к истоку» – переживал рождение заново, получая новое имя, вместе с ним обретая и новое место в мире. «Путь как замкнутый цикл; постоянное возвращение к началу для достижения новой вершины», – так эзотерики описывают суть руны Райдо [3]. В песне это реализовано полностью: герой, начинавший с порыва в неизвестность, завершает круг обещанием объездить весь мир, то есть замкнуть цикл, возвратившись к себе иному.

Заключение. Анализ текста песни «Raido» группы Wardruna позволяет увидеть в нем сложную многослойную структуру, сочетающую поэзию, миф и ритуальный смысл. На уровне сюжета – история пути героя, которую можно вписать в канву классического мифологического путешествия: вызов, выход в неизвестное, единение с волшебным помощником, испытание на прочность, трансформация отношений и триумфальное обретение цельности. На символическом уровне в песне оживает архетип Дороги – один из центральных в культуре: дороги как жизненного пути, как судьбы, как поиска и возвращения.

Через обращение к руническому символу Raido и скандинавскому антуражу, группа «Wardruna» сумела актуализировать этот архетип для современной аудитории. Согласно М. Элиаде, миф – не просто рассказ о прошлом, но образец

для действия в настоящем, вечная сакральная история, могущая переживаться вновь и вновь [5]. В исполнении «Wardruna» миф о пути буквально переживается заново: музыка и пение создают пространство, где слушатель вступает в другое время, другое состояние, следуя за героем по его тропе. Древние образы – конь, буря, узел, дорога – выступают символами, указывающими за пределы себя на универсальный человеческий опыт, по выражению П. Рикёра, давая мысль, и побуждая тем к интерпретации и самопознанию [2].

Если обратиться к теории архетипов К. Г. Юнга, творчество «Wardruna» резонирует с глубинными слоями коллективного бессознательного, объясняя популярность его среди интернациональной аудитории, далекой, казалось бы, от норвежской культуры. Архетипические образы религий и мифологий актуальны для всех людей, и музыка – особый язык этих образов, минуя рациональный фильтр. В юнгианском подходе музыка рассматривается «исходной архетипической речью души», несущей мощную психическую энергию, чему песня «Raido» служит подтверждением: сочетание протяжных мелодий, ударного ритма, языка и символических слов рождает у слушателя целостный образ «путешествия души».

Наконец, в свете работ М. Элиаде можно сделать вывод, что сюжет, представленный в «Raido», – это пример неомифа, посредством которого современный человек пытается вновь обрести ощущение священного посреди мирского окружения. М. Элиаде писал о мифах современности, когда архаические схемы проступают в светских явлениях. Это и есть проявление постсекулярности: вместо прямого возрождения языческого культа мы видим художественное его проживание, эстетическое воплощение сакрального сюжета.

Проведенный анализ позволяет проследить, как в музыкальной композиции «Raido» разворачивается классическая мифологическая структура: от смутного влечения к иному, через экстатическое единение и последующий кризис – к обретению мудрости, заключенной в добровольном союзе. Каждый этап этого пути закреплен не только словесными образами, но и музыкальной тканью, которая, хотя и осталась за рамками нашего рассмотрения, безусловно, заслуживает отдельного исследования. Группа «Wardruna» в этой композиции выступает не просто музыкальным коллективом, но своего рода медиатором коллективной памяти, синтезирующим слова и музыку в единую мифическую ткань, «жрецом» постсекулярного действия. Синтезируя архаические символы, ритмические структуры и современные звуковые формы, группа создает пространство, в котором слушатель оказывается вовлечен в незримое, но глубоко переживаемое путешествие вглубь себя

и одновременно в архетипические пласты культуры. Руна Raido, таким образом, перестает быть лишь историческим или лингвистическим артефактом, становясь живым каналом, по которому миф продолжает свое движение сквозь время.

Список источников

1. Wardruna – Raido // LyricsTranslate: перевод текста песни. [Электронный ресурс] URL: <https://lyricstranslate.com/en/raido-raido.html> (дата обращения: 23.01.2026).
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва: Академический проспект, 2008. 695 с.
3. Руна Райдо: Значение, описание, толкование в гаданиях [Электронный ресурс] URL: <https://world-psychology.com/glossary/raido/> (дата обращения: 23.01.2026).
4. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.
5. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва: Академический проект, 2017. 251 с.
6. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Москва: «Совершенство», 1997. 384 с.

REFERENCES

1. Wardruna – Raido // LyricsTranslate: perevod teksta pesni [Electronic resource] URL: <https://lyricstranslate.com/en/raido-raido.html> (accessed 23.01.2026). (In Russ.)
2. Rikyor P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike [Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskij prospekt, 2008. 695 p. (In Russ.)
3. Runa Rajdo: Znachenie, opisanie, tolkovanie v gadaniyah [Rune Raido: Meaning, Description, Interpretation in Fortune Telling] [Electronic resource] URL: <https://world-psychology.com/glossary/raido/> (accessed 23.01.2026). (In Russ.)
4. Uzlaner D. A. Postsekulyarnyj povorot. Kak myslit' o religii v XXI veke [The Post-Secular Turn: How to Think About Religion in the Christian Century]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2020. 416 p. (In Russ.)
5. Eliade M. Aspekty mifa [Aspects of myth]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2017. 251 p. (In Russ.)
6. Yung K. G. Dusha i mif: shest' arhetipov [Soul and Myth: Six Archetypes]. Moscow: «Sovershenstvo», 1997. 384 p. (In Russ.)

**THE MUSICAL WORK OF THE BAND «WARDRUNA»:
A MYTHOLOGICAL JOURNEY
AND ITS POST-SECULAR REINCARNATION**

Galina I. Chepeleva

student, Orenburg State Pedagogical University,
(Russia, Orenburg)

Dmitry A. Astafiev

Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department
of Russian History, Orenburg State Pedagogical University,
(Russia, Orenburg)

Abstract

This article examines the representation of archaic myths in contemporary culture from the perspective of the postsecular shift. Using the lyrics of the song «Raido» by the Norwegian Nordic folk/neofolk band Wardruna as an example, it explores ways to actualize Scandinavian mythological and runic symbols. The band's musical compositions can be viewed as mythopoetic texts, conveying ancient sacred meanings through contemporary musical forms. Drawing on theoretical concepts by M. Eliade, C. G. Jung, P. Ricoeur, and J. Campbell, it reveals the actualization of the archetypal narrative of the journey and transformation, demonstrating the manifestation of ancient symbols in artistic space, as well as the mechanisms by which mythopoetic texts influence the modern listener. Thus, the composition «Raido» represents a synthesis of musical art and mythopoetic narrative, allowing modern people to experience the sacred through aesthetic form. In this composition, the band «Wardruna» acts not simply as an ensemble, but as a kind of mediator of collective memory, synthesizing words and music into a unified mythical fabric, a «priest» of post-secular action. Synthesizing archaic symbols, rhythmic structures, and contemporary sound forms, the band creates a space in which the listener is drawn into an invisible yet deeply felt journey within themselves and simultaneously into the archetypal layers of culture. The Raido rune thus ceases to be merely a historical or linguistic artifact, becoming a living channel through which myth continues its movement through time.

Keywords: myth, postsecular turn, neomyth, runes, band «Wardruna», «Raido»

Для цитирования: Чепелева Г. И., Астафьев Д. А. Мифологическое путешествие и его постсекулярная реинкарнация в творчестве группы «Wardruna» // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 36–47.

Поступила 16 февраля 2026

Г. И. Чепелева, Д. А. Астафьев

ББК 83.3

УДК 82+801.73

Г. И. Чепелева¹

ORCID: 0009-0007-2655-3788

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

*460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
chepeleva.gal@yandex.ru*

Д. А. Астафьев²

ORCID: 0000-0002-8374-0498

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

*460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
astafev25@yandex.ru*

ПАМЯТЬ И «ЖИВОЙ ЯЗЫК» КАК ИСТОЧНИКИ СИМВОЛИЧЕСКОГО БЕССМЕРТИЯ В РОМАНЕ «ТЕНЬ ВЕТРА» КАРЛОСА РУИСА САФОНА

Настоящая статья посвящена исследованию романа Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» сквозь призму философии памяти и концепции символического бессмертия, иллюстрирующему художественное воплощение философских идей П. Рикёра, Я. Ассмана, К. Г. Юнга и других мыслителей. Книга – зеркало, посредством которого чтение предстает актом самопознания и диалога, продлевающего бытие автора в сознании читателя. Центральное внимание уделено лейтмотиву «мы существуем, пока нас помнят», раскрывающему память как условие бытия – единственную возможную форму любви и верности, способную противостоять смерти. Анализируется двойственная природа памяти: как спасительная сила, так и губительная ее ипостась, когда память, замкнутая в себе и не разделенная с другим, становится заточением и ранит оказавшихся неспособными отпустить прошлое. Особое место отведено концепции «живого языка», реализованной в метафоре «мертвых языков не существует» и в поэтике романа, где сама

✉ Чепелева Галина Игоревна, студентка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия.

✉ Астафьев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия.

Барселона выступает хранительницей памяти. Символическое бессмертие достигается в единстве памяти и слова, а культура, язык и любовь к нему предстают подлинными источниками жизни. Роман выполняет собственный постулируемый принцип: книга, запечатлевшись в памяти читателя, продолжая существовать уже в его сознании, независимо от автора, от времени, от судьбы бумажного тома. «Тень ветра» – метафора самой памяти, которая, подобно тени, неотступно следует за нами, формируя наше бытие, придавая ему глубину и измерение, недоступное чистой физиологии существования. Финал романа замыкает круг – свет памяти отгоняет тьму небытия.

Ключевые слова: Карлос Руис Сафон, роман «Тень ветра», память, «живой язык», символическое бессмертие

Введение. По словам М. Хальбвакса, «история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [7]. В философии памяти утверждается, что идентичность человека неразрывно связана с памятью, потеря же её равнозначна потере самого себя. П. Рикёр образно писал: «Под историей – память и забвение. Под памятью и забвением – жизнь» [4, 697]. Роман Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» открывается эпитафией о том, что каждая книга обладает душой – душой тех, кто её писал и читал; само же чтение – не пассивное потребление, но нравственный акт участия в чьем-то бытии. Бытие книги – живое продолжение чьего-то духа, зависящее от памяти о ней, от присутствия в чьем-то сознании. Так, творение К. Р. Сафона представляет собой художественное исследование этих тезисов, разворачивая перед читателем притчу о том, как через сохранение воспоминаний и историй люди обретают онтологическую прочность, продолжая существовать в тканях чужой памяти даже после физического исчезновения.

«Книги – они как зеркала: в них лишь отражается то, что у тебя в душе», – в этой емкой метафоре Сафон раскрывает еще одно онтологическое измерение чтения, выходящее за рамки простого хранения памяти: способность отражать внутренний мир читателя. Через диалоги персонажей автор проводит мысль, что каждая прочитанная история резонирует с душой читателя, становясь зеркалом его собственного бытия. Бытие же книги актуализируется лишь через восприятие, через диалог с читателем, продлевая жизнь явлений, людей, слов, не давая им исчезнуть окончательно. Без читающей души книга – лишь спящий зеркальный осколок, ждущий, чье сознание она отразит.

Метафора многозначна. С одной стороны, чтение становится актом самопознания: вчитавшись в текст, человек находит в нем отблески собственных чувств, мыслей, надежд. Недаром Даниэль Семпере так глубоко проникается романом Хулиана Каракса: он видит в нем отражение своих сокровенных переживаний (утрата матери, жажда любви, одиночество). С другой же стороны, метафора ставит под вопрос объективность текста: книга раскрывается каждому по-разному, показывая то, что читатель уже носит в сердце. «Беа считает, что искусство чтения постепенно умирает, что это сугубо личное действие, и книга – это зеркало, в котором мы видим то, что несем в душе, вкладывая в чтение разум и душу...» [6], – лишь отдав книге часть себя, читатель получает взамен истинное познание самого себя. Сафон описывает процесс чтения как интимный диалог, практически мистическое соучастие в бытии другого человека – автора или персонажа. Недаром Даниэль, читая «Тень ветра», буквально влюбляется в образ девушки из романа и ощущает присутствие автора как близкого друга: для него книга Каракса стала зеркалом, отразившим его собственную потребность в любви и дружбе.

Посредством образа зеркала автор передает эмоциональную насыщенность чтения: радость узнавания, горечь сопереживания, трепет открытия нового в себе. Язык романа далеко не сух: он изобилует образами света и тени, музыки и тишины, передающими почти тактильное ощущение, возникающее при прочтении хорошей книги. Чтение в романе предстает формой бытия – расширением границ собственного «я» за счет принятия опыта другого, запечатленного в слове. Идея эта созвучна философским представлениям о нарративной идентичности: как писал П. Рикёр, человек осмысляет свою жизнь через текст, вплетая элементы повествования (нарратив) в ткань нашей личности [5]. В контексте романа можно сказать, что Даниэль заново обретает себя, читая историю Каракса; позднее Каракс «обретает себя прежнего», глядя на мир глазами юного читателя (эта мысль прямо высказана в письме Нурии, о чем ниже). Так память, сохраненная в книге, становится зеркалом, отражаясь в живом сознании и пробуждая его к новой жизни.

Основная часть. Лейтмотив романа – память сильнее смерти, что Сафон не раз артикулирует устами героев. В мире «Тени ветра» память представлена условием бытия, гарантией того, что жизнь человека продолжается в историях, мыслях и чувствах других людей. Онтология памяти формулируется в романе практически буквально,

наиболее острое выражение чего принадлежит Хулиану Караксу и передано в письме Нурии Монфорт – близкой Хулиану женщине.

Нурия, хранительница его памяти, знает иную истину и делится ею с Даниэлем, объясняя смысл трагедии Каракса: «Хулиан умер в одиночестве, убежденный в том, что никто никогда не вспомнит ни о нем, ни о его книгах и что его жизнь не значила ровным счетом ничего, – сказала она. – Но ему было бы очень приятно узнать, что кто-то хочет, чтобы он продолжал жить, что кто-то хранит о нем память. Хулиан всегда говорил: «мы существуем, пока нас помнят» [6]. Эти простые слова она воплощает всей своей жизнью, пряча у себя рукописи Каракса, собирая истории о нем, наконец, доверяя их Даниэлю. Нурия, будучи влюбленной в Каракса, на протяжении многих лет хранит верность его памяти. В финале, обращаясь к Даниэлю, героиня передает ему свой долг – сохранить память о Хулиане, чтобы тот продолжал жить. Память оборачивается для Каракса вторым дыханием: юноша, тронутый одиночеством Нурии и драмой Хулиана, остро ощущает ценность этой хрупкой ниточки памяти, способной связать прошлое с настоящим. Человек умирает дважды – физически и тогда, когда о нем забывают. Можно сказать, Сафон выводит здесь метафизическое уравнение памяти и бессмертия: помнить – значит не дать умереть окончательно.

Однако, как всякий свет, память способна отбрасывать тени, и Сафон обращается к темной, губительной её ипостаси. «Есть тюрьмы страшнее слов, Даниэль», – звучит из уст обращающейся к герою женщины [6]. Молчание, тайны, невыраженные чувства – слова способны освобождать, облегчая душу, когда мы делимся памятью или горем; замкнутая же в себе и не разделенная с другим, становится заточением и ранит оказавшихся неспособными отпустить прошлое, чем и стала для Каракса память о возлюбленной Пенелопе и о собственных грехах. Долгие годы скитался он призраком, одержимым прошлым, однако, как замечает Нурия, время сглаживает боль, и лишь поведав в письме свою историю, Каракс обретает свободу и прощение.

Эта двойственность памяти – её способность и спасать, и мучить – наиболее полное воплощение находит в сквозной для романа оппозиции света и тьмы. На протяжении всего повествования Сафон последовательно уподобляет память свету: вспомним «волшебный свет» Кладбища забытых книг, впервые озаряющий Даниэля и преображающий сумрак в пространство надежды, или сияние уцелевших страниц посреди пепла. Мотив достигает кульминации в символике имени – самой Нурии Монфорт – одной из главных

хранительниц памяти. Имея арабское происхождение, восходит к слову «نور» (nur), означающему «свет», «сияние», судьбу героини тем самым уподобляя внутренней форме имени: именно в её образе сходятся лучи той самой спасительной памяти, не дающей погаснуть человеческому присутствию в мире. Даже в самом глубоком забвении теплится искра, готовая разгореться вновь.

Таким образом, Сафон показывает две ипостаси памяти: спасительной она становится, когда её хранят сообща и передают в слове; губительной – когда запирают в одиночке. В этом смысле слова Нурии о тюрьмах и слова Каракса о зеркалах дополняют друг друга: память должна жить в слове, во взгляде Другого, иначе она искажает сознание, подобно кривому зеркалу, или мучит, как темница.

Подобная проблематика выводит нас на понятие символического бессмертия. Как отмечал Я. Ассман, культура хранит память о прошлом, предоставляя личности и творению шанс на жизнь после физической смерти [1]. Однако, как показывает Сафон, шанс этот отнюдь не гарантирован. Память хрупка: она может угаснуть, быть намеренно искажена или уничтожена. В мире «Тени ветра» забвение предстает не просто пассивным исчезновением, но активной, порой чудовищной силой, с которой вступают в борьбу герои, и роман со всей драматичностью иллюстрирует, насколько легки попытки оборвать нить, связывающую человека с будущим, и насколько трудно довести задуманное до конца.

В кульминационных главах Сафон драматично иллюстрирует хрупкость памяти в стремлении к забвению и неистребимую её волю к жизни. Узнав о смерти возлюбленной и нерожденного сына, обезумев от горя и чувства вины, Хулиан Каракс принимает чудовищное решение – стереть себя из мира. Под псевдонимом демонического персонажа собственного романа, Лайна Куберта, он разыскивает и жжет экземпляры всех своих книг. Аутодафе здесь – не просто эксцентричный жест, но отчаянная попытка самоубийства памяти: если не останется книг, никто о не узнает о нем, значит, он исчезнет бесследно, словно никогда не жил. В письме Нурии описывает Даниэлю итог одной из такой акции: «Он сжег все свои книги, которые стояли у меня на полке. На обгорелых переплетах едва можно было прочитать название. Все остальное превратилось в пепел» [6].

Обгорелые переплеты с едва читаемыми названиями подобны надгробиям в усыпальнице памяти; пепел, развеиваемый ветром, кажется, вот-вот развеет и саму возможность посмертного существования. Однако роман потому и трагичен, и прекрасен, что память оказывается не так легко убить. Даже уничтожив останки

своего творчества, Каракс бессилён стереть себя из чужих сердец. Нурия по-прежнему помнит и любит его. Отец Исак, хранитель Кладбища забытых книг, спас один экземпляр «Тени ветра» – тот самый, что попал к Даниэлю. Наконец, сам Даниэль стал живым носителем памяти о Караксе.

Его история выходит из забвения: в буквальном смысле Даниэль расследует её, восстанавливая по крупицам. Даниэль и Хулиан Каракс соединяются странной, потусторонней связью сквозь время и пространство. Юноша буквально вдыхает новую жизнь в остывающую легенду: разыскивает свидетелей, раскручивает узел тайны, но главное – дописывает историю Каракса до конца.

На уровне сюжета Даниэль становится одержим раскрытием тайны жизни Каракса, фактически беря на себя роль его памяти. Он собирает по крупицам свидетельства: расспрашивает старых книготорговцев, читает письма и дневники, разговаривает с очевидцами давних событий; кажущийся разрозненным клубок воспоминаний постепенно сплетается Даниэлем в единую историю. Можно сказать, герой осуществляет акт постпамяти (этот термин был введен впервые М. Хирш для описания отношения поколения, не пережившего события напрямую, к травме предыдущего поколения [8]). Он чувствует боль и страсть Каракса, несмотря на то, что сам родился уже по прошествии всех драм, – через рассказы и тексты события эти становятся его собственными воспоминаниями.

Каракс – живой, но социально мертвый, стерший себя из истории, сжигающий собственные книги в стремлении приблизиться к абсолютному забвению. Даниэль же мешает Хулиану умереть, ведь пока хотя бы один человек упорно его помнит и ищет, Каракс существует. И у него это выходит: к концу книги читатель узнает, что таинственный Лайн Куберт, сжигающий книги Каракса, – это сам Хулиан, уцелевший и скрывающийся. Даниэль, сам того не ведая, материализует призрак своей памятью. Сюжетный поворот предстает блестящей метафорой: если ты помнишь о ком-то слишком усердно, он может вернуться в твою жизнь самым реальным образом.

В кульминации Даниэль спасает раненого Каракса из горящего дома, символически вынося его из огня забвения. После этого Каракс уже не привидение, а вновь живой человек, чья история рассказана и будет храниться близкими людьми. Возвращение же из тени – итог того, что память о нем не угасла. Новые книги, быть может, никогда не будут написаны, но память о нем, очищенная и переданная Даниэлем, сохранится.

Однако жизнь распорядилась иначе: дар, возвращенный памятью, не мог не воплотиться в новом слове. Завершающим аккордом темы этой становится сцена, произошедшая много позднее описываемых событий, когда Даниэль, возвратившись однажды в книжную лавку, находит в почтовом ящике книгу «Туманный ангел» с парижским штампом. Ему не нужно гадать об авторе: знакомый с детства почерк, та самая синяя ручка, выдающая его с первых же строк. Посвящение на титульном листе гласит: «Моему другу Даниелю, который вернул мне эту ручку и желание писать. И Беатрис, которая вернула нам обоим жизнь» [6].

В этом коротком посвящении – квинтэссенция романа. Ручка, когда-то найденная и сохраненная Даниэлем, становится символом возвращения дара – не просто способности писать, но самой воли к творчеству, практически угасшей под тяжестью горя и вины. Каракс, долгие годы существовавший, подобно тени, вновь берется за перо, рождая новый роман, новую жизнь, новое имя. «Борис Ларан» – ещё одна маска, ещё одна тень, однако теперь уже тень не смерти, а возрождения. Беатрис, вернувшая жизнь обоим, замыкает круг любви и памяти. Память, помноженная на любовь, рождает новое творчество – тень ветра вновь обретает плоть.

Эпизод этот подводит нас к более широкому размышлению о природе языка и его способности противостоять забвению. Ту же онтологию бессмертия Сафон распространяет и на языковую ткань повествования. Роман воспекает нетленную словесную субстанцию: забытые истории лишь дремлют до момента, сохраняя способность воскресать в создании восприимчивого читателя, способного пробудить их к новой жизни. Язык, по Сафону, – не умирающая, но пульсирующая сквозь века эссенция, что переключается с представлением о нем как о механизме, хранящем и транслирующем опыт поколений. Метафору эту автор воплощает устами одного из персонажей: «Мертвых языков не существует, есть лишь заснувший разум» [6]. Фраза звучит в забавной сцене знакомства юного Даниэля с книготорговцем Густаво Барсело – эксцентричным библиофилом, помогавшим ему разузнать о Караксе. Реплика подана с юмором, однако в ней заключена важная для романа мысль.

Барсело формулирует парадокс, переворачивающий привычное представление о смерти языка: «мертвым» делает его не время и не отсутствие носителей, но лишь спящий разум – неспособность, нежелание потомков вслушиваться, вдумываться, понимать. Разум спит, и язык костенеет, обращаясь в беззвучную пыль, однако стоит лишь пробудить разум, как язык вновь обретет голос. Сафон

проецирует логику живого слова на судьбу любого старого текста, ведь каждое литературное произведение, даже то, чей автор давно истлел в могиле, несет в себе возможность воскресения. Слова не умирают, покуда находится хотя бы один читатель, способный не просто пробежать по ним глазами, но прочувствовать, интерпретировать, сделать частью собственного внутреннего опыта. «Мертвый язык» в этом смысле – понятие куда более широкое, нежели латынь и прочие классические языки: это и язык искусства прошлого, забытый современниками, и целые пласты культуры, погребенные под равнодушием поколений. Так и роман Каракса, написанный четверть века назад и забытый, не умирает окончательно: Даниэль «пробуждает» его к новой жизни, прочитав и восприняв всем сердцем.

Память как пробуждение смысла означает, что прошлый текст обретает значение в настоящем, если его помнят и читают. В герметичном архиве Кладбища забытых книг произведения словно погружены в летаргию ожидания, и каждый нераскрытый том подобен спящему разуму, не явившему ещё ни чудовищ, ни откровений. Сафон неуловимо отсылает к знаменитой гравюре Гойи: «Сон разума рождает чудовищ». Разум, не вникающий в прошлое, порождает забвение – духовное беспамятство, чреватое чудовищами невежества, равнодушия, пустоты. Но стоит лишь разбудить разум, обратиться к сокровищам прошлого, и «мертвый» язык расцветает, обретая плоть и дыхание, чудовища рассеиваются. Кладбище забытых книг из склепа обращается в преддверие воскресения.

Другой, не менее важный пласт памяти в романе – письма и записки прошлого, вплетенные в ткань повествования. Кульминацией мотива становится находка Даниэля – спрятанное письмо Пенелопы Алдайя, возлюбленной Хулиана Каракса, написанное ему, однако так и не дошедшее до адресата. Десятилетиями пролежавшее в безмолвии, ожидая своего часа. Пожелтевшие листы, сохранившие голос и переживания умершей девушки, открывают правду о том, что Хулиан оказался её единокровным братом, – так, Пенелопа прощается с ним навсегда, в прощании этом запечатлевая свою бессмертную любовь. Для сюжета письмо становится ключом, без которого мотивы и трагедия Каракса навсегда остались бы неразгаданными. Вновь срабатывает механизм, заложенный в саму структуру романа: память текста пробуждает смысл. Только теперь это не книга, а личное письмо – своего рода микроархив, в миг чтения размыкающий время: голос Пенелопы звучит спустя годы, тайна перестает быть тайной, история обретает завершение.

Стоит упомянуть и письмо Нурии Монфорт – её письменное признание, переданное Даниэлю. Нурия излагает свою версию событий, сообщая то, что долго скрывала: как она любила Каракса, как помогала ему, как спасла его рукописи и прятала правду от отца и мужа. По сути, всё узнанное Даниэлем о прошлом – архив постпамяти, составленный из писем, устных рассказов и дневников, в том числе дневника психически больной матери Пенелопы, тоже фигурирующий. Каждый из этих документальных обломков прошлого оживает, будучи прочитанным или услышанным.

Археология памяти в романе неразрывно связана с темой любви и духовной близости. Изначальный импульс дарит отец, впервые приведший Даниэля в удивительное место – Кладбище забытых книг. Этот фантастический подземный архив – сердце романа, метафора памяти культуры, хранящей души забытых историй: «Каждый раз, когда книга попадает в новые руки, каждый раз, когда кто-то пробегает взглядом по ее страницам, ее дух прирастает и становится сильнее» [6]. Речь отца облекает метафизику памяти в яркий образ: затерянные во времени истории обретают вечную жизнь, ожидая нового прикосновения взгляда и разума. Архив Кладбища забытых книг становится символом той культурной памяти, где прошлое не умирает окончательно, но лишь дремлет, терпеливо дожидаясь востребования.

Удивительно точно образ этот перекликается с юнгианским пониманием психики. По словам К. Г. Юнга, за поверхностью индивидуального опыта простирается коллективное бессознательное – слой психики, хранящий универсальные образы и символы, на протяжении тысячелетий питающие культуру и искусство [9], Кладбище забытых книг у Сафона предстает своего рода материализованным коллективным бессознательным Барселоны: местом, где дремлют архетипические сюжеты, вечные образы любви и утраты, двойничества и искупления, готовые пробудиться при встрече с новым читателем. Однако Сафон не был бы Сафоном, нипусти он в повествование тень сомнения: культура, как отмечал П. Рикёр, нуждается не только в памяти, но и в забвении, умении расставаться с прошлым [4], напоминая о том, что не все истории должны быть воскрешены.

Концепция «живого языка» в романе обретает не только сюжетное, но и стилистическое воплощение – прорастает в самой ткани повествования, в том, как Сафон видит и описывает реальность. Барселона в его изображении – город, который помнит сам: готические кварталы, хранящие тени ушедших эпох, заброшенные особняки,

нашептывающие легенды, где каждая улица, каждая площадь дышит прошлым, которое герой учится читать. Даниэль постигает, как кажущиеся молчаливыми книги и дома на самом деле говорят – нужно лишь уметь слушать. Топография романа становится своего рода осуществленной метафорой того, что Пьер Нора называл «местами памяти» – материальными или символическими узлами, в которых культура сгущает и сохраняет свою историю [3]. Кафе «Четыре кота», реальное богемное гнездо старой Барселоны, возникает на страницах «Тени ветра» именно в таком облике: местом встречи не только живых людей, но теней забытых поэтов – призраков недописанных сюжетов, витающих в табачном дыме над столиками. Или описание дождливой Барселоны: «сонный город, похожий на легкий утренний дождик, шелестящий по пурпурным крышам» [6]. Город и дождь говорят в унисон на языке поэзии, пробуждая у читателя ощущение присутствия прошлого – таинственного, зыбкого и прекрасного. Таким образом, поэтика романа становится проводником главной его идеи о неумирающем слове, используя богатство языка для воскрешения атмосферы ушедшего времени.

Эта способность слова воскрешать прошлое с особой силой раскрывается в сценах, где Даниэль читает запоем до рассвета, ощущая, как мир книги оживает вокруг него, как образы прошлого оживают в его воображении: «История этих поисков представляла собой фантазмагорическую одиссею... По мере развития повествования, его структура все больше напоминала мне русскую матрешку... Постепенно роман рассыпался на тысячу историй, словно некий предмет, который, попав в зеркальную галерею, теряется в многочисленных отражениях... Минуты и часы пролетали как во сне. Завороженный чтением, я едва различил, как ... колокол пробил полночь. Медный свет лампы погрузил меня в мир образов и чувств, прежде неведомых, а персонажи, казавшиеся такими же реальными, как воздух, которым я дышал, увлекали за собой в нескончаемый лабиринт тайн и приключений... Мне было жаль покидать этот волшебный мир и расставаться с его героями» [6].

В этом переживании уже не просто чтение, но встреча, предвосхищающая более глубокую истину: первая книга, покоровшая сердце читателя, остается с ним навсегда. Она становится камертоном всему последующему его духовному опыту, по которому бессознательно настраивается восприятие литературы. Автор вводит в повествование рефлексию повзрослевшего Даниэля о восприятии: «Как-то один из постоянных посетителей лавки заметил: едва ли найдется нечто, способное оказать такое влияние на читателя,

как первая книга, проложившая путь к его сердцу. Те первые образы, отзвук слов, которые, как нам кажется, остались далеко в прошлом, сопровождают нас всю жизнь. Они возводят в нашей памяти дворец, в который, сколько бы книг мы потом ни прочли, сколько бы миров ни открыли, сколько бы ни узнали и ни позабыли, нам неизбежно предстоит вернуться. Для меня такими волшебными страницами стали те, что я обнаружил в лабиринтах Кладбища Забытых Книг» [6].

В этой метафоре дворца, возведенного первым опытом прочтения, емко схвачена сама суть того, как литература становится частью личности. Образы, однажды запечатлевшиеся в сознании, не исчезают, но образуют архитектуру нашего внутреннего мира. Сколько бы новых миров ни открылось потом, сколько бы знаний ни наслоилось, именно в этот дворец, построенный в детстве, душа будет возвращаться вновь и вновь, словно к истоку. Неслучайно Даниэль называет «волшебными» найденные на Кладбище забытых книг страницы: именно они стали фундаментом его памяти – его личным дворцом, выстроившим впоследствии его судьбу, любовь, и, в конечном счете, понимание самого себя, став для героя тем самым зеркалом, впервые отразившим очертания собственной его души. Память литературы бессмертна, если однажды она зажгла воображение.

Заключение. Нет окончательно умолкших историй. Любой текст, будь то ислетвший фолиант или пожелтевшее письмо, способен заговорить вновь, встретив внимательного читателя. Память выступает мостом, соединяющим молчаливый объект – книгу, рукопись, саму языковую ткань с активным сознанием, готовым воспринять и оживить заключенный в нем смысл. В философском плане интуиция эта близка идеям герменевтики: смысл текста актуализируется лишь в диалоге с интерпретатором, вне его диалога он лишь «спит», пребывая в состоянии потенции. Я. Ассман, развивая сходную логику, определяет культурную память как процесс динамический: прошлое должно постоянно заново осмысливаться настоящим, в противном случае оно утрачивает значимость [1]. Роман Сафона художественно иллюстрирует тезис: разбуженная читательским вниманием книга обретает новую жизнь и новый смысл в ином времени, становясь событием не только для того, кем однажды была написана, но и для того, кто спустя годы решился открыть вновь.

Карлос Руис Сафон создал в «Тени ветра» проникновенную притчу о памяти и чтении как формах человеческого бытия, способных противостоять времени и смерти. Роман показывает, как через сохранение воспоминаний и историй люди обретают онтологическую

прочность, продолжают существовать в тканях чужой памяти даже после физического исчезновения. Память предстает здесь и светлой скорбью, и сладостной ностальгией, и поиском истины, и актом любви, колыбельной для будущего. Символическое бессмертие достигается в романе тогда, когда память и язык сплетаются воедино: когда рассказывается чья-то забытая история, когда прочитывается запылившаяся книга, когда произносится чье-то имя после смерти. В этом – победа жизни над смертью, культуры над тлением, любви над пустотой.

Через воспоминания близких продолжает жить мать Даниэля, в детстве до судорог страшившегося забыть её лицо, отцом обещанное быть хранимым «за них двоих»; через преданность Нурии и любовь Даниэля возрождается Хулиан Каракс; через чтение обретают вторую жизнь его книги, его слова, его призрачное присутствие в мире. «Мы существуем, пока нас помнят» – в этих простых словах заключена глубинная мораль «Тени ветра». Память – не пассивный архив, но форма любви и верности, принятия чужой души, единственная сила, которая действительно оказывается сильнее смерти. Как отмечает культовый мемориальный афоризм, человека можно считать мертвым окончательно лишь тогда, когда умирает последний, хранивший живые воспоминания о нем.

В финале романа уже взрослый Даниэль приходит на могилу Нурии Монфорт. Он размышляет о том, что часто навещает её и погибшего сторожа Исаака, беседует с ними, как с живыми, и всякий раз замечает на могиле Нурии свежие цветы. Приносящий их остается вне объектива повествования, однако этот трогательный штрих говорит о главном: память – акт непрерывного присутствия, непрекращающийся диалог живых с ушедшими – единственная форма бытия, позволяющая любви и дружбе длиться даже после утраты.

Название книги Каракса «Тень ветра» в контексте этом оказывается удивительно точной метафорой самой памяти: книгу можно сжечь, ветер развеет пепел, но тень её в сознании однажды прикоснувшегося к ней читателя останется, и будет скитаться, куда не обретет иного пристанища, коим и стала для романа новая семья Даниэля. Символично, что герой нарекает сына именем писателя. Это не просто дань памяти, но как бы реинкарнация, вписавшая тем самым Хулиана Каракса не только в свое будущее, но в будущее семьи Даниэля. Показательно, что в финале, много лет спустя, он приведет своего сына Хулиана на то самое место посреди Кладбища забытых книг: тень ветра коснется нового читателя, и цикл памяти продолжится уже для нового поколения.

«Живой язык» в романе Сафона предстает не просто средством коммуникации, но подлинным противоядием от культурной смерти. Согласно Ю. М. Лотману и Б. А. Успенскому, определившими культуру как «ненаследственную память» сообщества, язык выступает ключевым механизмом передачи и сохранения этой памяти [2]. Роман Сафона с редкой наглядностью демонстрирует действие этого механизма: язык искусства – гибкий, текучий, способный вбирать в себя голоса ушедших поколений – доносит до нас память о прошлом, делая ее не музейным экспонатом, но живой частью нашего настоящего. В этой перспективе художественная ткань «Тени ветра» оказывается и воплощением, и подтверждением идеи К. Г. Юнга о коллективном бессознательном как совокупном поле, связывающем людей поверх времени и пространства: судьбы Даниэля, его отца, Фермина, Беа, Нурии, Исака и даже инспектора Фумеро, при всей их кажущейся разнородности, оказываются переплетены общей памятью о Караксе. Каждый из них хранит свою частицу этой памяти, свою версию событий, свою боль или вину, и лишь вместе, сплетая воедино разрозненные нити, они воссоздают целое. Эта сеть памяти и есть жизнь – та самая, что, по выражению Рикёра, лежит под всеми слоями воспоминаний и забвения [4].

Когда автор описывает таинственный полумрак кладбища книг или пепел сожженных романов, образы эти надолго врезаются в наше воображение. Тем самым роман выполняет собственный постулируемый принцип: книга, запечатлевшись в памяти читателя, продолжая существовать уже в его сознании, независимо от автора, от времени, от судьбы бумажного тома. «Тень ветра» – не только название найденного Даниэлем Семпере романа, но метафора самой памяти, которая, подобно тени, неотступно следует за нами, формируя наше бытие, придавая ему глубину и измерение, недоступное чистой физиологии существования. Финал романа замыкает круг – свет памяти отгоняет тьму небытия. Источник памяти и жизни – сама культура, слово и любовь к нему: поэтому, пока нас помнят, мы живы.

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 284: Труды по знаковым системам. [Сб.] 5. Тарту, 1971. С. 144–166.

3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17 – 50.
4. Рикёр П. Память, история, забвение. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
5. Рикёр П. Я – сам как другой. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
6. Сафон К. Р. Тень ветра. Москва: Изд-во АСТ, 2023. 551 с. [Электронный ресурс] URL: <https://books.yandex.ru/books/zHvD4g6g/read-online?ysclid=mlz5z81uwz264751409> (дата обращения: 23.01.2026).
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. (40–41). С. 8–27. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html?ysclid=mlz5dqz7av757905271> (дата обращения: 23.01.2026).
8. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. Москва: Новое издательство, 2021. 444 с.
9. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. Москва: Когито Центр, 2010. 466 с.

REFERENCES

7. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in Ancient High Cultures]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.).
8. Lotman Yu. M., Uspenskij B. A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture] // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of Tartu State University] . Вып. 284: Trudy po znakovym sistemam. [Sb.] 5. Tartu, 1971. Pp. 144 –166.
9. Nora P. Problematika mest pamyati [The problem of places of memory] // Franciya-pamyat'. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. Pp. 17–50.
10. Rikyor P. Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, oblivion]. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004. 728 p.
11. Rikyor P. Ya – sam kak drugoj [I am like another]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2008. 416 p.
12. Safon K. R. Ten' vetra [Shadow of the Wind]. M.: Izd-vo AST, 2023. 551 p. [Electronic resource] URL:

Г. И. Чепелева, Д. А. Астафьев

<https://books.yandex.ru/books/zHvD4g6g/read-online?ysclid=mlz5z81uwz264751409> (date of access 23.02.2026).

13. Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory] // Neprikosnovennyi zapas [Emergency reserve]. 2005. № 2–3. (40–41). Pp. 8–27. [Electronic resource] URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html?ysclid=mlz5dqz7av757905271> (date of access 23.01.2026).

14. Hirsh M. Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Holokosta [The Postmemory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2021. 444 p.

15. Yung K. G. Ocherki po psihologii bessoznatel'nogo [Essays on the psychology of the unconscious]. Moscow: Kogito Centr, 2010. 466 p.

CARLOS RUIZ ZAFÓN'S NOVEL “THE SHADOW OF THE WIND”: MEMORY AND LIVING LANGUAGE AS SOURCES OF SYMBOLIC IMMORTALITY

Galina I., Chepeleva

student, Orenburg State Pedagogical University,
(Russia, Orenburg)

Dmitry A. Astafiev

Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department
of Russian History, Orenburg State Pedagogical University,
(Russia, Orenburg)

Abstract

This article examines Carlos Ruiz Zafón's novel *The Shadow of the Wind* through the lens of the philosophy of memory and the concept of symbolic immortality, illustrating the artistic embodiment of the philosophical ideas of Pierre Ricoeur, Jacob Assmann, Carl Gustav Jung, and other thinkers. The book is a mirror through which reading appears as an act of self-knowledge and dialogue, prolonging the author's existence in the reader's mind. Central attention is paid to the leitmotif «we exist as long as we are remembered», revealing memory as a condition of existence – the only possible form of love and fidelity capable of resisting death. The dual nature of memory is analyzed: both its salvific power and its destructive hypostasis, when memory, enclosed within itself and not shared with another, becomes a prison and wounds those unable to let go of the past. Special attention is given to the concept of «living language», realized in the metaphor «dead languages do not exist» and in the poetics of the novel, where Barcelona itself acts as the custodian of memory. Symbolic immortality is achieved in the unity of memory and words, and culture, language, and love for it appear as the true sources

of life. The novel fulfills its own postulated principle: a book, imprinted in the reader's memory, continues to exist in their consciousness, independent of the author, of time, of the fate of the paper volume. «The Shadow of the Wind» is a metaphor for memory itself, which, like a shadow, haunts us, shaping our existence, giving it depth and dimension inaccessible to the pure physiology of existence. The novel's ending closes the circle – the light of memory drives away the darkness of nonexistence.

Keywords: Carlos Ruiz Zafon, novel «The Shadow of the Wind», memory, «living language», symbolic immortality

Для цитирования: Чепелева Г. И., Астафьев Д. А. Память и «живой язык» как источники символического бессмертия в романе «Тень ветра» Карлоса Руиса Сафона // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 48–63.

Поступила 15 февраля 2026

РАЗДЕЛ IV. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ББК 74.267, 74.580, 74.480
УДК 371, 378.147

А. В. Дмитриева¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
anastasiya200216@yandex.ru*

С. В. Рудакова²

*ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
rudakovamasu@mail.ru*

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ В ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ

В статье рассматриваются вопросы геймификации и персонализированного обучения как возможной реакции на проблему низкой вовлеченности студентов в цифровую образовательную среду. Показано, что простое наращивание электронных ресурсов не устраняет пассивность студентов; устойчивый мотивационный эффект достигается при сочетании игровых механик с адаптацией контента под индивидуальные особенности обучающихся. Теоретическую рамку исследования составляют теория самоопределения (потребности в автономии, компетентности и связанности), теория потока (баланс вызова и навыков) и оперантное обусловливание (положительное

---

¹ Дмитриева Анастасия Витальевна, магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

и вариативное подкрепление). Эмпирические данные демонстрируют, что комбинирование таких игровых элементов, как баллы, значки, лидербордов и адаптивной обратной связи, повышает как ситуативную вовлеченность, так и учебные достижения студентов, тогда как изолированная геймификация ограничивается только ростом внешней мотивации. Учет типологических профилей игроков (достигатели, исследователи, социализаторы, «киллеры») обосновывает отказ от унифицированных решений в пользу дифференциации игровых элементов. Обсуждаются риски подмена внутренней мотивации внешней, демотивация слабых при использовании лидербордов, «усталость от игры». Предлагаются такие меры, как рефлексивные практики, относительные показатели прогресса, периодическая ротация механик. Делается вывод о продуктивности интегративного подхода в использовании геймификации и индивидуализированного обучения: оптимальные результаты достигаются при балансе игровых инструментов с персонализацией траекторий, таргетированной обратной связью и психолого-педагогическим сопровождением, что обеспечивает устойчивую мотивацию и повышение качества учебной активности.

Ключевые слова: геймификация, персонализированное обучение, значки, баллы, лидерборды

Введение. Цифровизация затронула все сферы нашей жизни, в том числе и образование. Цифровая трансформация обусловила пересмотр устоявшихся дидактических подходов и поиск новых инструментов для повышения вовлеченности студентов в образовательный процесс. Однако, как отмечают многие исследователи [11; 16; 17], количественное наращивание объема электронных образовательных ресурсов не решает проблему пассивности обучающихся, значительная часть студентов воспринимает онлайн обучение как формальное, не всегда привлекательное, не способное удержать надолго их внимание. В подобных условиях особую значимость приобретают два взаимосвязанных направления – геймификация и персонализированное обучение.

Термин «геймификация» (gamification), вошедший в академический дискурс в начале 2010-х годов, трактуется как внедрение игровых элементов и механик в неигровые контексты с целью усиления мотивации и вовлеченности пользователей [1; 2; 7; 8; 1; 18]. В классическом определении акцент делается не на создании полноценных игр, а на интеграции отдельных игровых компонентов:

баллов (points) – количественного выражения достижений; значков (badges) – визуальных маркеров успеха; лидербордов (leaderboards) – рейтингов, таблиц лидеров, квестов, отражающих прогресс студентов и т. д., – в рамки существующих образовательных практик [21]. За прошедшее десятилетие сформировался обширный корпус эмпирических данных, демонстрирующих образовательный потенциал геймификации: от повышения ситуативной вовлеченности до закрепления устойчивых моделей учебной активности [1; 2; 5; 7; 8; 9; 10; 13; 15; 18; 21].

Одновременно с этим оформилось направление, связанное с персонализированным обучением (personalized learning), в широком смысле предполагающее адаптацию образовательного процесса под индивидуальные особенности, потребности и темп работы обучающихся. В ряде систематических обзоров персонализированного обучения подчеркивалось, что эффективная персонализация требует ответы на вопросы о субъекте (кто), адресате (для кого), механизмах (каким образом) и целях адаптации (с какой целью). Персонализированное обучение требует инструментов, способных поддерживать долгосрочную мотивацию студентов. Современная литература выделяет несколько уровней персонализации: варьирование сложности заданий, проектирование индивидуальных образовательных траекторий и предоставление таргетированной обратной связи [21; 23].

Достаточно долго геймификация и персонализация изучались как автономные исследовательские линии: первая – как универсальный механизм усиления мотивации, вторая – как учет индивидуальных различий. Однако, как отмечает К. Тренивска-Благоева с соавторами [23], такое разграничение не учитывает их взаимодополняемость: геймифицированные среды не только стимулируют интерес, но и генерируют непрерывные потоки поведенческих данных, могущих стать основой для персонализации [23; 19]. Кроме того, персонализация в обучении позволяет нивелировать ключевой недостаток «универсальных» геймификационных решений – эффект однонаправленности, когда предполагается одинаковая реакция всех обучающихся на одни и те же игровые механики.

Новейшие эмпирические исследования подтверждают синергетический эффект их интеграции. Так, в работе С. Дрисси и соавторов [18], выполненной на основе анализа выборки работ около 100 студентов, осваивавших программирование; наилучшие академические результаты продемонстрировала группа, использовавшая цифровую платформу с одновременным применением геймификационных инструментов и персонализированных

рекомендаций, тогда как изолированная геймификация повышала мотивацию студентов, но без существенного роста их учебных достижений, так как отсутствовала адаптации контента под интересы, потребности обучающихся.

Важным фактором эффективности выступает также учет типологических особенностей студентов при проектировании геймифицированных систем. Исследование, основой которого стал анализ работы более 500 обучающихся на бизнес-направлениях в Испании, показало, что эффективность геймификации определяется соответствием игровых механик психологическим профилям игроков – «достигателей» («карьеристов»), «исследователей», «социализаторов» и «киллеров», по Р. Бартлу [15]. Различные предпочтения обуславливают неодинаковую чувствительность к игровым элементам: так, для «достигателей» критичны метрики прогресса и баллы, для них важно накопление игровых ресурсов, всевозможных игровых благ; для «киллеров» главной мотивацией в игре является победа, превосходство над другими игроками, они ценят власть, доминирование; для «исследователей» значима возможность свободной навигации по содержанию, им интересно изучать игровой мир, они ценят вызовы для ума; для «социализаторов» важны общение с другими игроками, механики взаимодействия и кооперации [15]. Эти результаты наглядно демонстрируют ограниченность стандартизированных, едины для всех подходов и необходимость дифференциации геймификационных решений.

Теоретической основой для возможной интеграции рассматриваемых подходов может стать комплекс мотивационных теорий. В первую очередь, можно назвать теорию самоопределения Э. Деси и Р. Райана, изложенная в книге «Внутренняя мотивация и самоопределение в поведении человека», в которой выделены три базовых психологических потребности – это автономия, компетентность, связанность с другими, именно их удовлетворение поддерживает внутреннюю мотивацию человека [17; 6]. Геймификация, учитывающая эти потребности, способна обеспечить условия для их удовлетворения; она может предоставить право выбрать задание студенту, что поддерживает его автономию; адаптивная сложность игровых заданий формирует компетентность студентов; социальные игровые элементы в игре дают ощущение связанности с другими людьми. Данная теоретическая концепция содержит принципиально важные два ключевых типа мотивации: внешнюю, проявляющуюся через систему баллов и наград,

и внутреннюю, связанную с получением удовольствия от самого процесса обучения и ощущением компетентности.

Дополнительные объяснительные возможности предоставляет теория потока (или потокового сознания) М. Чиксентмихайи [14; 16], согласно которой оптимальный опыт формируется при достижении баланса вызова и навыков, с состоянием потока связано состояние предельной вовлеченности и сконцентрированности человека на процессе, когда он полностью погружается в деятельность, получая от нее удовольствие, понимая, что он делает, осознавая, каким может быть результат его работы.

Интересна в этом ряду и теория ожидаемой ценности, разработанная В. Вруммом в 1964 г., объясняющая, как субъективная оценка успеха и значимость поставленных целей влияют на мотивацию [3].

Основная часть. Современная геймификация образовательного процесса сочетает оба типа мотивации (внешнюю и внутреннюю) и три базовые психологические потребности. Во-первых, это потребность в автономии, которая реализуется через предоставление студентам возможности выбора, например, заданий различного уровня сложности. Во-вторых, потребность в компетентности, удовлетворяемая за счет ощущения прогресса, которое подкрепляется визуализацией достижений через систему баллов и значков. В-третьих, потребность в связанности, которая находит свое выражение в организации межличностного взаимодействия посредством таких механизмов, как лидерборды и командные квесты [17; 6].

Пример: система значков за разные типы активностей (не только академические, но и творческие) поддерживает автономию, так как студент сам выбирает, в какой области развиваться.

Данные положения особенно важны в персонализированном обучении, где студенты работают в индивидуальном темпе. В этой связи теория оператного обусловливания, разработанная Б. Ф. Скиннером и представленная в книге «Поведение организмов: экспериментальный анализ» [22], предполагает два важнейших механизма воздействия: во-первых, положительное подкрепление в форме баллов и значков способствует закреплению желаемых моделей учебного поведения; во-вторых, вариативное подкрепление, предполагающее непредсказуемое вознаграждение (аналогичное игровым механизмам «редких достижений»), существенно повышает уровень вовлеченности обучающихся [22].

Пример: начисление случайных бонусных баллов за активность на уроке увеличивает частоту участия.

Дополнительную теоретическую основу для понимания механизмов геймификации дает концепция потока, представленная М. Чиксентмихайи в работе «Поток и основы позитивной психологии». Согласно данной теории, состояние полной включенности в деятельность характеризуется глубокой концентрацией и абсолютной поглощенностью процессом. Геймификация способствует достижению этого состояния через точное соответствие учебных задач уровню компетенций обучающегося, что реализуется через персонализированные уровни сложности, и наличие четких целей и системы оперативной обратной связи, включая визуализацию прогресса и уведомления [14; 16].

Пример: адаптивные учебные платформы (например, «Duolingo») автоматически подбирают задания под уровень студента, предотвращая скуку или стресс.

Таблица 1.

Приемы геймификации, повышающие вовлеченность

Прием	Как работают	Пример
Прогресс-бар	Визуализирует продвижение к цели, снижая тревожность	Отображение «Процента выполнения курса»
Сюжетные квесты	Связывают задания с историей, добавляя смысл	Курс по истории в формате «детективного расследования»
Социальное сравнение	Лидерборды и командные задания стимулируют через здоровую конкуренцию	Групповой рейтинг
Интерактивные роли	Студенты выбирают «аватар» или роль (например, «Исследователь»), что усиливает идентификацию с процессом	Ролевая система в курсах

Преимущества геймификации в персонализированном обучении:

1. повышение внутренней мотивации – значки и уровни подчеркивают личный прогресс, а не сравнение с другими.

2. гибкость – можно комбинировать элементы под потребности разных студентов (например, интровертам – индивидуальные квесты, экстравертам – групповые).

3. снижение тревожности – возможность передачи заданий за баллы уменьшает страх неудачи.

Применение геймификации в образовательном процессе сопряжено с рядом существенных рисков и ограничений, требующих внимательного рассмотрения. Наиболее значимым представляется риск подмены внутренней мотивации внешней, когда студенты концентрируются исключительно на накоплении баллов в ущерб усвоению знаний. Для минимизации данного эффекта рекомендуется сочетать систему баллов с элементами рефлексивной деятельности, такими как написание аналитических эссе на тему «Чему я научился», что способствует осознанию реальных образовательных достижений.

Другим серьезным ограничением является потенциальная демотивация слабоуспевающих студентов, которая может возникать при использовании традиционных лидербордов, создающих ощущение несправедливости у тех, кто занимает нижние позиции рейтинга. В качестве решения предлагается внедрение персонализированных систем оценивания, где прогресс измеряется относительно предыдущих индивидуальных результатов (например, система «+10% к прошлому результату»), что смещает акцент с межличностного сравнения на личностный рост.

Наконец, существует проблема усталости от геймификации, когда избыточное количество игровых элементов трансформирует учебный процесс в механическую «погоню за достижениями». Для предотвращения этого эффекта целесообразно периодически обновлять игровые механики, например, осуществлять плавный переход от системы баллов к сторителлингу, что позволяет поддерживать интерес студентов на протяжении всего образовательного процесса. Данные меры позволяют сохранить баланс между игровыми элементами и собственно образовательными целями, обеспечивая устойчивый мотивационный эффект геймификации.

Геймификация влияет на мотивацию через: психологические потребности (автономия, компетентность, связанность), позитивное подкрепление и состояние потока.

Для персонализированного обучения критически важно балансировать между соревновательностью и индивидуальным прогрессом, избегать чрезмерной алгоритмизации, сохраняя творческий компонент.

Анализ элементов геймификации в контексте персонализированного обучения выявляет значительный потенциал системы баллов (points) как инструмента фиксации учебного прогресса. Данный механизм выполняет две ключевые функции: во-

первых, обеспечивает количественную оценку выполнения учебных заданий, а во-вторых, благодаря своей гибкости, позволяет адаптировать критерии оценивания к различным уровням сложности в условиях индивидуализированного образовательного процесса.

Примером может стать начисление баллов не только за правильные ответы, но за креативность и активность. Система «апгрейда уровней», где баллы открывают доступ к новым заданиям [5].

Значки (badges) как элемент геймификации выполняют важную функцию визуализации образовательных достижений. Они служат формальным подтверждением mastery – овладения конкретными навыками и компетенциями. Современные системы цифровых значков вышли за рамки фиксации исключительно академических успехов, включив в себя оценку soft skills, таких как способность к командной работе (например, значок «Командный игрок») [9; 13]. Практическим примером эффективного использования данной технологии выступает платформа Classcraft, где система значков успешно применяется для стимулирования социального взаимодействия между обучающимися.

Что касается лидербордов (leaderboards), их применение в образовательном процессе требует особого внимания ввиду существующих рисков. Основные проблемы включают потенциальную демотивацию слабоуспевающих студентов и развитие гипертрофированной конкурентной среды, что может негативно сказаться на учебной атмосфере. В качестве решений предлагаются следующие адаптивные подходы: группировка студентов по уровням подготовки, что обеспечивает более справедливые условия сравнения, а также, использование персональных лидербордов, где прогресс обучающегося соотносится исключительно с его предыдущими результатами [13]. Такие модификации позволяют сохранить мотивационную функцию данного инструмента, минимизируя при этом его негативные психологические последствия.

Вывод. В заключении следует отметить, что применение геймификационных технологий, в частности, использование таких ключевых элементов как балльные системы (points), цифровые значки (badges) и адаптированные лидерборды (leaderboards), демонстрирует значительный потенциал в повышении учебной мотивации в условиях персонализированного обучения. Однако ее эффективность зависит от учета индивидуальных особенностей студентов и предотвращения негативных эффектов (например, избыточной конкуренции). Таким образом, оптимальная реализация геймификации в образовательном процессе требует сбалансированного сочетания игровых механик

с глубокой персонализацией учебных траекторий и продуманной системой психолого-педагогического сопровождения.

Список источников

1. Акчелов Е. О., Галанина Е. В. Новый подход к геймификации в образовании // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. С. 117–132
2. Василиженко М., Коротков Е. А., Мухаркина В. С. Геймификация как современный метод обучения иностранным языкам // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Т. 12. № 2 (48). С. 43–50.
3. Врум В. Труд и мотивация. Москва: Экономика, 1964. 331 с.
4. Гао Чан. Исследование методов персонализированного обучения в профессиональном образовании на основе искусственного интеллекта // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 8А. С. 86-95.
5. Геймификация образовательного процесса. Методическое пособие / под ред. М. В. Эйхорн. Томск, 2015. 39 с.
6. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.12.2025). 0421000116\0041.
7. Дорофеев А. В., Корчагина Т. Г. Геймификация как средство повышения мотивации студентов среднего профессионального образования // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2024. № 1. Т. 7. С. 87–96
8. Иванова С.В. Геймификация как новый значимый элемент современного образовательного пространства // Вестник Московского Университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. № 3. С. 24–37
9. Козлова М. Н. Использование приемов геймификации при обучении грамматике в рамках языковой подготовки студентов высших учебных заведений // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN225.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
10. Одинокая М. А., Аносова Н. Э. Геймификация как прикладной инструмент развития креативного мышления в лингвистической подготовке студентов-магистрантов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 6 (июнь). С. 273–294.

11. Рудакова С. В., Кривопапенко С. А. Применение искусственного интеллекта в системе образовании (использование нейросетей в работе учителя) // *Libri Magistri*. 2025. № 4(34). С. 121-133. EDN NSZQFE.
12. Спиридонов Е. Р. Роль индивидуализации обучения старших школьников в формировании конкурентоспособности выпускника школы // *Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2023: материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 28–31 марта 2023 года*. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2023. С. 1054-1058.
13. Цирулева Л. Д., Щербакова Н. Е. Геймификация в обучении: сущность, содержание, пути реализации технологии // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2023. №3. С. 13-17.
14. Чикесентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. Нью-Йорк: Харпер и Роу, 1990. 339 с.
15. Bartle R. Virtual worlds: Why people play. URL: https://www.researchgate.net/publication/308073596_Virtual_worlds_Why_people_play (дата обращения: 05.11.2025).
16. Csikszentmihalyi M. Flow and the Foundations of Positive Psychology. The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi. New York; London: Springer, 2014. 313 p.
17. Deci E.L., Ryan R. M. Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior. New York: University of Rochester Rochester, SPRINGER SCIENCE+BUSINESS MEDIA; LLC, 1985. 375 p.
18. Drissi, S., Chefrou, A., Boussaha, K., & Zarzour, H. Exploring the Effects of Personalized Recommendations on Student's Motivation and Learning Achievement in Gamified Mobile Learning Framework // *Education and Information Technologies*. 2024. № 29(12). Pp. 15463–15500.
19. Fitriati I., M. Ghazali M., Purnamasari R., M. Ikhwannul M. Implementing Personalized Gamification in E-Learning to Increase Student Engagement // *Proceeding of International Conference on Islamic Education and Science Development*. 2025. №3. Vol. 1. Pp. 391-400.
20. González-López O. R., Buenadicha-Mateos M., Tato-Jiménez J. L., Sánchez-Hernández M. I. Adaptive Gamification in Higher Education: Tailoring Game Elements to Player Profiles and Gender Differences. *SAGE Open*. 2025. № 15 (3). <https://silice.csic.es/publication/c77f7e21-0f1c-4419-b875-ad97835cf1a8> (дата обращения: 11.11.2025).

21. Orozco M. T. V., Crosetti B. De B. Enhancing English Language Teaching and User Experience in Virtual Environments: a Systematic Review on Gamification and Personalised Learning // *Journal of Language and Education*. 2025. Vol 11. № 2. Pp. 157-174.

22. Skinner B. F. *The behavior of organisms; an experimental analysis*. New York, London: D. Appleton-Century Company, Incorporated, 1938. 480 p.

23. Trenevska Blagoeva, K., Kiselicki, M., & Josimovska Nikolov, A. Integrating Learning Analytics for Personalized Education: A Conceptual Framework // *KNOWLEDGE. International Journal*. 2025. № 72(1). Pp. 23–28.

REFERENCES

1. Akchelov E.O., Galanina E.V. A New Approach to Gamification in Education // *Vectors of Well-Being: Economy and Society*. 2019. Pp. 117–132. (In Russ.)

2. Vasilizhenko M., Korotkov E.A., Mukharkina V.S. Gamification as a Modern Method of Teaching Foreign Languages // *Modern Higher School: Innovative Aspect*. 2020. Vol. 12. No. 2 (48). Pp. 43–50. (In Russ.)

3. Vroom V. *Labor and Motivation*. Moscow: *Economica*, 1964. 331 p. (In Russ.)

4. Gao Chang. A Study of Personalized Learning Methods in Professional Education Based on Artificial Intelligence // *Pedagogical Journal*. 2025. Vol. 15. No. 8A. Pp. 86–95. (In Russ.)

5. *Gamification of the Educational Process. Methodological manual* / edited by M. V. Eikhorn. Tomsk, 2015. 39 p. (In Russ.)

6. Gordeeva T. O. Self-determination theory: present and future. Part 1: Problems of theory development // *Psychological research: electronic scientific journal*. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 12.12.2025). 0421000116\0041. (In Russ.)

7. Dorofeev A. V., Korchagina T. G. Gamification as a means of increasing motivation of students of secondary vocational education // *Anthropological didactics and education*. - 2024. No. 1. Vol. 7. Pp. 87–96. (In Russ.)

8. Ivanova S. V. Gamification as a new significant element of the modern educational space // *Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education*. 2022. No. 3. Pp. 24–37. (In Russ.)

9. Kozlova, M. N. “Using Gamification Techniques in Teaching Grammar as Part of the Language Training of Students at Higher Education Institutions” // *The World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2025. Vol. 13. No. 2. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN225.pdf> (accessed 15.12.2025). (In Russ.)

10. Odinokaya, M. A., Anosova, N. E. “Gamification as an Applied Tool for Developing Creative Thinking in the Linguistic Training of Master's Students” // Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”. 2025. No. 6 (June). Pp. 273–294. (In Russ.)

11. Rudakova S. V., Krivopalenko S. A. Application of Artificial Intelligence in the Education System (Use of Neural Networks in Teacher Work) // Libri Magistri. 2025. No. 4 (34). Pp. 121-133. EDN NSZQFE. (In Russ.)

12. Spiridonov E. R. The Role of Individualization of High School Students' Education in Shaping the Competitiveness of School Graduates // Student and Science (Humanities Cycle) - 2023: Proceedings of the International Student Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, March 28-31, 2023. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2023. Pp. 1054-1058. (In Russ.)

13. Tsiruleva L. D., Shcherbakova N. E. Gamification in learning: essence, content, ways of implementing the technology // Bulletin of Penza State University. 2023. No. 3. Pp. 13-17. (In Russ.)

14. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper & Row, 1990. 339 p. (In Russ.)

15. Bartle R. Virtual worlds: Why people play. URL: https://www.researchgate.net/publication/308073596_Virtual_worlds_Why_people_play (дата обращения: 05.11.2025). (In Eng.)

16. Csikszentmihalyi M. Flow and the Foundations of Positive Psychology. The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi. New York; London: Springer, 2014. 313 p. (In Eng.)

17. Deci E.L., Ryan R. M. Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior. New York: University of Rochester Rochester, SPRINGER SCIENCE+BUSINESS MEDIA; LLC, 1985. 375 p.

18. Drissi, S., Chefrou, A., Boussaha, K., & Zarzour, H. Exploring the Effects of Personalized Recommendations on Student's Motivation and Learning Achievement in Gamified Mobile Learning Framework // Education and Information Technologies. 2024. № 29(12). Pp. 15463–15500. (In Eng.)

19. Fitriati I., M. Ghazali M., Purnamasari R., M. Ikhwannul M. Implementing Personalized Gamification in E-Learning to Increase Student Engagement // Proceeding of International Conference on Islamic Education and Science Development. 2025. №3. Vol. 1. Pp. 391-400. (In Eng.)

20. González-López O. R., Buenadicha-Mateos M., Tato-Jiménez J. L., Sánchez-Hernández M. I. Adaptive Gamification in Higher Education: Tailoring Game Elements to Player Profiles and Gender Differences. *SAGE Open*. 2025. № 15 (3).

A. В. Дмитриева, С. В. Рудакова

<https://silice.csic.es/publication/c77f7e21-0f1c-4419-b875-ad97835cf1a8>
(дата обращения: 11.11.2025). (In Eng.)

21. Orozco M. T. V., Crosetti B. De B. Enhancing English Language Teaching and User Experience in Virtual Environments: a Systematic Review on Gamification and Personalised Learning // Journal of Language and Education. 2025. Vol 11. № 2. Pp. 157-174. (In Eng.)

22. Skinner B. F. The behavior of organisms; an experimental analysis. New York, London: D. Appleton-Century Company, Incorporated, 1938. 480 p. (In Eng.)

23. Trenevska Blagoeva, K., Kiselicki, M., & Josimovska Nikolov, A. Integrating Learning Analytics for Personalized Education: A Conceptual Framework // KNOWLEDGE. International Journal. 2025. № 72(1). Pp. 23–28. (In Eng.)

GAMIFICATION AS A TOOL FOR ENHANCING STUDENT MOTIVATION IN PERSONALIZED LEARNING

Anastasia V. Dmitrieva

Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article examines gamification and personalized learning as potential responses to the problem of low student engagement in the digital educational environment. It shows that merely expanding digital resources does not eliminate student passivity; a sustainable motivational effect is achieved when game mechanics are combined with adapting content to learners' individual characteristics. The theoretical framework draws on self-determination theory (needs for autonomy, competence, and relatedness), flow theory (balance between challenge and skills), and operant conditioning (positive and variable reinforcement). Empirical data demonstrate that combining such game elements as points, badges, and leaderboards with adaptive feedback increases both situational engagement and learning outcomes, whereas isolated gamification is limited to boosting only extrinsic motivation. Taking into account player typologies (achievers, explorers, socializers, “killers”) supports rejecting uniform solutions in favor of differentiating game elements. The discussion addresses risks such as the substitution of intrinsic motivation by extrinsic incentives, the demotivation of weaker students through the use

of leaderboards, and “game fatigue.” Proposed measures include reflective practices, relative progress indicators, and the periodic rotation of mechanics. The study concludes that an integrative approach to the use of gamification and individualized instruction is productive: optimal results are achieved by balancing game-based tools with the personalization of learning pathways, targeted feedback, and psycho-pedagogical support, which together ensure sustained motivation and improve the quality of learning activity.

Keywords: gamification, personalized learning, badges, points, leaderboards

Для цитирования: Рудакова С. В., Дмитриева А. В. Геймификация как инструмент повышения мотивации студентов в персонализированном обучении // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 64-77.

Поступила в редакцию 22.12.2025

А. И. Дрожбина

ББК 74

УДК 372.881.1

А. И. Дрожбина¹

ORCID: 0009-0005-0859-3028

Нижегородский государственный

лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина 31А

aleksdrozhofficial@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБУЧЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ РАЗВИТИЯ ЭМОТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена вопросу становления эмоциональной культуры будущих педагогов, которая позволяет понимать и регулировать эмоции, проявлять эмпатию и использовать навык рефлексии в ситуации педагогического общения. Преподаватель иностранного языка, обладающий высоким уровнем эмоциональной культуры способен воспитывать нравственное эмоционально-ценностное отношение к миру в своих учениках посредством формирования эмотивной компетенции обучающихся. Иностранный язык обладает большим дидактическим потенциалом, поэтому на основе иноязычного материала могут быть разработаны упражнения на развитие эмоционального интеллекта, который позволяет личности понимать и управлять своими и чужими эмоциями. В процессе работы можно выделить три основных направления, определяющие целевой и содержательный компоненты для формирования эмотивной компетенции. К ним относятся: 1) изучение эмотивного словаря и грамматических конструкций изучаемого языка для понимания, анализа и выражения эмоций через языковые средства; 2) обучение основам эмоционального интеллекта для гармонизации межличностных отношений путем проявления эмпатии, сопереживания и внимания к чувствам ученика; 3) реализация полученных знаний, умений и навыков в профессиональной педагогической деятельности для обучения учеников с целью

---

¹ Дрожбина Александра Ильинична, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии Высшей школы лингвистики, психологии и педагогики, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия.

достижения ими эффективного иноязычного и межкультурного общения. Согласно вышеизложенным пунктам в составе эмотивной компетенции мы выделяем три аспекта: лингвистический, психологический и методический. Каждый аспект отражает определенное направление в работе преподавателя иностранного языка и способствует формированию эмотивной компетенции в составе иноязычной коммуникативной компетенции, что в совокупности помогает организовать образовательный процесс, направленный не только на усвоение языка, но и развитие эмоциональной культуры.

Ключевые слова: методика преподавания, эмотивная компетенция, эмоциональный интеллект, эмоции, иностранный язык

Введение. Эмоциональная культура, представляющая собой культуру ощущений и восприятий, слов и состояний, восприимчивости мировоззренческих и моральных идей, принципов, истин [11] является неотъемлемой частью обучения и воспитания гармонично развитой личности. По мнению П. М. Якобсона, человека с развитой эмоциональной культурой отличает эмпатия, внимательность, способность замечать, уважать, ценить чувства других людей [13]. Современные научные исследования подтверждают важность эмоционального компонента для процесса обучения, запоминания, усвоения изучаемого материала, развития способности к иноязычной коммуникации, [15] мотивации, высокой академической успеваемости [8]. Однако для организации учебного процесса, направленного на приобретение благоприятного эмоционально-ценностного опыта и основанного на эмпатичном, внимательном отношении к ученику, сам преподаватель должен иметь определенный уровень эмоциональной культуры, который позволял бы развивать её у обучающихся. В таком случае преподаватель может создавать такую среду, «находясь в которой личность реализует себя, проявляя те или иные эмоции, воздействует на других участников этих отношений, тем самым либо создавая среду, либо преобразовывая ее» [3, 10]. Исследователи подчеркивают, что преподаватель иностранного языка должен не только уметь понимать свои и чужие эмоции, владеть техниками саморегуляции и навыками общения в ситуации педагогического общения или межкультурной коммуникации, но и организовывать процесс обучения так, чтобы он способствовал формированию эмоционально-ценностной картины мира носителя изучаемого языка и отражал бы национально-культурное своеобразие, нормы и способы выражения эмоций.

По словам Д. К. Бартош, в эмоциональную культуру учителя

А. И. Дрожбина

иностранный язык входят следующие умения:

- осознавать и оценивать себя, свои чувства, эмоции, поведение, анализируя их причины и последствия;
- управлять собой, развивая свою личность;
- контролировать свои эмоции и принимать решения, справляясь с конфликтными и стрессовыми ситуациями;
- мотивировать себя, определяя цели и шаги для достижения конкретных результатов;
- понимать эмоции людей и быть терпимыми к ним;
- строить взаимоотношения с людьми на основе взаимного уважения и доверия. [2, 16]

Исследователь Л. И. Глазунова выделяла следующие компоненты эмоциональной культуры педагога:

- 1) аксиологический (направленность на личность обучающегося и внимательное отношение к его эмоциональным проявлениям, развитие эмпатических способностей);
- 2) технологический (создание эмоционально-благоприятной образовательной среды и развитие навыков идентификации и правильной интерпретации эмоций, и поведения обучающихся, а также управления своими и чужими эмоциями);
- 3) личностно-творческий (формирование устойчивых навыков принятия эмоциональных состояний и поиска наилучших решений в ситуации межличностного общения) [5, 48].

Все вышеперечисленное подтверждает многогранность содержания столь обширного понятия как «эмоциональная культура». Его можно рассматривать в психологических, педагогических, лингводидактических, методических исследованиях. Говоря о развитии эмоциональной культуры будущих преподавателей иностранных языков, важно отметить, что их образовательный процесс осуществляется в рамках компетентностного подхода [12], а значит в процессе обучения у них должна развиваться эмотивная компетенция, которую мы определяем как совокупность знаний об эмоциях и способах их выражения на иностранном языке, а также коммуникативных и аналитических умений и навыков, необходимых для осуществления эффективной иноязычной коммуникации и направленных на личностное и профессиональное развитие обучающегося. При этом важно отметить, что формирование эмотивной компетенции как важнейшей составляющей коммуникативной компетенции возможно лишь при условии развития эмоционального интеллекта [14], который определяется Федеральным государственным образовательным стандартом как умение «выявлять

и анализировать причины эмоций, ставить себя на место другого человека, понимать мотивы и намерения другого и регулировать способ выражения эмоций» [9, п.43.3].

Основная часть. В профессиональной деятельности педагога по формированию эмотивной компетенции средствами развития эмоционального интеллекта мы выделяем три основных направления:

1. Понимание, анализ и выражение эмоций через вербальные и невербальные средства.

Формирование и развитие выразительной речи, умение эмоционально реагировать сообразно ситуации, оказывать эмоциональное речевое воздействие с целью осуществления успешной коммуникации в ситуации педагогического общения являются важнейшими аспектами профессионального становления будущих преподавателей иностранных языков. Также необходимо развивать способность к эмоциональной рефлексии, которая является важнейшим средством формирования культуры деятельности и культуры мышления педагога для реализации гуманистической парадигмы образования [4], позволяющей осознать эмоциональные состояния и распознавать причинно-следственные связи их проявления для коррекции негативных поведенческих паттернов.

2. Гармонизация межличностных отношений путем проявления эмпатии, сопереживания и внимания к чувствам другого.

Развитый эмоциональный интеллект «порождает новый тип поведения, отражающий эмотивную сторону личности и её мотивационную готовность» к эффективному взаимодействию, в котором есть место эмоциям, чувствам, мыслям, убеждениям другого человека [1, 26]. Эмпатия предполагает сопереживание, сочувствие; она позволяет педагогу понимать истинные мотивы и потребности ученика. По мнению В. А. Сухомлинского «надо встречаться с ребенком как с другом, единомышленником, пережить вместе с ним радость победы и горечь утраты» [10, 33]. При этом в иноязычном общении проявление эмпатии также важно и предполагает выражение понимания, отклика через вербальные и невербальные средства с учетом специфики иноязычной речи и культуры. Следовательно, эмоциональному речевому поведению в ситуации иноязычного общения также необходимо обучать.

3. Реализация эмотивной компетенции в профессиональной деятельности педагога для достижения эффективного иноязычного и межкультурного общения.

Преподавателю необходимо понимать и уметь регулировать свои эмоции и эмоции своих учеников. Обладая достаточно высоким

А. И. Дрожбина

уровнем эмоционального интеллекта, педагог может способствовать его развитию у своих учеников в процессе обучения. «Социально-эмоциональное образование <...> может проводиться не в виде отдельного предмета, а реализовываться учителями на всех занятиях, на каждом уроке. Роль учителя состоит не только в том, чтобы преподавать содержание частного предмета, но и в том, чтобы обучать социально-эмоциональным навыкам и создавать поддерживающую среду» [7, 301]. Сформированная эмотивная компетенция будет способствовать развитию навыков эффективной коммуникации, основанной на эмпатии, рефлексии и уважении к ученику, а также поможет в адаптации к текущей рабочей ситуации, сглаживании конфликтов, создании эмоционально-благоприятной атмосферы на занятии.

Данные направления позволили нам выделить лингвистический, психологический и методический аспекты эмотивной компетенции, которая может быть сформирована средствами развития эмоционального интеллекта [6]. Таким образом, компонентный состав эмотивной компетенции будущих преподавателей иностранного языка может быть представлен следующим образом (см. Рис.1)

Рисунок 1

Заключение. Данная схема наглядно показывает, что содержание эмотивной компетенции будущих преподавателей иностранного языка включает в себя не только лингвистический (владение экспрессивно-образной речью, эмотивным словарем)

и психологический (развитие эмпатии, рефлексии, умение понимать и управлять эмоциями), но и методический аспект, предполагающий умение обучать учеников идентифицировать и регулировать эмоции, выбирать правильные речевые и поведенческие стратегии в ситуации межкультурного общения, интегрировать полученные знания в процесс изучения языка для развития иноязычных коммуникативных навыков. Таким образом, формирование эмотивной компетенции будет способствовать становлению эмоциональной культуры будущих педагогов.

Список источников

1. Афанасьева О. Ю., Смирнова М. В., Федотова М. Г. Языковые средства репрезентации эмоционального интеллекта в содержании иноязычного образования будущего учителя [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГГПУ. 2020. №3 (156). С. 24-34.
2. Бартош Д. К. Особенности формирования эмоциональной культуры будущего учителя иностранного языка // Среднее профессиональное образование. Москва, 2011. № 2. С. 16–19.
3. Бартош Д. К., Гальскова Н. Д. Роль эмоциональной культуры в профессиональной деятельности учителя иностранного языка // Педагогика и психология образования. 2018. №3. С. 9–19.
4. Бизяева, А. А. Рефлексивные процессы в сознании и деятельности учителя: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.07 – Педагогическая психология. Санкт-Петербург, 1993. 180 с.
5. Глазунова Л. И. Эмоциональная культура как компонент профессионально-педагогической культуры будущего педагога // Известия ЮЗГУ. Серия лингвистика и педагогика. 2011. № 2. С. 43–50.
6. Дрожбина А. И., Поршнева Е. Р. Модель обучения иноязычной коммуникации средствами развития эмоционального интеллекта // Язык и культура. 2025. №69. С. 119–135.
7. Зорина Н. Н. Возможности развития эмоционального интеллекта / Н. Н. Зорина // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–1. С. 300–303.
8. Мельничук М. В., Калугина О.А. Эффективность обучения иностранному языку в ВУЗе: компоненты эмоционального и интеллектуального // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т.14, №8. С. 2627-2632.
9. Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 N 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/>. (дата обращения: 14.09.2025).

10. Сухомлинский В. А. Павлышская средняя школа. Москва: Просвещение, 1969. 400 с.

11. Сухомлинский В. А. Сто советов учителю. Киев: Рад. шк., 1984. 254 с.

12. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58-64.

13. Якобсон П. М. Чувства, их развитие и воспитание. Москва: Знание, 1976. 64 с.

14. Mayer J. D., Salovey P. & Caruso D. H. Emotional Intelligence: new ability or eclectic traits // American Psychologist Journal. 2008. №63. Pp. 503-517

15. Méndez López M. Las emociones en el aprendizaje de una lengua extranjera: su impacto en la motivación [Electronic source] // Revista Internacional de Lenguas Extranjeras - International Journal of Foreign Languages. 2016. Núm. 5. Pp. 27-46. URL: <https://raco.cat/index.php/RILE/article/view/316761>. (accessed 10.09.2024).

REFERENCES

1. Afanas'eva O. Yu., Smirnova M. V., Fedotova M. G. Yazy'kovy'e sredstva reprezentacii e'mocional'nogo intellekta v sodержanii inoyazy'chnogo obrazovaniya budushhego uchitelya [The linguistic means of representing emotional intelligence in the content of a future teacher's foreign language education] // Vestnik YuUrGGPU. 2020. №3 (156). Pp. 24-34. (In Russ.).

2. Bartosh D. K. Osobennosti formirovaniya e'mocional'noj kul'tury budushhego uchitelya inostrannogo yazy'ka [Features of the formation of the emotional culture of a future teacher of a foreign language] // Srednee professional'noe obrazovanie. Moskva, 2011. № 2. Pp.16–19. (In Russ.).

3. Bartosh D. K., Gal'skova N. D. Rol' emotsional'noi kul'tury v professional'noi deiatel'nosti uchitelia inostrannogo iazyka [The role of emotional culture in the professional activities of a foreign language teacher] // Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia. 2018. №3. Pp.9–19. (In Russ.).

4. Bizyaeva A. A. Refleksivny'e processy` v soznanii i deyatel'nosti uchitelya [Reflexive processes in the teacher's mind and activities: thesis... candidate of Psychological Sciences (PsD)].: dis. ...kand. psiol.. SPb., 1993. 180 p. (In Russ.).

5. Glazunova L. I. E'mocional'naya kul'tura kak komponent

professional'no-pedagogicheskoy kul'tury` budushhego pedagoga [Emotional culture as a component of the professional and pedagogical culture of a future teacher] // Izvestiya YuZGU. Seriya lingvistika i pedagogika. 2011. № 2. Pp. 43–50. (In Russ.).

6. Drozhbina A.I., Porshneva E.R. Model' obucheniia inoazychnoi kommunikatsii sredstvami razvitiia emotsional'nogo intellekta [Implementation of a linguodidactic model of teaching a foreign language through the development of emotional intelligence] // Iazyk i kul'tura, 2025, №69, Pp.119–135. (In Russ.).

7. Zorina N. N. Vozmozhnosti razvitiya e`mocional'nogo intellekta [Possibilities of developing emotional intelligence] // Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. № 71–1. P. 300–303. (In Russ.).

8. Mel`nichuk M. V., Kalugina O.A. E`ffektivnost` obucheniya inostrannomu yazy`ku v VUZe: komponenty` e`mocional'nogo i intellektual'nogo [Efficiency of higher school language education: emotional and intellectual aspects] // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2021. T.14, №8. Pp.2627-2632. (In Russ.).

9. Prikaz Minprosveshcheniia Rossii ot 31.05.2021 N 287 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniia» [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 31.05.2021 N 287 «On approval of the Federal state educational standard of basic general education»]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (accessed 14.09.2025). (In Russ.).

10. Suxomlinskij V. A. Pavly'shskaya srednyaya shkola [Pavlyshevskaya middle school]. Moscow: Prosveshhenie, 1969. 400 p. (In Russ.).

11. Suxomlinskij, V. A. Sto sovetov uchitel'yu [One hundred advice for a teacher]. Kiev: Rad. shk., 1984. 254 p. (In Russ.).

12. Xutorskoj A.V. Klyuchevy`e kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannoj paradigmy` obrazovaniya [Key competencies as a component of a personality-oriented educational paradigm] // Narodnoe obrazovanie. 2003. № 2. Pp. 58-64. (In Russ.).

13. Yakobson P. M. Chuvstva, ix razvitie i vospitanie [Feelings, their development and education]. Moscow: Znanie, 1976. 64 p. (In Russ.).

14. Mayer J.D., Salovey P. & Caruso D.H. Emotional Intelligence: new ability or eclectic traits // American Psychologist Journal. 2008. №63. Pp. 503-517. (In Eng.)

15. Méndez López M. Las emociones en el aprendizaje de una lengua extranjera: su impacto en la motivación // Revista Internacional de Lenguas Extranjeras - International Journal of Foreign Languages. 2016. Núm. 5. Pp. 27-46. Available at: <https://raco.cat/index.php/RILE/article/view/316761> (accessed 10.09.2024). (In Span)

**THE CONTENT COMPONENT OF EDUCATION AIMED
AT THE DEVELOPMENT OF THE EMOTIONAL COMPETENCE
OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS**

Aleksandra.I. Drozhbina

Senior lecturer, Department of the Romano-Germanic Philology, Higher School of Linguistics, Pedagogy and Psychology, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia)

Abstract

This article is devoted to the formation of the emotional culture of future teachers, which allows them to understand and regulate emotions, show empathy and use the skill of reflection in a situation of pedagogical communication. A foreign language teacher with a high level of emotional culture is able to foster in his students a moral, emotional and value-based attitude towards the world through the development of students' emotional competence. A foreign language has great didactic potential. So exercises for the development of emotional intelligence can be created using material from a foreign language. Emotional intelligence allows a person to understand and manage his own and others' emotions. These exercises can be done while students study a foreign language. In the working process there can be identified three main directions that determine the target and content components of the formation of emotional competence. These include: 1) the study of the emotive vocabulary and grammatical constructions for understanding, analyzing and expressing emotions through linguistic means; 2) teaching the basics of emotional intelligence to harmonize interpersonal relationships by showing empathy and paying attention to the student's feelings; 3) implementing the acquired knowledge, skills and abilities in professional teaching activities for students to learn a foreign language and be able to achieve successful intercultural communication. According to these points, we distinguish linguistic, psychological and methodological aspects of emotional competence. Each aspect reflects a specific direction in the work of a foreign language teacher and contributes to the formation of emotional competence as part of a foreign language communicative competence. As a result, it helps

to organize an educational process aimed not only at language acquisition, but also at the development of emotional culture.

Keywords: teaching methodology, emotional competence, emotional intelligence, emotions, foreign language

Для цитирования: Дрожбина А. И. Содержательный компонент обучения с целью развития эмотивной компетенции у будущих преподавателей иностранного языка // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 78–87.

Поступила в редакцию 12.11.2025

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ББК 81.63, 72.6
УДК 811.512.1, 81-11

Л. Х. Махиева¹
ORCID: 0000-0003-1765-0176
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН;
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18.
liudmila.makhiieva@mail.ru

Р. А. Керимова²
ORCID: 0000-0003-1964-4511
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН;
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18.
K.roza07@mail.ru

УЛАКОВУ МАХТИ ЗЕЙТУНОВИЧУ – 75

В статье обобщены основные сведения о биографии и научной деятельности тюрколога М. З. Улакова (1951), в том числе его экспедициях и публикациях, посвященных карачаево-балкарской культуре. Раскрывается значение наследия ученого в формировании исследовательской и личностной культуры современников.

Цель статьи – обозначить вклад ученого и предоставить читателю всесторонний обзор его научной деятельности.

Материалы показывают становление и развитие научной биографии, роль ученого в отечественной истории тюркологии и культуре карачаево-балкарского народа.

Ключевые слова: М. З. Улаков, тюрколог, культура карачаево-балкарского народа, языки народов Северного Кавказа

---

¹ Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия.

² Керимова Раузат Абдуллаховна, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия.

Исполняется 75 лет со дня рождения известного ученого и талантливого организатора науки, советника генерального директора Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», академика Международной тюркской академии, член-корреспондента Российской академии естественных наук, заслуженного деятеля науки КЧР и КБР, доктора филологических наук, профессора Махти Зейтуновича Улакова.

М. З. Улаков родился 26 февраля 1951 года в с. Дон-Арик Чуйского района Киргизской ССР. После возвращения балкарцев на историческую родину в Кабардино-Балкарию семья Улаковых поселилась в с. Кёнделен. Окончив Лашкутинскую среднюю школу в 1969 году, М. Улаков поступил на русско-балкарское отделение ИФФ Кабардино-Балкарского госуниверситета и окончил его в 1974 году. В том же году был принят на работу старшим лаборантом в сектор карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики.

Осенью 1976 г. М. З. Улаков поступил в очную аспирантуру сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР (г. Москва). За время учебы в аспирантуре он написал кандидатскую диссертацию на тему «Термины животноводства в карачаево-балкарском языке» (защита состоялась в Баку в 1983г.).

Научную деятельность М.З. Улаков продолжил в КБНИИ (ныне ИГИ КБНЦ РАН): младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, главным научным сотрудником, заведующим сектором (отделом) карачаево- балкарского языка.

С июня 1993 года по декабрь 1998 г. М. З. Улаков – заместитель директора по научной работе. Работая в КБИГИ, в 1996 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте языкознания РАН. В 2009 году ему присвоено ученое звание профессора по специальности «Языки народов РФ (тюркские языки)».

С января 1999 г. по март 2021г. работал заместителем председателя Кабардино-Балкарского научного центра РАН по научной работе; в настоящее время – советник генерального директора КБНЦ РАН. Одновременно продолжая работу в секторе карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН в должности главного научного сотрудника, ведет активную научную деятельность.

М. З. Улаков – автор более 200 научных работ, которые получили высокую оценку среди специалистов-тюркологов. Среди них – словари, монографии, разделы коллективных исследований, статьи и

доклады, посвященные актуальным вопросам тюркской филологии, социалингвистики, а также региональным аспектам гуманитарных исследований.

Особо следует отметить монографию «Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка» (1994) [8], которая легла в основу его докторской диссертации «Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка» [9] и была высоко оценена за весомый вклад в развитие тюркского языкознания.

Ряд работ посвящены исследованию различных аспектов языков народов Северного Кавказа: «Роль национальных языков в формировании духовной общности народов Северного Кавказа» (1999 г.) [10], «Гуманитарная наука: общие тенденции и проблемы развития региональных исследований» (1999 г.) [4], «Новая языковая политика и консолидация братских народов Северного Кавказа» (1998 г.) [6], «Современные аспекты развития региональных тюркологических исследований» (2003 г.) [11] и др. В научных трудах профессора также нашло отражение особое его отношение к устному народному творчеству, которое он считает «кладезью мудрости народа, где заключена его философия, обобщен жизненный опыт не одного поколения, отражается менталитет народа».

Общетюркологическое значение приобрели исследования М. З. Улакова, посвященные проблемам истории языка, тюркской лексикографии, лингвофольклористики, социалингвистики и культуры речи. По этим вопросам он выступает на многочисленных международных, всероссийских и региональных конференциях, симпозиумах, «круглых столах».

Говоря о плодотворной деятельности профессора М. З. Улакова, нужно упомянуть о его активном участии в составлении словарных статей и издании «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» (в трех томах), в создании коллективного фундаментального труда «Современный карачаево-балкарский язык» в двух частях, в котором он выступает как автор и руководитель научного проекта, и как автор разделов. В настоящее время в центре научных интересов профессора – создание переводного «Русско-карачаево-балкарского словаря», над которым работает коллектив авторов – сотрудников сектора карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН [14]. Будучи руководителем проекта, активно участвует в разработке разделов готовящейся к изданию «Грамматики карачаево-балкарского языка».

Большое внимание М. З. Улаков уделяет подготовке научных кадров. В течение ряда лет, работая по совместительству профессором кафедры балкарского языка и литературы Кабардино-Балкарского

госуниверситета, он читал курсы лекций филологам – магистрам и аспирантам, подготовил учебные и учебно-методические издания: «История карачаево-балкарского языка» (краткий курс лекций, 2001 г.) [5], «Современные принципы и методы лингвистических исследований и дальнейшее развитие национальных языков» (краткий курс лекций, 2003 г.) [2], «Очерки истории карачаево-балкарского языка» (учебное пособие, 2005 г.) [7], «Современные аспекты тюркологических исследований» (2008 г.) [12] и др. Под его научным руководством подготовлены 8 кандидатов филологических наук по специальности «Тюркские языки». Профессор М. З. Улаков является основателем и руководителем научной школы по лингво-фольклористике, которая объединяет группу молодых специалистов и ученых – последователей тюркестических подходов ученого.

М. З. Улаков – организатор и участник нескольких научных экспедиций, в том числе и двух зарубежных. Знание турецкого языка (летом 1992 года в г. Самсуне (Турция) он прошел курс изучения турецкого языка) помогло ученому собрать уникальный материал по языку и культуре карачаево-балкарской диаспоры в Турции, а также в Сирии и Иордании. Им опубликованы ряд статей, которые получили высокую оценку специалистов: «Этнос-диаспора как модель функционирования социокультурного пространства» (2003 г.) [15], «Диаспора – хранитель и проводник национальной культуры» (2004 г.) и др.

Значительны его заслуги и в организации науки в регионе. Будучи заместителем директора по научной работе КБИГИ, он способствовал открытию в Институте аспирантуры и докторантуры. Участвовал в становлении Кабардино-Балкарского научного центра РАН как федерального научного центра. Занимая должность заместителя председателя Кабардино-Балкарского научного центра РАН, проводил интеграционную и инновационную политику в республике в решении проблем по смежным дисциплинам.

Возглавляя Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН, по программе интеграции академической и вузовской науки совместно с кафедрой русского языка и общего языкознания КБГУ М. З. Улаков организовал и провел социолингвистическое исследование по языковой ситуации в Кабардино-Балкарии. На материалах опроса издан ряд статей и коллективная монография «Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы (2016, в соавторстве) [1]; сделаны предложения и рекомендации для законодательной и исполнительной власти республики.

Махти Зейтунович Улаков вносит весомый вклад в процесс интеграции академической и вузовской науки. Будучи заместителем главного редактора журнала «Известия КБНЦ РАН» и членом редколлегии журналов «Российская тюркология» и «Вестник тюркского мира», энциклопедии «Люблю я Кавказ» - северокавказского регионального проекта, членом редакционного совета «Родной язык», членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, действительным членом (академиком) Российской академии естественных наук по секции «энциклопедии» (РАЕН), более 15 лет ученым секретарем Кабардино-Балкарского РАЕН, академиком Международной тюркской академии (МТА), более 10 лет председателем Кабардино-Балкарского отделения МТА, многократным делегатом годичных собраний РАН, он ведет деятельную работу по пропаганде научных знаний на Юге России и нацеливает молодых ученых на повышение уровня исследований до планки мировых достижений.

Совмещая научную деятельность с общественной работой, на протяжении многих лет он участвовал в разработке проекта «Закон о государственных языках Кабардино-Балкарской Республики», а также государственной Программы сохранения и развития государственных языков Кабардино-Балкарской Республики.

М. З. Улаков принимает активное участие в политической жизни республики и региона. В течение пяти лет он был членом комиссии по вопросам помилования при Президенте КБР и экспертной комиссии комитета Парламента КБР по межнациональным отношениям, заместителем председателя Общественного совета Министерства образования и науки КБР, был членом Избирательной комиссии КБР; в настоящее время является руководителем группы по непроизводственной сфере экспертного совета при Главе КБР, доверенным представителем Уполномоченного по правам человека по КБР по городскому округу Нальчик, членом Общественного совета при Министерстве образования науки, членом Общественной палаты КБР.

Требовательность к себе и другим, высокая организованность и принципиальность, верность идеалам науки и избранному пути снискали М. З. Улакову заслуженный авторитет в научных кругах России и среди тюркологов мира.

За многолетнюю плодотворную научную, научно-организационную и активную общественно-политическую деятельность М. З. Улаков награжден Почетной грамотой Кабардино-Балкарской Республики (1996 г.), Почетной грамотой Российской академии наук и профсоюза работников Российской академии наук (1999 г.), Почетной грамотой Избиркома КБР (2007 г.), Почетной

грамотой Парламента КБР (2011), Почетной грамотой Президиума КБНЦ РАН (2011), Почетной грамотой КБИГИ (2016), Почетной грамотой КБНЦ РАН (2021), медалями И. Крымшамхалова и К. Кулиева (2019), «250 лет единения Ингушетии с Россией» (2021), «за мир и гуманизм на Кавказе» (2021), «За защиту прав человека» (2022), «Благодарность Председателя Общественной палаты КБР (2025); он признан лучшим наставником 2025 года Кабардино-Балкарского научного центра РАН (2026). За заслуги в научно-педагогической деятельности ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики» (1998 г.) и «Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики» (2001 г.), «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации» (2021).

Коллектив ученых сердечно поздравляют юбиляра и желают ему крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии в реализации его творческих планов, как можно дольше оставаться опорой и поддержкой для коллег и молодых ученых.

Список источников

1. Башиева С. К., Улаков М. З., Хамдохова Ж. М. Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы. Нальчик: Кабардино-алкарский научный центр Российской академии наук, 2016. 172 с. EDN VLFFPR.
2. Геляева, И. А., Улаков М. З. Современные принципы и методы лингвистических исследований и дальнейшее развитие национальных языков. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2003. 29 с. EDN TTANDZ.
3. Современный карачаево-балкарский язык: в 2 частях / Ж. М. Гузеев, А. К. Аппоев, Л. Х. Жабелова [и др.]; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Ч. 1. Нальчик: Общество с ограниченной ответственностью «Печатный двор», 2016. 448 с. EDN WMKFXR.
4. Улаков М. З. Гуманитарная наука: общие тенденции и проблемы развития региональных исследований // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1999. № 3. С. 9-11. EDN SEWHRL.
5. Улаков М. З. История карачаево-балкарского языка: Краткий курс лекций. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001. 80 с. EDN TJNVST.
6. Улаков М. З. Новая языковая политика и консолидация братских народов Северного Кавказа // Материалы научной конференции «Языки и культура народов Северного Кавказа». Карачаевск: Домбай, 1998.

7. Улаков М. З. Очерки истории карачаево-балкарского языка: Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2005. 105 с.
8. Улаков М. З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики при Кабинете Министров КБР; ответственный редактор Башиева С.К. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с. EDN RSSLNH.
9. Улаков М. З. Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка (Лексический и лексикографический аспекты): специальность 10.02.06: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, 1995. 63 с. EDN ZJPRLN.
10. Улаков М. З. Роль национальных языков в формировании духовной общности народов Северного Кавказа // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе: материалы международной научно-теоретической конференции, Черкесск, 28–31 октября 1997 года. Черкесск: Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 1999. С. 473-477. EDN TNCSYN.
11. Улаков М. З. Современные аспекты развития региональных тюркологических исследований // Дагестанский лингвистический сборник. Москва, 2003. Вып. 12. С. 95–100.
12. Улаков М. З. Современные аспекты тюркологических исследований // Материалы Международной научной конференции «Профессор Н. К Дмитриев и актуальные проблемы современной тюркологии». Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 155–159.
13. Улаков М. З. Фразеология с компонентом названий домашних и диких животных в разноструктурных языках (на материале карачаево-балкарского и ингушского языков) / М. З. Улаков, З. Х. Киева, Л. Х. Махиева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27, № 1. С. 89-99. EDN RHIOVZ.
14. Улаков М. З., Махиева Л. Х. Карачаево-балкарско-русский словарь лингвистических терминов. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. 104 с.
15. Улаков М. З., Толгуров Т. З. Этнос-диаспора как модель функционирования социокультурного пространства // Кавказоведение. 2003. №4. С. 44–52.

REFERENCES

1. Bashieva S. K., Ulakov M. Z., Khamdokhova J. M. Language situation in the Kabardino-Balkarian Republic: state and problems. Nalchik:

Kabardino-Alkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016. 172 p. EDN VLFFPR. (In Russ.)

2. Gelyaeva, I. A., Ulakov M. Z. Modern principles and methods of linguistic research and the further development of national languages. Nalchik: Publishing House of the KBSC RAS, 2003. 29 c. EDN TTANDZ. (In Russ.)

3. Modern Karachay-Balkarian language: In two parts/ J. M. Guzeev, A. K. Appoev, L. Kh. Zhabelova [and others]; Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. PART 1. Nalchik: Print Yard Limited Liability Company, 2016. 448 p. EDN WMKFXR. (In Russ.)

4. Ulakov M. Z. Humanities: general trends and problems of development of regional research // Izvestia of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 1999. № 3. Pp. 9-11. EDN SEWHRL. (In Russ.)

5. Ulakov M. Z. History of the Karachay-Balkarian language: A short course of lectures. Nalchik: Publishing House of the KBSC RAS, 2001. 80 p. EDN TJNVST. (In Russ.)

6. Ulakov M. Z. New language policy and consolidation of fraternal peoples of the North Caucasus // Materials of the scientific conference "Languages and culture of the peoples of the North Caucasus." Karachaevsk: Dombay, 1998. (In Russ.)

7. Ulakov M.Z. Essays on the history of the Karachay-Balkarian language: Nalchik: Publishing House of the KBSC RAS, 2005. 105 p. (In Russ.)

8. Ulakov M. Z. Problems of the lexical style of the Karachay-Balkarian language. Kabardino-Balkarian Institute of History, Philology and Economics under the Cabinet of Ministers of the CBD; executive editor Bashieva S.K. Nalchik: Elbrus, 1994. 116 c. EDN RSSLNH. (In Russ.)

7. Ulakov M. Z. Problems of stylistics of the Karachay-Balkarian language (Lexical and lexicographic aspects): specialty 10.02.06: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology. Nalchik, 1995. 63 p. EDN ZJPR LH. (In Russ.)

10. Ulakov M. Z. The role of national languages in the formation of the spiritual community of the peoples of the North Caucasus // Cultural and historical community of the peoples of the North Caucasus and the problems of humanization of interethnic relations at the present stage: Materials of the international scientific and theoretical conference, Cherkessk, October 28-31, 1997. Cherkessk: Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies, 1999. Pp. 473-477. EDN TNCSYN. (In Russ.)

11. Ulakov M. Z. Modern aspects of the development of regional Turkological studies // Dagestan linguistic collection. Moscow, 2003. No. 12. Pp. 95-100. (In Russ.)

12. Ulakov M. Z. Modern aspects of Turkological research//Materials of the International Scientific Conference "Professor N. K. Dmitriev and current problems of modern Turkology." Ufa: RIC BashSU, 2008. Pp. 155-159. (In Russ.)

13. Ulakov M. Z. Phraseology with a component of the names of domestic and wild animals in different structural languages (based on material from the Karachay-Balkarian and Ingush languages) / M. Z. Ulakov, Z. Kh. Kyiv, L. Kh. Makhiev//Izvestia of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2025. Vol. 27. №. 1. Pp. 89-99. EDN RHIOVZ. (In Russ.)

14. Ulakov M. Z., Makhieva L. Kh. Karachay-Balkar-Russian dictionary of linguistic terms. Nalchik: Publishing House of the KBSC RAS, 2008. 104 p. (In Russ.)

15. Ulakov M. Z., Tolgurov T. Z. Ethnos-diaspora as a model of the functioning of sociocultural space // Caucasian studies. 2003. №4. Pp. 44-52. (In Russ.)

ULAKOV MAKHTI ZEITUNOVICH IS 75

Ludmila Kh. Makhieva

Institute of Humanitarian Researches - branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Rauzat A. Kerimova

Institute of Humanitarian Researches - branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract

The article summarizes the basic information about the biography and scientific activities of Turkologist M. Z. Ulakov (1951), including his expeditions and publications devoted to Karachay-Balkarian culture. The significance of the scientist's legacy in the formation of the research and personal culture of contemporaries is revealed.

The purpose of the article is to indicate the contribution of a scientist and provide the reader with a comprehensive overview of his scientific activities.

The materials show the formation and development of a scientific biography, the role of a scientist in the Russian history of Turkology and the culture of the Karachay-Balkarian people.

Keywords: M.Z. Ulakov, Turkologist, culture of Karachay-Balkarian people, languages of peoples of the North Caucasus

Для цитирования: Махиева Л. Х., Керимова Р. А. Улакову Махти Зейтуновичу – 75 // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 88–96.

Поступила в редакцию 17.02.2026

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Видеопэзия как феномен современной поэтической, читательской и зрительской культуры», проведенной 5 декабря 2025 г. в рамках VIII Международного фестиваля видеопэзии «Видеостихия» (Магнитогорск, МГТУ им. Г. И. Носова, центр визуальной культуры «Век» МБУК «ОГБ» г. Магнитогорска)

ББК ББК 83.011
УДК 82-293.7

*А. Н. Бородина¹,
ORCID: 0009-0002-3953-2218
Тюменский государственный университет
Тюмень, Тюменская обл., ул. Володарского, 6, 625003
www.anastasiya@mail.ru*

ВИДЕОКНИГА НА РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ КАК ФОРМА АДАПТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматривается видеокнига на русском жестовом языке как особая форма адаптации художественной литературы в условиях современной медиакультуры и развития инклюзивных практик. Предметом исследования является процесс адаптации классических художественных произведений при переходе от звуковой модальности к визуально-жестовой, а также специфика функционирования русского жестового языка в формате видеокнижки. Цель работы заключается в выявлении основных принципов и механизмов адаптации художественного текста на русский жестовый язык и определении роли видеокнижки как самостоятельного формата существования литературного произведения.

В результате исследования установлено, что визуальная

---

¹ Бородина Анастасия Николаевна, магистр, помощник директора института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия.

модальность и пространственная организация жестового языка обуславливают замену абстрактных и метафорических выражений на наглядные визуальные образы, а также усиливают интерпретационную роль переводчика-исполнителя. Выявлено, что жанровая специфика басни сохраняется за счет активного использования немануальных средств, актерской игры и особой организации жестового пространства.

Ключевые слова: русский жестовый язык, интерпретация, художественный перевод, басня, видеокнига

Введение. В условиях цифровизации культуры и расширения инклюзивных практик особую актуальность приобретает изучение новых форм существования художественного текста, ориентированных на аудиторию с особыми коммуникативными потребностями. Одним из таких форматов является видеокнига на русском жестовом языке, представляющая собой специфический медиажанр, основанный на визуальной модальности и жестовой коммуникации. Видеокниги позволяют обеспечить доступ к художественной литературе для глухих и слабослышащих читателей, а также открывают новые возможности интерпретации классических произведений.

Содержание художественного текста раскрывается разным читателям не в равной мере. Подлинно глубокое чтение, замечающее подтекст и самые тонкие оттенки смысла, обеспечивается подготовленностью читателя, художественными достоинствами текста и умением автора передать информацию в полной мере.

Таким образом, интерпретацию можно определить как освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности [1, 310].

В современном литературоведении помимо автора учитывается и вторая категория – читатель. В процессе интерпретации текста читатель может переосмыслить его содержание, опираясь на свой опыт. Это позволяет раскрыть в тексте глубинные, спящие смыслы, которые в полной мере могли не осознаваться автором. Но они могут воплощаться в тексте на неосознаваемом уровне. Смыслы могут дополнять друг друга, расширять авторский замысел или противоречить ему.

Русский жестовый язык является самостоятельной языковой системой, обладающей собственными лексическими, грамматическими и пространственно-визуальными средствами

выражения смысла.

Перевод художественного текста с русского звукового языка на русский жестовый язык требует не буквального воспроизведения исходного текста, а глубокой перекодировки, обусловленной различиями модальностей.

В отличие от линейной структуры звукового текста жестовый язык опирается на пространственные соотношения, мимику, направление движения и расположение участников коммуникации в жестовом пространстве, что неизбежно приводит к перестройке структуры произведения. В качестве примера можно привести видеокнигу «Чиж и голубь» (проект «Вижу смысл») по одноименной басне И. А. Крылова. В данной басне имеется несколько действующих лиц, которых в видеозаписи показывают два актера-переводчика [4].

Жестовым пространством считается пространство перед говорящим, связанное с его телом, т. е. корпоральное пространство, верхняя граница которого проходит немного выше головы, а нижняя – чуть ниже талии. Нейтральное (жестовое) пространство определяется как пространство фронтальной плоскости, в котором жест выполняется без контакта руки с телом (исключая контакт кистей рук между собой). В особую категорию выделяются жесты, выполняемые контактно или бесконтактно рука – голова (лицо) [5].

Особую сложность в этом контексте представляет адаптация художественной литературы, в частности, жанра басни, насыщенного метафорами, аллегорией и культурно обусловленными образами. При переводе таких текстов в формат видеокниги происходит замена абстрактных и метафорических выражений на более конкретные и наглядные визуальные конструкции, а также адаптация ритма и композиции произведения под особенности визуального восприятия.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении видеокниги на русском жестовом языке как формы адаптации художественной литературы. В качестве материала исследования используются видеокниги, созданные на основе басен И. А. Крылова в рамках социальных проектов для глухих и слабослышащих людей.

Основная часть. Видеокнига представляет собой особый формат репрезентации литературного произведения, в котором основным каналом передачи смысла становится визуальная модальность. В отличие от печатной книги, ориентированной на письменный текст, и аудиокниги, использующей звуковую форму речи, видеокнига опирается на видеоряд и визуально-кинетические средства выражения [6, 15]. Данный формат получает особое значение в контексте адаптации литературы для глухих и слабослышащих,

поскольку позволяет передавать художественный текст средствами русского жестового языка.

Исторически видеокнига формируется на пересечении литературной традиции, кинематографа и цифровых технологий. В зарубежной практике термин «videobook» используется для обозначения заранее записанных видеоматериалов, структурно соотносимых с книгой и предназначенных для последовательного или выборочного просмотра [10]. В российском контексте видеокнига рассматривается прежде всего как форма медиатекста, в котором литературное произведение адаптируется под запросы с учетом особенностей визуального восприятия и жестовой коммуникации.

В отличие от аудиокниги, сохраняющей линейность и последовательность звукового текста, видеокнига допускает иное структурирование материала. Пользователь может воспринимать видеоконтент в произвольном порядке, возвращаться к отдельным фрагментам, изменять скорость воспроизведения.

Особое место среди видеокниг занимают видеокниги на русском жестовом языке. Они ориентированы на аудиторию, для которой жестовый язык является основным средством коммуникации, и потому не могут рассматриваться как простое визуальное дублирование звукового текста. Видеокнига в данном случае выступает результатом сложной перекодировки литературного произведения, при которой изменяется не только форма подачи, но и внутренняя организация текста. Линейная структура звукового языка уступает место пространственно-визуальной организации смысла, характерной для жестового языка. Рассмотрение видеокниги в данном аспекте позволяет говорить о ней не только как о средстве перевода, но и как о форме адаптации художественной литературы, обусловленной спецификой визуальной модальности и жестового языка.

Русский жестовый язык относится к языкам визуальной модальности и принципиально отличается от звуковых языков каналом передачи информации и способом организации высказывания. Если в звуковых языках доминирует линейность, обусловленная последовательным развертыванием речи во времени, то в жестовом языке смысл формируется за счет пространственных, кинетических и визуальных параметров. Эти различия оказывают существенное влияние на процессы перевода и адаптации художественного текста.

Визуальная модальность предполагает одновременное использование нескольких выразительных средств: конфигурации и движения рук, ориентации ладоней, локализации жестов

в пространстве, а также немануальных компонентов – мимики, артикуляции, движений корпуса и направления взгляда [9, 266]. В результате художественный текст, адаптируемый для русского жестового языка, претерпевает структурные изменения, обусловленные необходимостью визуально-пространственной организации содержания.

При адаптации художественной литературы использование калькирующей жестовой речи оказывается недостаточным, поскольку она ориентирована на структуру звукового языка и не учитывает специфику жестового пространства [7, 29]. Именно поэтому при создании видеокниг на русском жестовом языке необходим переход к полноценной жестовой репрезентации текста.

Особое значение в процессе адаптации художественной литературы имеет ограниченность линейного текста при переводе в жестовую форму. Многие синтаксические конструкции, характерные для русского звукового языка, не имеют прямых эквивалентов в русском жестовом языке. В результате переводчик вынужден прибегать к трансформациям: упрощению синтаксиса, перераспределению смысловых акцентов, замене абстрактных понятий на наглядные визуальные образы. Эти изменения не свидетельствуют о потере художественного смысла, а отражают специфику функционирования жестового языка [8, 172].

Таким образом, русский жестовый язык выступает не только средством передачи художественного текста, но и фактором, определяющим характер его адаптации. Визуальная модальность, пространственная организация высказывания и активное использование немануальных компонентов формируют особую модель существования литературного произведения. В формате видеокнижки эти особенности реализуются наиболее полно, что позволяет рассматривать русский жестовый язык как фундаментальную основу адаптации художественной литературы для глухой и слабослышащей аудитории.

Адаптация художественного текста в формате видеокнижки на русском жестовом языке представляет собой сложный многоэтапный процесс, связанный с переходом от звуковой модальности к визуальной. В отличие от традиционного перевода, направленного на максимально точную передачу языковых единиц исходного текста, адаптация предполагает переосмысление структуры произведения с учетом особенностей восприятия, коммуникативных потребностей аудитории и выразительных возможностей жестового языка.

Лексико-грамматические трансформации являются неотъемлемой частью адаптации художественного текста. В русском жестовом языке отсутствует ряд грамматических категорий, характерных для звукового языка, что обуславливает необходимость замены вербальных средств визуально-пространственными [8, 160].

Особое внимание при адаптации уделяется передаче образности и выразительности художественного текста. В формате видеокниги значительную роль играют мимика и движение корпуса, которые позволяют компенсировать утрату звуковой интонации и ритма. Эти средства используются для передачи эмоционального состояния персонажей, авторской оценки и жанровых особенностей произведения. Эффект нравоучительной части басни передается при помощи актерской игры, например, в басне «Зеркало и обезьяна» переводчик ярко отображает мимику действующих персонажей («Что Климыч на руку нечист, все это знают; / Про взятки Климычу читают, / А он украдкою кивает на Петра») [2]. Таким образом, выразительность жестового исполнения становится одним из ключевых факторов успешной адаптации.

Важным элементом адаптации является работа с жанровой спецификой произведения. В случае басен, характеризующихся лаконичностью, аллегоричностью и нравоучительным характером, адаптация в формате видеокниги требует особого подхода. Сюжетные и образные элементы басни подаются в более наглядной форме, а нравоучительная часть может выделяться за счет визуальных и немануальных средств. Это позволяет сохранить жанровую функцию текста при смене модальности.

Практическая реализация видеокниг на русском жестовом языке демонстрирует, каким образом классическая художественная литература может существовать и функционировать в условиях визуальной модальности. На материале видеокниг, созданных на основе басен И. А. Крылова, отчетливо проявляются основные принципы адаптации литературного текста, обусловленные спецификой жанра и особенностями жестового языка.

В видеокнигах на русском жестовом языке повествование, как правило, выстраивается в более наглядной и развернутой форме по сравнению с исходным текстом. Персонажи и их действия размещаются в жестовом пространстве, что позволяет визуально обозначить взаимодействие между ними и логические связи внутри сюжета. Такая организация повествования способствует лучшему восприятию текста зрителями и компенсирует отсутствие звуковых средств выразительности.

Правоучительная часть басни в формате видеокниги часто выделяется особыми немануальными средствами: изменением мимики, замедлением темпа жестов, акцентированием взгляда. Данные приемы можно проследить в проекте «Вижу смысл». Сценарий видеоролика данного проекта состоит из трех частей. Первая часть, то есть зачин, актуализирует проблему, повторяющую сюжет басни. Басня «Зеркало и обезьяна» рассказывает о людях, которые обсуждают и осуждают других людей, не замечая те же пороки у себя. В основной части происходит рассказ басни на русском жестовом языке. В финале, то есть в третьей части, закрепляется главная мысль басни. На протяжении всего видеоролика можно проследить, как меняется манера передачи текста у переводчика во время исполнения роли бабушки в зачине или пересказе текста в финале. Активный переживающий за внушку персонаж меняется на беспристрастного рассказчика [3]. Эти приемы позволяют подчеркнуть дидактическую направленность текста и выполняют функцию, аналогичную авторскому комментарию или интонационным акцентам в звуковом языке. Таким образом, видеокнига не только сохраняет жанровую специфику басни, но и адаптирует ее выразительные средства к визуальной модальности.

Существенную роль в видеокнигах играет интерпретационная деятельность переводчика-исполнителя. В условиях жестового языка переводчик становится активным участником художественного процесса, так как именно от его решений зависит степень наглядности, ритмичности и выразительности текста. Можно провести сравнение социальных проектов «Вижу смысл» и «Звучи». Первый проект занимается созданием видеокниг, которые можно условно поделить на две части. В первой происходит описание сюжета басни на примере какой-либо бытовой ситуации, во второй переводчик рассказывает текст басни на русском жестовом языке. Во втором исследуемом проекте происходит рассказ текста басни без дополнительных сцен и кадров. За счет добавления вставной новеллы с экранизацией бытовой ситуации, подходящей к сюжету басни, проект «Вижу смысл» представляет собой «обучающий сериал», который параллельно объясняет глухим и слабослышащим зрителям значения слов и словосочетаний из литературных произведений, фразеологических оборотов, пословиц, поговорок, басен.

Анализ видеокниг по басням И. А. Крылова показывает, что данный формат позволяет сохранить смысловое и жанровое ядро классического произведения при одновременной трансформации его формы. Видеокнига на русском жестовом языке выступает

не как вторичная или упрощенная версия текста, а как особая форма его существования, ориентированная на визуальное восприятие и жестовую коммуникацию. В этом смысле видеокниги можно рассматривать как эффективную практику адаптации классической художественной литературы для глухой аудитории.

Таким образом, видеокниги на русском жестовом языке обеспечивают доступность классических произведений, сохраняют их художественный потенциал и одновременно формируют новые способы интерпретации текста в условиях визуальной модальности.

Заключение. Видеокнига не сводится к простому переводу звукового текста в визуальную форму, а представляет собой самостоятельный формат существования литературного произведения, сочетающий признаки медиатекста и художественной интерпретации. Рассмотрение процесса адаптации художественного текста в формате видеокниги позволило выявить основные трансформации, возникающие при смене модальности. К ним относятся структурная переработка текста, замена абстрактных и метафорических выражений на наглядные визуальные конструкции, а также усиление интерпретационной роли переводчика-исполнителя. Эти изменения не приводят к утрате художественного смысла, а отражают специфику функционирования жестового языка и визуального восприятия.

Анализ видеокниг на русском жестовом языке, созданных на основе басен И. А. Крылова, подтвердил, что данный формат является эффективной практикой адаптации классической художественной литературы. Видеокнига позволяет сохранить жанровое и смысловое ядро произведений, обеспечивая их доступность для глухой и слабослышащей аудитории и одновременно формируя новые способы интерпретации литературного текста.

Таким образом, видеокнига на русском жестовом языке может рассматриваться как значимая форма существования и адаптации художественной литературы в условиях современной медиакультуры.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса анализируемых произведений, сравнительным изучением различных проектов видеокниг и более детальным осмыслением их роли в системе литературной коммуникации.

Список источников

1. Адылова Ф. М. Интерпретация художественного текста // Молодой ученый. 2018. № 17 (203). С. 310–312. URL: <https://moluch.ru/archive/203/49655> (дата обращения: 18.01.2025).
2. Басня «Зеркало и обезьяна»: [литература на жестовом

языке] / в ролях: А. Варганова, Д. Ермакович; телеканал ТВ-3. Москва. 2022. Изображение: видео // [rutube.ru](https://rutube.ru/video/a731e5376a9d775cf73e0b7b22af230e/): сайт. 2025. URL: <https://rutube.ru/video/a731e5376a9d775cf73e0b7b22af230e/> (дата обращения: 29.09.2025).

3. Басня «Зеркало и обезьяна»: [обучающий сериал] / режиссер О. Шульгина; в ролях: И. Чак, Е. Бадмаев, Т. Бадмаев [и др.]; киностудия «Жираф». Санкт-Петербург. 2023. Изображение: видео // [rutube.ru](https://rutube.ru/video/32b5a57d82541ffb3c9ab15b749db142/): сайт. 2025. URL: <https://rutube.ru/video/32b5a57d82541ffb3c9ab15b749db142/> (дата обращения: 29.09.2025).

4. Басня «Чиж и голубь»: [обучающий сериал] / режиссер О. Шульгина; в ролях: М. Павлова, Е. Петренко, К. Пирогова [и др.]; киностудия «Жираф». Санкт-Петербург. 2023. Изображение: видео // [rutube.ru](https://rutube.ru/video/c27b7e19a6fdf1a7dbd62d51132b3d09/): сайт. – 2025. URL: <https://rutube.ru/video/c27b7e19a6fdf1a7dbd62d51132b3d09/> (дата обращения: 29.09.2025).

5. Борисова Л. В. Пространство в жестовых языках как лингвофилософская категория // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2017. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-v-zhestovyh-yazykah-kak-lingvofilosofskaya-kategoriya> (дата обращения: 18.01.2025).

6. Добросельский, В. В. Видеокнига – педагогический инструмент в самостоятельном обучении будущих менеджеров // Среднее профессиональное образование. 2017. №7. С. 15–16.

7. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Издательство ВЛАДОС, 2020. 192 с.

8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.

9. Харламенков А. Е. Русский жестовый язык: Начала: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство «Юрайт», 2022. 383 с.

10. VIDEO BOOK // PrintAVizion: official site. 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20200702192002/https://printavizion.com/products/video-books/> (date of request: 21.08.2024).

REFERENCES

1. Adylova F. M. Interpretation of a literary text // Young scientist. 2018. № 17 (203). Pp. 310-312. URL: <https://moluch.ru/archive/203/49655> (accessed 18.01.2025). (In Russ.)

2. The fable «The Mirror and the Monkey»: [literature

A. H. Borodina

in sign language] / starring: A. Varganova, D. Ermakovich; TV channel TV-3. Moscow. 2022. Image: video // rutube.ru: website. 2025. URL: <https://rutube.ru/video/a731e5376a9d775cf73e0b7b22af230e/> (accessed 29.09.2025). (In Russ.)

3. The fable «The Mirror and the Monkey»: [educational series] / directed by O. Shulgina; starring: I. Chak, E. Badmaev, T. Badmaev [and others.]; the Giraffe Film Studio. Saint Petersburg. 2023. Image: video // rutube.ru: website. – 2025. – URL: <https://rutube.ru/video/32b5a57d82541ffb3c9ab15b749db142/> (accessed 29.09.2025). (In Russ.)

4. The fable «The Finch and the Pigeon»: [educational series] / directed by O. Shulgina; starring: M. Pavlova, E. Petrenko, K. Pirogova [and others.]; the Giraffe Film Studio. Saint Petersburg. 2023. Image: video // rutube.ru: website. 2025. URL: <https://rutube.ru/video/c27b7e19a6fdf1a7dbd62d51132b3d09/> (accessed 29.09.2025). (In Russ.)

5. Borisova L. V. Space in sign languages as a linguistic and philosophical category // Economic and socio-humanitarian research. 2017. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-v-zhestovyh-yazykah-kak-lingvofilosofskaya-kategoriya> (accessed 18.01.2025). (In Russ.)

6. Dobroselsky V. V. A video book is a pedagogical tool in the independent training of future managers // Secondary vocational education. 2017. No. 7. Pp. 15-16. (In Russ.)

7. Zaitseva G. L. Sign language. Dactylogy: studies for students higher studies establishments. Moscow: VLADOS Publishing House, 2020. 192 p. (In Russ.)

8. Komissarov V. N. Theory of translation (linguistic aspects): textbook for in-tov and fac. foreign language. Moscow: Higher School, 1990. 253 p. (In Russ.)

9. Kharlamenkov, A. E. Russian sign language: Beginnings: a textbook for universities /4th ed., ispr. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 383 p. (In Russ.)

10. VIDEO BOOK // PrintAVizion: official site. 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20200702192002/https://printavizion.com/products/video-books/> (accessed 21.08.2024). (In Eng.)

**VIDEO BOOK IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE AS A FORM OF
ADAPTATION OF FICTION**

Anastasiya N. Borodina

Tyumen State University

(Tyumen, Russia)

Abstract

The article considers a video book in Russian sign language as a special form of adaptation of fiction in the context of modern media culture and the development of inclusive practices. The subject of the research is the process of adaptation of classical works of art during the transition from the sound modality to the visual-gestural one, as well as the specifics of the functioning of the Russian sign language in the video book format. The purpose of the work is to identify the basic principles and mechanisms of adaptation of a literary text into Russian sign language and to determine the role of a video book as an independent format for the existence of a literary work.

As a result of the study, it was found that the visual modality and spatial organization of the sign language determine the replacement of abstract and metaphorical expressions with visual images, as well as enhance the interpretative role of the translator-performer. It is revealed that the genre specificity of the fable is preserved due to the active use of non-visual means, acting and a special organization of gesture space.

Keywords: Russian sign language, interpretation, artistic translation, fable, video book

Для цитирования: Бородина А. Н. Видеокнига на русском жестовом языке как форма адаптации художественной литературы // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 97–107.

Поступила 10 января 2026

А. В. Толмачёв

ББК 87.80, 85.37, 83.3(0)
УДК 7.01:82-1, 7.01:7.038

А. В. Толмачёв¹

Российский православный университет

Св. Иоанна Богослова

127473, г. Москва, пер. Чернышевского, д. 11А, стр. 1

9409574@mail.ru

ВИДЕОПОЭЗИЯ КАК ФЕНОМЕН ЭСТЕТИКИ ТРОИЧНОЙ ГАРМОНИИ: ЗВУКА, ЦВЕТА, ДВИЖЕНИЯ

В статье рассматривается видеопозэзию как синтетическое искусство, оформляющее эстетику троичной гармонии звука, цвета и движения в контексте перехода от индустриального к информационному обществу. Показывается, что поэтический язык, соединяющий вербальные и невербальные формы, действует как внеартикулированный способ познания, соотносящийся с музыкальностью и орнаменталистикой. На материале идей Г. Джемаля о «внеартикулированном», концепции умозрительных моделей С. В. Савельева и эйдетической редукции (в трактовке В. Я. Берсневой) обосновывается сдвиг от когнитивных к инкогнито-технологиям, опирающимся на чувственное различие и работу бессознательного. Видеопозэзия интерпретируется как медиум, в котором информационные коды проявляются через триаду восприятия и формируют образность, способную влиять на личностное становление и коллективные представления о будущем. Подчеркивается роль орнаменталистских техник монтажа и цветодинамики как способов кодирования ритмов, коррелирующих с телесными инстинктами, душевными рефлексам и духовными устремлениями, а также этическая перспектива ответственности и «чистого сердца». Обсуждается идея троичности человека (тело, душа, дух; ср. А. П. Девятков) и волновой модели воздействия (амплитуда, частота, фаза), задающей параметры художественной композиции и этико-аксиологические ориентиры. Делается вывод, что в складывающейся эпистеме XXI века видеопозэзия интегрирует научные, мифологические и символические языки, обретая функцию интенсивного знания и инструмента смыслообразования,

---

¹ Толмачев Александр Васильевич, доктор юридических наук, магистр религиоведения, советник декана философско-богословского факультета, Российский православный университет Св. Иоанна Богослова, Москва, Россия.

где эстетическое переживание становится формой навигации в информационных потоках и способом улавливания «волны» эпохи.

Ключевые слова: видеопэзия; поэтический язык; троичная гармония; эйдетическая редукция; информационное общество.

Введение. Видеопэзия, как многие виды синтетических искусств, претерпевает подъем и упадок, следуя циклам общественных перемен и открывающимся возможностям собственной трансформации в связи с общественными запросами. Каковы же сегодня общественные эстетические запросы при меняющемся обществе, идущем от индустриального к информационному обществу? Запросы на ясность и осознанность, на мудрость и ориентиры вне материальных интересов, но вместе с духовными ценностями при осуществлении технологий личностного роста. Но на пути личностного роста с опорой на духовные ценности, сознание и мудрость становятся взаимоисключающими вещами, так как мудрость – это состояние всей полноты возможных состояний бытия, включая бытие в музыке и в поэзии.

Известный исламский теолог и философ Г. Джемаль говорил, что «мудрость пользуется внеартикулярными формами сообщения. Одной из наиболее явных и действенных форм является музыка. Музыка сообщает состояния, которые принадлежат мудрости. <...> Язык в обществе смешан с мудростью, он смешан с неартикулированным. Поэтому в человеческом творчестве постоянно проявляется эта смешанность в виде гимнов, песен, опер, где музыка смешивается со словами. В литературе это поэзия, которая борется с прозой, то есть поэзия – это вторжение неартикулированного, поэтического» [2, 67-68].

Поэтический язык связывает вербальные и невербальные средства человеческой коммуникации, а такие средства коммуникации связаны с разными способами познания мира человеком. Например, модное в искусствах XXI века (в литературе, поэзии, кино, музыке и пр.) явление ужасного и уродливого представляет некий особый невербальный коммуникативный язык инфернальных слоев Бытия. Но с его помощью возможно и познание таких инфернальных слоев. Мифологии и религии некоторых народов иногда используют такой инфернальный прозаический или поэтический язык.

Взгляд на научное познание мира предложил С. В. Савельев: «Мы создаем внутри мозга умозрительные модели мира и затем сравниваем их с реальностью. Если совпадения нет (а его нет никогда), то мы начинаем мучить окружающий мир до полного совпадения

с нашими иллюзиями» [3, 70]. О религиозном способе познания с советских времен нам было известно только то, что религия является инструментом изощренным средством обмана для достижения власти над малообразованным народом. Также обстоит дело и с мифологическим способом восприятия и познания мира. Общество XX века пользовалось, в основном, языком науки, который привел общество к языку машин и цифр, где смыслы вещей растворились в их количественном цифровом выражении.

Основная часть. Эпистема XXI века характеризует культурные образцы современности, включая цифровые технологии в науке, религии, мифологии, общественной жизни и в быту. Современные социально-исторические условия формируют знания о космосе, природе и человеке, соотносят не только профанный научный язык, внедренный в сознание людей предыдущего революционного XX века, но и синтез сакрального и мифологического символического языка с научным и бытовым языками человека, а также с проблесками внедряющихся в нас машинных языков. И в формирующейся эпистеме XXI века язык поэзии найдет собственное место: поэзия соединит в себе реальности разных миров, а потому язык поэзии может со временем преобразиться в язык молитвенный.

Отйти от критики искусственных грамматик языков, мешающих осознавать подлинные смыслы слов, поможет поэзия, которая становится уникальным внеартикулированным языком познания современного мира, в том числе соединяясь с внеартикулированным языком орнаменталистской видеопэзии.

Парфразируя слова моего учителя по орнаменталистской математике В. Я. Берсневой, можно сказать, что когда речь идет о специфическом мышлении поэта, то как и у «орнаменталиста», имеется в виду совершенно определенный тип мышления, основанный на духовной предрасположенности индивида, называемой эйдетической (она наблюдается главным образом у дикарей, детей и подростков). Заключается такая предрасположенность в своеобразной способности вчувствования, вхождения в отображаемый мир предметов. Феноменологическим явлением в этой системе мышления оказывается эйдетическая редукция. Путем эйдетической редукции из поля зрения исключаются все относящиеся к предмету иллюзорные, внешние характеристики, а объектом внимания становится лишь сущность предмета. Удивительно здесь то, что образы, рожденные непосредственным видением мира, идентичны крайним абстракциям рационального мышления» [3, 63].

При переходе от нашего индустриального общества к грядущему информационному обществу нужно опираться на технологии не когнитивные, а инкогнито с опорой на бессознательное. Бессознательное работает не через дар логических рассуждений в словах языка или числах математики, но через дар различения чувством: через зрение, слух и пр. Слух различает звуки и созвучия, а зрение различает цвет и фигуру. Окружающий мир и человек излучает информацию, передаваемую в звуках и цветах, а приемником такой чувственной информации служит то, что в культуре называется не умом, а сердцем. В доиндустриальном обществе в приоритете жизнедеятельности было вещество, в индустриальном обществе – энергия, а в формирующемся сегодня информационном обществе - информация.

Информация – это не набор оцифрованных больших данных, обрабатываемых искусственным интеллектом, а это то, что находится внутри форм знаний и коммуникаций, это коды алгоритмов принятия решений и управления поведением масс. Ключи от кодов находятся внутри людских тайников совести и чистого сердца. Мы можем, используя коды алгоритмов науки образности, из человеческого биологического индивидуума помочь сформироваться духовной личности. Личность рассматривается как индивидуальное выражение ценностей, идеалов, норм данного конкретного общества. Важнейшей характеристикой личности является ее нравственно-духовная сущность. Наука образности позволяет мысль ускорить и образами мыслить, создать живые образы-субстанции и управлять с их помощью сообществом людей. А это помогает строить образ будущего: глобальный мир на планете Земля, без угнетения, эксплуатации и войн, где все люди обрели себя, счастливы, целостны и обеспечены по справедливости за счет своих талантов, способностей, доброй воли, личной энергии и времени.

А. П. Девятков говорит: «Человек троичен в теле (инстинкты), душе (рефлексы) и духе (страсти). Тело нужно кормить, душу спасать для жизни вечной после смерти, а дух стяжать для титанических свершений. Тело живет инстинктами сытости и комфорта. Душа легко продается за щедрые воздаяния в мамоме, и только дух дышит, где хочет. Троичная гармония жизни начинается с тела. Как у нас в народе говорят, в здоровом теле – здоровый дух. Где тело, там материальные интересы личности, семьи, частной собственности, государства. Где дух, там нематериальные ценности культуры» [2, 50].

Заключение. Видеопоэзия как синтетическое искусство с легкостью может опираться на троичную эстетику троичного

человека (тело, душа, дух) информационного общества. В православии догмат веры троичен (Святая Троица), чувство правды проявляется в этике совести (волновой резонанс с Волной Неба). В исламе, где догмат веры монотеистичен, чувство правды (Сила Неба) различает чистое сердце. Воля Неба троична и приходит на землю в энергиях волн с параметрами: амплитуда, частота, фаза. На Небе полюсов нет. Поэтому Сила Неба на земле торжествует как поляризация волны. И эту волну способен уловить художник, создающий настоящую видеопэзию в эстетике троичной гармонии

Список источников

1. Береснева В. Я., Романова Н. В. Вопросы орнаментации ткани. Москва: Легкая индустрия, 1977. 192. иллюстрация.
2. Девятков А. П. Небополитика на марше, или Благовестование надежды. Москва: ИП Соколова А. А., 2023. 208 с.
3. Джемаль Г. Логика монотеизма: избранные лекции. Москва: Эксмо, 2021. 544 с.
4. Савельев С. В. Церебральный сортинг. Москва: ВЕДИ, 2018. 256 с.
5. Толмачёв А. В. Философия звука и цвета: К музыке небесных сфер через технологии инкогнито: сборник научных статей. Chisinau: YAM Publishing, 2025. 65 с.

REFERENCES

1. Beresneva V. Ya., Romanova N. V. Issues of Fabric Ornamentation. Moscow: Legkaya Industriya, 1977. 192 p. Illustrated.
2. Devyatov A. P. Skypolitics on the March, or the Announcement of Hope. Moscow: IP Sokolova A. A., 2023. 208 p.
3. Dzhemal G. The Logic of Monotheism: Selected Lectures. Moscow: Eksmo, 2021. 544 p.
4. Savelyev S. V. Cerebral Sorting. Moscow: VEDI, 2018. 256 p.
5. Tolmachev A. V. Philosophy of Sound and Color: Toward the Music of the Celestial Spheres through Incognito Technologies: A Collection of Scientific Articles. Chisinau: YAM Publishing, 2025. 65 p.

VIDEOPOETRY AS A PHENOMENON IN THE AESTHETICS OF TERNARY HARMONY: SOUND, COLOR, AND MOTION

Alexander V. Tolmachev

Russian Orthodox University of St. John the Theologian

Abstract

The article examines videopoetry as a synthetic art that articulates the aesthetics of ternary harmony-sound, color, and movement-amid

the transition from an industrial to an information society. It argues that the poetic language, which fuses verbal and nonverbal forms, functions as a non-articulated mode of knowing aligned with musicality and ornamentalist practice. Drawing on G. Djemal's notion of the "non-articulated," S. V. Saveliev's concept of conjectural world-models, and V. Ya. Beresneva's account of eidetic reduction, the study substantiates a shift from cognitive to incognito technologies that rely on sensuous discrimination and the work of the unconscious. Videopoetry is interpreted as a medium in which informational codes manifest through a triad of perception and shape imagery capable of influencing personal formation and collective visions of the future. The role of ornamental montage and chromodynamic design is highlighted as a means of encoding rhythms that correlate with bodily instincts, psychic reflexes, and spiritual aspirations, together with an ethical perspective grounded in responsibility and a "pure heart." The analysis engages the idea of human ternarity (body, soul, spirit; cf. A. P. Devyatov) and a wave-based model of influence (amplitude, frequency, phase) that informs compositional parameters and axiological orientation. The article concludes that, within the emergent episteme of the twenty-first century, videopoetry integrates scientific, mythic, and symbolic languages, assuming the function of intensive knowledge and sense-making, whereby aesthetic experience becomes a navigational tool in informational flows and a means of catching the "wave" of the epoch.

Keywords: videopoetry; poetic language; ternary harmony; eidetic reduction; information society

Для цитирования: Толмачёв А. В. Видеопоззия как феномен эстетики троичной гармонии: звука, цвета, движения // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 108–113.

Поступила 26 ноября 2025

М. В. Юдина, В. В. Цуркан

ББК 87.8 + 83.3(0)

УДК 7.01:1

М. В. Юдина¹

ORCID: 0009-0008-5643-7005

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
mari.yudina.04@inbox.ru*

В. В. Цуркан²

ORCID: 0000-0002-0096-960X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
veravis2013@yandex.ru*

ФЕНОМЕН ПРЕВРАЩЕННЫХ ФОРМ В СЕРИАЛЕ «ВОЛЧОНОК»: ОТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО АРХЕТИПА К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МЕТАФОРЕ

Настоящее исследование посвящено анализу образной системы американского телесериала «Волчонок» (Teen Wolf, 2011-2017) через призму философской концепции превращенных форм, разработанной М. К. Мамардашвили. Актуальность работы обусловлена растущим интересом современной гуманитаристики к исследованию массовой культуры как поля репрезентации и трансформации фундаментальных философских и антропологических проблем. Предметом исследования являются процессы внутренней и внешней трансформации ключевых персонажей сериала, рассматриваемых в качестве примера динамических превращенных форм. Цель работы – выявить и систематизировать виды и функции превращенных форм в сериале, демонстрируя, как мифологический архетип оборотня становится многомерной метафорой социокультурных и экзистенциальных процессов. Методология исследования основана на сопоставительном анализе, позволяющем рассмотреть сериал как целостный текст,

---

¹ Юдина Мария Викторовна, студент-филолог, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

обладающий внутренней философской логикой. Научная новизна заключается в попытке применения теории М. К. Мамардашвили к материалу современного телевизионного сериала, что открывает новые перспективы для развития медиафилософии. Данная концепция уже рассматривалась в работах таких исследователей, как Г. Т. Гарипова и др., однако рассмотрение её в рамках сериала до этого момента не происходило. Изучив специфику системы образов телевизионного произведения, автор приходит к выводу о том, что внешние сверхъестественные метаморфозы персонажей являются проекцией как внутренних процессов становления личности, так и формирования коллективной памяти. Значимость исследования состоит в углублении понимания механизмов ремифологизации в современной массовой культуре, в демонстрации эвристического потенциала философских концептов при анализе медийных продуктов.

Ключевые слова: превращенные формы, М. К. Мамардашвили, «Волчонок», Teen Wolf, медиафилософия, оборотень, мифология, идентичность, сообщество, память

Концепция «превращенных форм», разработанная М. Мамардашвили, описывает процесс, в результате которого исходное содержание, функция или отношение изменённого объекта к первоначальному принимают иной, часто отчужденный и символически закодированный вид [6, 45]. Эти формы не являются простой иллюзией; они обладают собственной, подчас принудительной реальностью, определяющей сознание и поведение человека. Как отмечал философ, превращенные формы – это «особого рода символические структуры, которые, будучи продуктами человеческой деятельности, становятся внешними, принудительными силами по отношению к нему» [6, 48]. Данная концепция, изначально применявшаяся к анализу социальных и экономических феноменов (например, товарного фетишизма у К. Маркса), оказывается чрезвычайно продуктивной для анализа продуктов массовой культуры, которые сами по себе являются сложными превращенными формами коллективных бессознательных процессов.

Телесериал «Волчонок», будучи внешне типичным образцом жанра подростковой фэнтези-драмы, предлагает богатейший материал для такого анализа. Его центральная метафора – оборотничество – изначально является архетипической превращенной формой, символизирующей двойственность природы, скрытое насилие (внутриличностное и между представителями разных видов) и инициацию как превращение части в целое (так, внутренне

потерянный человек находит своё истинное «я», отщепенец находит своё место в обществе и тд.). Сериал последовательно усложняет и множит эти превращения, перемещая фокус с внешней телесной метаморфозы на внутренние трансформации личности и социальные связи. Цель данной статьи – проследить, как в сериале разворачивается диалектика внешних и внутренних превращенных форм на примере ключевых персонажей: Скотта МакКолла, Дерек Хейла, Лидии Мартин, Стайлза Сталински, а также проанализировать метаморфозу сериала как целого.

Исходное превращение Скотта МакКолла – из обычного подростка в бета-оборотня – представляет собой классический пример внешней, навязанной метаморфозы, напрямую следующей мифологическому канону. Оборотень (ликантроп) – один из древнейших архетипов в общемировой мифологии [4, 67]. Он воплощает конфликт между человеческим и животным началом, цивилизацией и дикостью, сознанием и бессознательным [9, 145]. В фольклоре превращение часто связано с проклятием, насилием и утратой контроля. В сериале это «превращенная форма» травмы и клеймо чужеродной силы [1, 112]. Однако суть арки Скотта заключается в сознательном преодолении исходного архетипа. Герой отвергает традиционную для мифа логику альфа-самца, основанную на доминировании и силе, и стремится стать Альфой нового типа. Альфа-оборотень в сериале – это прямая отсылка к иерархии волчьей стаи. В мифологическом сюжете Альфа становится прообразом Вождя, Сильного Лидера, чья власть основана на силе и доминировании, приближаясь к архетипу Тирана или Ужасного Отца [10, 98]. Его эволюция в «истинного Альфу» знаменует процесс вызревания новой превращенной формы, в которой внешний статус лидера оказывается символическим выражением внутренних этических принципов героя. Он не завоевывает стаю, а собирает ее, трансформируя архетип Вожака-Воителя в архетип Царя-Философа или Хорошего Отца [4, 215]. Отныне сила стаи рождается не из страха, а из доверия, что переворачивает традиционную для жанра фэнтези иерархию. Таким образом, Скотт проходит путь от пассивного носителя превращенной формы (оборотня-беты) к активному выразителю новой символической структуры (Альфе-объединителю), что соответствует мысли М. Мамардашвили о возможности сознательного преобразования превращенных форм [6, 52].

Арка Дерек Хейла демонстрирует метаморфозу, обратную скоттовской. Скотт восходит от индивида к лидеру, а Дерек, изначально представленный как трагический Альфа-одиночка

(архетип Изгнанника или Ронина), демонстрирует путь ресоциализации. Его первоначальное состояние – это превращенная форма, связанная с травмой потери семьи и травмой предательства. Стая для него в первую очередь – это инструмент выживания. Взаимодействуя со Скоттом и его группой, Дерек постепенно превращает свою «одионочь» сущность в «командную». Его финальная трансформация в полноценного волка и последующее возвращение к человеческому облику символизируют обретение целостности через принятие ответственности за других. Внешняя метаморфоза знаменует внутреннее исцеление и возвращение в сообщество.

Лидия Мартин – уникальный пример поступательного раскрытия превращенной формы. Из банальной «королевы школы» она превращается в банши. Термином «банши», заимствованным из ирландского фольклора, называют «женщину из сидов», духа-плакальщицу, чей крик предвещает смерть [5, 211]. Ее образ является превращенной формой коллективного страха перед смертью, а также коррелирует с архетипом Вечной Женственности в ее трагическом, хтоническом аспекте (ср. с Юнгом [10, 156]). Превращение Лидии не одномоментно, а инкубируется как латентная часть ее идентичности – её интеллект, чувствительность и истеричность оказываются ранними проявлениями дара [3, 95]. Сериал переосмысливает исходный миф: банши Лидии – это не просто пассивный вестник смерти, а активная сила, способная управлять своим даром и противостоять року. Её арка – это процесс познания и принятия своей «инаковости», благодаря чему древний архетип плакальщицы сублимируется в архетип Провидицы и Защитницы.

Наиболее сложный и философски насыщенный пример превращенной формы связан со Стайлзом Сталински. Будучи единственным главным героем без врожденных или приобретенных сверхспособностей, он изначально занимает позицию «человека разумного». Однако в сюжетной линии с Нагицуне его разум становится уязвимым местом. Нагицуне (Пустотел) – дух-оборотень, принадлежащий японской мифологии, традиционно изображаемый как хитрый барсук или лис (кицунэ), способный принимать облик человека и питающийся хаосом и раздором [7, 88]. Его сущность – это превращенная форма таких человеческих качеств, как хитрость, коварство и манипуляция, доведенных до уровня сверхъестественной силы. Проникновение духа-оборотня можно трактовать как превращенную форму свойственных Стайлзу страхов, травм и гипертрофированного рационализма [4, 134]. Под влиянием

манипуляций Нагицуне ум Стайлза превращается в орудие хаоса. В сюжете 6-го сезона («Охота») Стайлз не только исчезает физически, но и стирается из памяти всех, кто его знал.

Сюжетная линия Стайлза становится яркой иллюстрацией тезиса М. Мамардашвили о том, что превращенные формы обладают собственной, независимой от индивида реальностью [6, 50]. Мир без Стайлза – это мир, лишенный логики, эмоционального стержня, доказывающий, что «человеческая» сущность героя была элементом, скреплявшим символическую структуру всего сообщества. Его возвращение – это не только восстановление памяти, но и возвращение реальности в ее подлинной, неискаженной форме.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сериал «Волчонок» представляет собой сложную систему динамических превращенных форм, укорененных в мифологическом субстрате. От исходной, базовой метафоры физического оборотничества сериал эволюционирует к исследованию превращений социальных (становление стаи), психологических (обретение и принятие дара) и онтологических (кризис памяти и реальности).

Превращения персонажей в сериале глубоко индивидуальны: Скотт олицетворяет этическое преодоление и пересоздание архетипа Альфы. Дерек – превращение архетипа Изгнанника в коммуникативного члена сообщества. Лидия – сублимацию архетипа банши из пассивного вестника в активную провидицу. Стайлз демонстрирует предельный случай, когда сама структура реальности оказывается превращенной формой, зависимой от присутствия/отсутствия «человеческого» элемента, борющегося с архетипическим хаосом Нагицуне.

Таким образом, сериал, начавшись как история становления подростка-оборотня, трансформируется в притчу о природе идентичности, феномене сообщества и памяти. Он наглядно показывает, что превращенные формы – это не статичные символы, а живые процессы взаимодействия с архетипами, в которых происходит непрерывное становление человека и его мира. Использование концептуального аппарата М. Мамардашвили не только позволяет выявить скрытые смысловые пласты популярного медиатекста, но и подтверждает универсальность и эвристическую мощь его философии для анализа актуальных культурных феноменов.

Список источников

1. Апинян Т. А. Мифология: Учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. 256 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. Москва: Издательство Трансперсонального Института, 1993. – 504 с.
4. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Москва: Рефл-бук, Ваклер, 1997. 384 с.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
6. Мамардашвили М. К. Превращенные формы // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. Москва: Прогресс, 1990. С. 45–65.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. 364 с.
8. Тэрнер В. Символ и ритуал. Москва: Наука, 1983. 277 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва: АСТ, 2004. 635 с.
10. Юнг К. Г. Архетип и символ. Москва: Ренессанс, 1991. 304 с.
11. Abbott, S. Celluloid Vampires and Teen Wolves: The American Movie Monster and the Teenage Film // *The Gothic in Children's Literature: Haunting the Borders*. New York: Routledge, 2008. Pp. 154–169.
12. Baird, R. The Body of the Alpha Werewolf // *Monsters and the Monstrous: Myths and Metaphors of Enduring Evil*. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2011. Pp. 23–34.
13. Green, S. Pack Mentality: The Construction of Community in Teen Wolf // *Journal of Popular Television*. 2015. Vol. 3, № 2. Pp. 213–229.
14. Heit, J. *The Mythology of Teen Wolf: Essays on the TV Series*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2018. 245 p.
15. Mittell, J. *Complex TV: The Poetics of Contemporary Television Storytelling*. New York: NYU Press, 2015. 402 p.
16. Ndalians, A. *The Horror Sensorium: Media and the Senses*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2012. 228 p.

17. Packer, J. *Monstrous Metamorphoses: The Nature of the Werewolf in Teen Wolf // Monsters in the Classroom: Essays on Teaching What Scares Us*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2017. Pp. 178–194.

REFERENCES

1. Apinyan, T. A. *Mythology: A Textbook*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2010. 256 p. (In Russ.)

2. Bakhtin, M. M. *Issues of Literature and Esthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 504 p. (In Russ.)

3. Grof, S. *Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy*. Moscow: Transpersonal Institute Publishing House, 1993. 504 p. (In Russ.)

4. Campbell, J. *The Hero with a Thousand Faces*. Moscow: Replibook, Wackler, 1997. 384 p. (In Russ.)

5. Levi-Strauss, K. *Structural Anthropology*. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 512 p. (In Russ.)

6. Mamardashvili, M.K. *Transformed Forms*. Moscow: Progress, 1990. Pp. 45–65. (In Russ.)

7. Propp, V. Ya. *Historical Roots of the Fairy Tale*. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1986. 364 p. (In Russ.)

8. Turner, W. *Symbol and Ritual*. Moscow: Nauka, 1983. 277 p. (In Russ.)

9. Fromm, E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow: AST, 2004. 635 p. (In Russ.)

10. Jung, K.G. *Archetype and Symbol*. Moscow: Renessans, 1991. 304 p. (In Russ.)

11. Abbott, S. *Celluloid Vampires and Teen Wolves: The American Movie Monster and the Teenage Film // The Gothic in Children's Literature: Haunting the Borders*. New York: Routledge, 2008. Pp. 154–169. (In Eng.)

12. Baird, R. *The Body of the Alpha Werewolf // Monsters and the Monstrous: Myths and Metaphors of Enduring Evil*. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2011. Pp. 23–34. (In Eng.)

13. Green, S. *Pack Mentality: The Construction of Community in Teen Wolf // Journal of Popular Television*. 2015. Vol. 3, № 2. Pp. 213–229. (In Eng.)

14. Heit, J. *The Mythology of Teen Wolf: Essays on the TV Series*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2018. 245 p. (In Eng.)

15. Mittell, J. *Complex TV: The Poetics of Contemporary Television Storytelling*. New York: NYU Press, 2015. 402 p. (In Eng.)

16. 16. Ndalianis, A. *The Horror Sensorium: Media and the Senses*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2012. 228 p. (In Eng.)

17. 17. Packer, J. *Monstrous Metamorphoses: The Nature of the Werewolf in Teen Wolf // Monsters in the Classroom: Essays on Teaching What Scares Us*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2017. Pp. 178–194. (In Eng.)

**THE PHENOMENON OF TRANSGURED FORMS
IN THE SERIES TEEN WOLF: FROM MYTHOLOGICAL
ARCHETYPE TO SOCIOCULTURAL METAPHOR**

Maria V. Yudina

Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Veronika V. Tsurkan

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Nosov
Magnitogorsk State Technical University

Abstract

This study analyzes the imagistic system of the American TV series “Teen Wolf” (2011–2017 from the perspective of M. K. Mamardashvili’s philosophical concept of transfigured forms (prevrashchennyye formy). The relevance of the work is determined by the growing interest within contemporary humanities in popular culture as a field for representing and transforming fundamental philosophical and anthropological issues. The object of inquiry is the processes of internal and external transformation of the series’ key characters, examined as instances of dynamic transfigured forms. The aim is to identify and systematize the types and functions of such forms in the series, demonstrating how the mythological archetype of the werewolf becomes a multidimensional metaphor for sociocultural and existential processes. The methodology is based on comparative analysis, allowing the series to be treated as a coherent text with its own internal philosophical logic. The scholarly novelty lies in the attempt to apply Mamardashvili’s theory to the material of a contemporary television series, opening new prospects for the development of media philosophy. While this concept has been addressed by researchers such as G. T. Garipova and others, it has not previously been examined within the framework of this series. Having studied the specificity of the show’s system of images, the author concludes that the characters’ external supernatural metamorphoses project both the inner processes of personal becoming and the formation of collective memory. The significance of the study consists in deepening our understanding of the mechanisms of remythologization in contemporary

М. В. Юдина, В. В. Цуркан

popular culture and in demonstrating the heuristic potential of philosophical concepts for analyzing media products.

Keywords: transfigured forms, M. K. Mamardashvili, Teen Wolf, media philosophy, werewolf, mythology, identity, community, memory

Для цитирования: Юдина М. В., Цуркан В. В. Феномен превращенных форм в сериале «Волчонок»: от мифологического архетипа к социокультурной метафоре // *Libri Magistri*. 2026. № 1 (35). С. 114–122.

Поступила в редакцию 12.12.2025

ББК ШЗЗ(2Р=Рус)1-8+ЩЗ43.5
УДК 821.161.1.09:004.5

М. В. Юдина¹

ORCID: 0009-0008-5643-7005

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова*
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
mari.yudina.04@inbox.ru

В. В. Цуркан²

ORCID: 0000-0002-0096-960X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова*
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
veravis2013@yandex.ru

ГУМАНИЗМ В ВИДЕОПОЭЗИИ: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (А. А. ФЕТ, Г. ГЕЙНЕ)

Статья посвящена исследованию специфики репрезентации гуманистических ценностей в таком актуальном явлении цифровой культуры, как видеопэзия. Актуальность работы обусловлена стремительным развитием интермедиальных художественных практик и необходимостью филологической рефлексии над трансформацией классического литературного наследия в новых медийных форматах. Предметом исследования выступают две работы – «Не сетуй ты» Кирилла Авдонина на стихи А. А. Фета и «Отчего» Романа Синицких и Данила Трухина на стихи Г. Гейне. Целью является выявление того, как комплекс аудиовизуальных средств (видеоряд, монтаж, звук, работа с цветом) актуализирует и переосмысляет гуманистический потенциал классических поэтических текстов, выводя его в плоскость экзистенциальных проблем современного человека. Методологическую основу составляет интермедиальный анализ, позволяющий рассмотреть взаимодействие вербального, визуального и аудиального кодов в формировании целостного художественного

---

¹ Юдина Мария Викторовна, студент-филолог, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

М. В. Юдина, В. В. Цуркан

высказывания. Дополнительно применяются методы нарративного анализа, сравнительного подхода и герменевтики. В результате исследования установлено, что видеопэзия не является простой иллюстрацией к тексту, но создает самостоятельную интерпретацию, где гуманизм проявляется не в абстрактных лозунгах, а в конкретных, узнаваемых человеческих ситуациях. В работе на стихи Фета гуманистический пафос смещается с пантеистического приятия мира на проблему человеческого выбора перед лицом неотвратимой Смерти, где ключевым становится акт милосердия и отказа от фатализма. В интерпретации стихотворения Гейне гуманизм раскрывается через тонкую психологизацию и контраст между ярким миром памяти и серой реальностью одиночества, что вызывает глубокое сочувствие к персонажам. Научная новизна работы заключается в первом детальном интермедиальном анализе конкретных работ видеопэзии, рассмотренных в аспекте преемственности и трансформации гуманистических идей. Результаты исследования могут быть применены в теории и истории литературы, интермедиальных исследованиях, при разработке учебных курсов по современной цифровой культуре и медиапоэтике.

Ключевые слова: видеопэзия, интермедиальность, гуманизм, А. А. Фет, Г. Гейне, визуальный образ, цифровая филология, экзистенциальные темы, медиаадаптация

Введение. Современная культурная парадигма характеризуется активным взаимодействием и синтезом различных видов искусств, среди которых особое место занимает видеопэзия. Этот жанр, существующий на стыке литературы, кинематографа и цифровых технологий, представляет собой плодотворное поле для филологического исследования, поскольку заставляет по-новому взглянуть на природу поэтического слова и его восприятия [11, 45]. Одной из сквозных тем, пронизывающих как классическую, так и современную поэзию, является тема гуманизма – системы воззрений, признающей ценность человека как личности, его право на свободу, счастье и развитие. Однако в условиях цифровой эпохи и меняющихся медиаформатов меняются и способы репрезентации гуманистических идеалов.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как вечные гуманистические ценности транслируются и переосмысляются в новых художественных практиках. Научная литература уже обратилась к феномену видеопэзии в работах таких авторов, как Н. Федорова [12],

Р. Кружкин [8] и другие, однако аспект гуманизма, раскрывающийся через интермедиаальный синтез в конкретных видеоработах, изучен недостаточно.

Целью настоящей статьи является анализ того, как с помощью специфических средств видеопэзии (видеоряд, монтаж, цвет, звук) актуализируется и углубляется гуманистический дискурс классических поэтических текстов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) проанализировать исходные поэтические тексты А. А. Фета и Г. Гейне в гуманистическом ключе; 2) выявить ключевые визуальные и аудиальные стратегии в их экранных интерпретациях; 3) определить, как взаимодействие слова и изображения рождает новое гуманистическое содержание.

Материалом исследования послужили две конкурсные работы: «Не сетуй ты» Кирилла Авдонина (г. Курск) и «Отчего» Романа Синицких и Данила Трухина (г. Магнитогорск).

Основная часть. Видеопэзию правомерно рассматривать как форму интермедиаального искусства, где вербальный компонент (стихотворение) вступает в сложные отношения с компонентом визуальным и аудиальным [5, 102]. По определению Н. Федоровой, это «жанр медиаискусства, в котором поэтический текст и движущееся изображение образуют нераздельное единство, обладающее синергетическим эффектом» [12, 17]. В таком синтезе рождается новый смысл, не сводимый к простой сумме составляющих.

Гуманизм в контексте нашего исследования понимается не как абстрактная философская категория, а как художественная доминанта, проявляющаяся в сосредоточении на внутреннем мире человека, его экзистенциальных переживаниях, моральном выборе, страданиях и радостях. Это «эстетика человеческого» [2, 88], которая может выражаться как в прямом утверждении ценности жизни, так и в глубоком сопереживании драме отдельной личности.

Стихотворение А. А. Фета «Не сетуй ты, что перед нами...» в своем оригинальном виде представляет собой философское размышление о бренности бытия и приятии естественного хода вещей. Лирический герой призывает не роптать на то, что «жизни дольней нить коротка», и находить утешение в вечной красоте природы. Это стоический, пантеистический гуманизм, растворенный в мироздании.

Видеоряд Кирилла Авдонина совершает радикальный сдвиг в интерпретации. Он персонифицирует абстрактную «смертность» в образе Смерти – мужчины в черном костюме с красными глазами. Это сразу драматизирует текст, переводя его из плана созерцательной

философии в план конкретной человеческой драмы. Гуманизм здесь проявляется не в приятии, а в конфронтации с неотвратимым.

Ключевым видеоприемом становится повествовательный монтаж, выстраивающий несколько мини-новелл о внезапной смерти. Сцены убийства девушки, бытового конфликта с ножом, автомобильной аварии – все это рисует мир, где человеческая жизнь хрупка и прерывается насильственно. Драматичная, напрягающая музыка и темная цветовая гамма усиливают ощущение трагизма. Однако кульминацией и главным гуманистическим актом становится финальная сцена с мальчиком в больнице. В тот момент, когда мальчик, вернувшись к жизни, смотрит на Смерть и «мотает головой», а та, в свою очередь, закрывает глаза и уходит, происходит перелом. Это акт свободной воли и милосердия. Смерть, будучи безличным механизмом (олицетворением которого являются часы), проявляет неожиданную гуманность, отступая перед волей к жизни. Таким образом, видеопозия перетолковывает фатализм Фета в историю о возможности выбора, о милосердии, которое может смягчить даже самый жесткий закон. Гуманизм здесь – это торжество человеческого духа над бездушной схемой.

Стихотворение Генриха Гейне «Отчего поблекли розы...» в переводе представляет собой классический романтический вопрос о увядании красоты и любви. Это лирическая миниатюра, сфокусированная на одном эмоциональном состоянии – печали от утраты.

Работа Синицких и Трухина расширяет этот лирический сюжет до масштабов полноценной жизненной драмы. Они создают сложную нарративную структуру, где настоящее и прошлое противопоставлены не только через сюжет, но и через цветокоррекцию. Реальность, в которой пожилой отец покидает свой дом, подана в приглушенных, почти монохромных тонах, что визуально передает его эмоциональное состояние – угасание, потерю красок жизни. Воспоминания же, напротив, ярки, насыщены цветом и светом, имеют эффект зернистости, придающий им теплоту и ностальгическую ценность.

Этот визуальный контраст – мощный инструмент гуманизации персонажей. Мы не просто слышим грустные стихи старческим голосом, мы видим содержание его памяти, его утраченное счастье. Гуманизм здесь проявляется в глубокой психологизации и сочувствии. Авторы видеопозии показывают, что трагедия старости – не только в физической слабости, но и в разрыве между богатым внутренним миром, наполненным любовью, и бедной, одинокой внешней реальностью.

Важным гуманистическим жестом является и показ точки зрения дочери. Ее рыдания на асфальте у дома престарелых снимают с нее возможный образ черствой родственницы, раскрывая всю сложность и боль ее решения. Видеопоэзия таким образом создает полифонию страдания, показывая драму с двух сторон, что углубляет сочувствие зрителя и делает гуманистическое высказывание более объемным и жизненным.

Проведенный анализ позволяет выявить две различные стратегии репрезентации гуманизма в видеопоэзии. Экзистенциально-драматическая стратегия в «Не сетуй ты» утверждает гуманизм через конфликт, преодоление и акт воли. Он носит более универсальный, философский характер, апеллируя к фундаментальным вопросам жизни и смерти. Ключевые приемы: повествовательный монтаж, создание аллегорического образа (Смерть), контраст между безличным механизмом (часы) и человеческим жестом (отступление).

Психолого-лирическая стратегия в «Отчего» показывает гуманизм через эмпатию, погружение во внутренний мир и тонкую нюансировку эмоций. Он более камерен, психологичен и социально ориентирован. Ключевые приемы: цветокоррекция как способ передачи психологического состояния, техника «memory flashback» (вспышки памяти), полифоничность повествования.

Объединяет обе работы то, что они используют специфические средства киноязыка не для иллюстрации, а для перевода гуманистического пафоса поэзии на язык современных визуальных кодов, делая его более доступным и пронзительным для современного зрителя.

В результате исследования было установлено, что видеопоэзия является мощным инструментом для актуализации и переосмысления гуманистического дискурса, заложенного в классических поэтических текстах. Анализ двух работ показал, что интермедиаальный синтез слова и изображения позволяет раскрыть новые грани гуманизма.

В работе «Не сетуй ты» на стихи А. А. Фета гуманизм из стоического приятия природного порядка трансформируется в драму личного выбора и милосердия, где даже безличная сила может отступить перед волей к жизни. В работе «Отчего» на стихи Г. Гейне лаконичная лирическая грусть превращается в глубокую социально-психологическую драму о старости и памяти, где визуальный контраст между прошлым и настоящим служит инструментом вызывания глубокого сочувствия.

Обе анализируемые видеопоэмы демонстрируют, что гуманизм в цифровую эпоху не утрачивает своей значимости, но меняет формы

репрезентации, становясь более визуализированным, нарративизированным и ориентированным на конкретные, узнаваемые человеческие ситуации. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении корпуса анализируемых работ, а также в более детальном изучении влияния конкретных кинотехник (ракурс, движение камеры, звуковой дизайн) на восприятие гуманистического содержания поэтического текста.

Список источников

1. Аристархова А. А. Видеопоэзия как феномен интермедиальности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 3. С. 45-59.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 7-68.
3. Блум Х. Страх влияния. Теория поэзии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 352 с.
4. Гейне Г. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 2015. Т. 1. Стихотворения. 350 с.
5. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. Москва: Наука, 1994. 428 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
8. Кружкин Р. В. Поэзия в эпоху новых медиа: трансформации и перспективы // Вопросы литературы. 2019. № 5. С. 78-95.
9. Махов А. Е. Интермедиальность: теория и история // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 15-34.
10. Роднянская И. Б. Гуманизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва: НП К «Интелвак», 2001. С. 186-188.
11. Савушкина Н. В. Цифровая литература: проблемы и методы исследования // Новый филологический вестник. 2021. № 2(57). С. 120-135.
12. Федорова Н. А. Цифровая филология: проблема метода // Новый филологический вестник. 2019. № 4(51). С. 12-25.
13. Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1959. 810 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
14. Эко У. Открытое произведение. Москва: АСТ, 2020. 480 с.

15. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. Москва: Высшая школа, 2005. 495 с.

REFERENCES

1. Aristarkhova A. A. Videopoetry as a Phenomenon of Intermediality // Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 2020. No. 3. Pp. 45-59. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. Toward a Philosophy of Action // Collected Works: in 7 volumes. Moscow: Russkie slovari, 2003. Vol. 1. Pp. 7-68. (In Russ.)
3. Bloom H. Fear of Influence. A Theory of Poetry. Yekaterinburg: Ural University Press, 2018. 352 p. (In Russ.)
4. Heine G. Collected Works: in 6 volumes. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 2015. Vol. 1. Poems. 350 p. (In Russ.)
5. Zholkovsky A. K. Wandering Dreams and Other Works. Moscow: Nauka, 1994. 428 p. (In Russ.)
6. Lotman Yu. M. Semiosphere. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)
7. Lotman Yu. M. Structure of the Fictional Text. Moscow: Iskusstvo, 1970. 384 p. (In Russ.)
8. Kruzhkin R. V. Poetry in the Age of New Media: Transformations and Prospects // Voprosy literatury. 2019. No. 5. Pp. 78-95. (In Russ.)
9. Makhov A. E. Intermediality: Theory and History // Criticism and Semiotics. 2015. No. 2. Pp. 15-34. (In Russ.)
10. Rodnyanskaya I. B. Humanism // Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Moscow: NPK "Intelvak", 2001. Pp. 186-188. (In Russ.)
11. Savushkina N. V. Digital Literature: Problems and Methods of Research // New Philological Bulletin. 2021. No. 2 (57). Pp. 120-135. (In Russ.)
12. Fedorova N. A. Digital Philology: The Problem of Method // New Philological Bulletin. 2019. No. 4 (51). Pp. 12-25. (In Russ.)
13. Fet A. A. Complete Collection of Poems. Leningrad: Sovetsky Pisatel, 1959. 810 pp. (Poet's Library. Large Series). (In Russ.)
14. Eco U. Open Work. Moscow: AST, 2020. 480 p. (In Russ.)
15. Epstein M. N. Postmodernism in Russian Literature. Moscow: Vysshaya shkola, 2005. 495 p. (In Russ.)

**HUMANISM IN VIDEO POETRY:
AN INTERMEDIATE ANALYSIS (A. FET, G. HEINE)**

Maria V. Yudina

Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Veronika V. Tsurkan

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Nosov
Magnitogorsk State Technical University

Abstract

The article investigates how humanistic values are represented in videopoetry, a salient phenomenon of digital culture. Its relevance stems from the rapid growth of intermedial artistic practices and the need for philological reflection on the transformation of the classical literary heritage within new media formats. The study focuses on two works: Kirill Avdonin's "Do Not Lament" ("Ne setui ty") based on verses by A. Fet, as well as Roman Sinitsky and Danila Trukhin's "Why" ("Otchego") based on verses by H. Heine. The aim is to determine how a complex of audiovisual means (image, editing, sound, color) actualizes and reinterprets the humanistic potential of classic poetic texts, projecting it onto the plane of contemporary existential concerns. Methodologically, the article employs intermedial analysis to examine the interplay of verbal, visual, and aural codes in forming a cohesive artistic statement, complemented by narrative analysis, comparative approaches, and hermeneutics. The findings show that videopoetry is not a mere illustration of the text but produces an autonomous interpretation in which humanism emerges not as abstract slogans but as concrete, recognizable human situations. In the piece after Fet, the humanistic pathos shifts from pantheistic acceptance to the problem of human choice before the inevitability of Death, foregrounding an act of mercy and the rejection of fatalism. In the interpretation of Heine, humanism unfolds through subtle psychologization and the contrast between the vivid world of memory and the gray reality of solitude, eliciting deep empathy. The study's novelty lies in the first detailed intermedial analysis of specific videopoetry works in the context of the continuity and transformation of humanistic ideas. The results can be applied in literary theory and history, intermedial studies, and in designing courses on contemporary digital culture and media poetics.

Keywords: videopoetry, intermediality, humanism, A. Fet, H. Heine, visual image, digital philology, existential themes, media adaptation

Для цитирования: Юдина М. В., Цуркан В. В. Гуманизм в видеопэзии: интермедиаальный анализ (А. А. Фет, Г. Гейне) // *Libri Magistri*. 2026. № 1 (35). С. 123–130.

Поступила в редакцию 12.12.2025

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в тридцать шестом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание **2 номера 2026** (тридцать шестого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в июне 2026 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 96-04/2023).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.

3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности **не менее 70%**.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – ***Times New Roman***, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия**

автора (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – **ORCID** автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (без слова **Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образцы.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация – все на английском языке**. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>; на сайте журнала <http://lm.magtu.ru/#2022>.

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу **rudakovamasu@mail.ru**

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

---

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury' ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY: «DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2026. 1 (35)

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38). 16+, в соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29.12.10.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38.

Тел.: (3519) 227474.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru, rudakova@magtu.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Сдано в набор 10.03.2026. Подписано в печать 26.03.2026.

Дата выхода 31.03.2026.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Плоская печать. Усл. печ. л. 8, 87.

Тираж 500 экз. Заказ 88.

Цена свободная.